ЮРІЙ МИЛОСЛАВСКІЙ

ИЛИ

РУСКІЕ ВЪ 1612 ГОДУ.

Часть III.

МОСКВА.

ЮРІЙ МИЛОСЛАВСКІЙ,

ИЛИ

РУССКІЕ ВЪ 1612 ГОДУ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Соч. М. Н. Загоскина.

МОСКВА.
Въ Типографіи И. Степанова,
при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Театрѣ.
1829.

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва. 1829 года, Ноября 9 дня. Цензоръ и Кавалеръ

Иванъ Снегиревъ.

ЮРІЙ МИЛОСЛАВСКІЙ.

ГЛАВА I.

Прежде чѣмъ мы приступимъ къ продолженію сей повѣсти, намъ должно предувѣдомить читателей, что промежутокъ времени, отдѣляющій сію главу отъ предъидущей, заключаетъ въ себѣ почти четыре мѣсяца. Бо́льшей части нашихъ читателей безъ сомнѣнія извѣстны всѣ обстоятельства, предшествовавшія освобожденію Москвы и вступленію на Всероссійскій престолъ Михаила Феодоровича Романова; но несмотря на то, мы полагаемъ нужнымъ упомянуть, хотя мимоходомъ, о томъ, что происходило въ Нижнемъ Новѣ-Городѣ и около Москвы, отъ Апрѣля мѣсяца до начала Августа 1612 года. Избранный единодушно Главою Земскаго

ополченія, Князь Пожарской, излѣчась отъ ранъ своихъ, вступилъ въ Нижней Новъ-Городъ, сопровождаемый вѣрною дружиною воиновъ; его величественная наружность, радушіе и ласковое со всѣми обращеніе привлекли къ нему всѣ сердца. Бояре и Воеводы, старѣе его чинами и родомъ, несмотря на закоренѣлый предразсудокъ мѣстничества, добровольно подчинились его власти; со всѣхъ сторонъ спѣшили подъ знамена его люди ратные; Смольяне, Дорогобужане и Вязьмичи, жившіе въ Арзамасѣ, явились первые; въ слѣдъ за ними Рязанцы, Коломенцы и жители отдаленной Украйны умножили собою число *свободныхъ людей:* такъ называли себя воины, составлявшіе отечественное ополченіе Нижегородское, которое вскорѣ, подъ предводительствомъ Пожарскаго, двинулось къ Ярославлю. Въ семъ городѣ подкупленные злодѣемъ Заруцкимъ убійцы посягнули на жизнь знаменитаго

Вождя; но Богъ не допустилъ ихъ свершить сіе злодѣяніе, а великодушный Пожарской не только не предалъ ихъ заслуженной казни; но вырвалъ изъ рукъ народа, хотѣвшаго разтерзать ихъ на части. Важныя причины замедлили приходъ Нижегородцевъ подъ Москву, наконецъ приближеніе Гетмана Хоткѣвича съ сильнымъ войскомъ, посланнымъ противъ стоящаго подъ Москвою Князя Трубецкаго, побудило Пожарскаго поспѣшить своимъ приходомъ къ сей Столицѣ, и 1-го Августа 1612 года Нижегородское ополченіе прибыло къ Троицкой Лаврѣ, отстоящей отъ Москвы въ 64 верстахъ.

Въ началѣ Августа мѣсяца, въ одно прекрасное утро, какой-то прохожей, съ небольшою котомкою за плечами и весьма бѣдно одѣтый, едва переступая отъ усталости, шелъ по большой Нижегородской дорогѣ,

которая въ семъ мѣстѣ была проложена почти по самому берегу Волги. Его изнуренный видъ, блѣдное лице и впалыя щеки—все показывало въ немъ человѣка, недавно излѣчившагося отъ тяжкой болѣзни; но въ то же время нельзя было не замѣтить, что причиною его необычайной худобы была не одна тѣлесная болѣзнь: глубокая горесть изображалась на лицѣ его, а покраснѣвшіе отъ слезъ глаза ясно доказывали, что его душевныя страданія не миновались вмѣстѣ съ недугомъ, отъ котораго онъ, по видимому, совершенно излѣчился. Дойдя до густой березовой рощи, которую перерѣзывала узкая проселочная дорога, онъ остановился и, казалось, съ большимъ вниманіемъ сталъ разсматривать едва замѣтное полуобгорѣвшее строеніе, коего развалины виднѣлись на высокомъ холмѣ, верстахъ въ пяти отъ рощи, въ тѣни которой онъ тогда находился. »Я не ошибаюсь, сказалъ онъ наконецъ;

это отчина Боярина Шалонскаго.... слава Богу! она останется у меня въ сторонѣ.« Сказавъ сіи слова, прохожей сѣлъ подъ кустомъ и, вынувъ изъ котомки ломоть чернаго хлѣба, принялся завтракать.

Онъ не успѣлъ еще проглотить перваго куска, какъ вдругъ ему послышался въ близкомъ разстояніи конской топотъ, и черезъ минуту человѣкъ двадцать Козаковъ, выѣхавъ проселочной дорогою изъ рощи, потянулись вдоль опушки къ тому мѣсту, на которомъ расположился прохожей. Впереди всѣхъ, на ворономъ конѣ, въ Крымской ерихонкѣ (*), ѣхалъ начальникъ отряда; онъ отличался отъ другихъ Козаковъ не платьемъ, которое было весьма просто; но богатой конской збруею и блестящимъ оружіемъ, украшеннымъ дорогою серебряной насѣчкой. Когда онъ поровнялся съ прохожимъ, который нѣсколько уже минутъ не

(*) Шапка, похожая на выпѣшііа Персидскія.

спускалъ съ него глазъ; то сей последней вскрикнулъ радостнымъ голомъ:—такъ точно! это онъ!... здравствуй, Кирша!—

—Почему ты меня знаешь, добрый человѣкъ?—спросилъ всадникъ, пріостановя своего коня.

—Такъ видно я больно похудѣлъ, когда и ты меня не узнаешь—вглядись-ка хорошенько!—

—Вотъ те разъ!... Не ужели...? да нѣтъ! за чѣмъ ему здѣсь быть?—

—Правда, братъ Кирша! и я не чаялъ здѣсь быть; а думалъ, что меня отпоютъ и похоронятъ въ Нижнемъ Новѣ-Городѣ.—

—Не ужли-то въ самомъ дѣлѣ ты Алексѣй Бурнашъ?—

—Вь старину меня такъ звывали.—

—Ахъ, батюшки! Что это тебя такъ перевернуло?... а гдѣ твой Бояринъ?—

Вмѣсто отвѣта, Алексѣй закрылъ руками лице и горько заплакалъ.

— Что съ нимъ сдѣлалось? спросилъ Запорожецъ, соскочивъ съ коня. Гдѣ онъ? —

— Ужъ вѣрно тамъ! — сказалъ Алексѣй, показывая на небо; онъ былъ Ангелъ во плоти! —

— Такъ Юрій Дмитричъ...?

— Приказалъ долго жить, отвѣчалъ всхлипывая вѣрный служитель Милославскаго.

— Ахъ, Боже мой! Боже мой! вскричалъ Запорожецъ. — Гей, ребята!... долой съ коней! мы можемъ здѣсь позавтракать и дать вздохнуть лошадямъ; да подайте-ка мою кису! —

Козаки спѣшились и, разнуздавъ коней, пустили ихъ на обширной лугъ, который разстилался передъ рощею; а сами, поставивъ на небольшомъ возвышеніи часоваго, расположились кружкомъ подъ деревьями. Кирша, вынувъ изъ кисы флягу съ виномъ и большой пирогъ съ капустою, сѣлъ подлѣ Алексѣя.

— Ну-ка, брапъ, перекуси! сказалъ онъ; — ты, я вижу, больно отощалъ; да разскажи мнѣ какъ это случилось, что твой Бояринъ умеръ? онъ былъ такой дѣтина здоровой, кровь съ молокомъ! Отъ чего бы, кажется...?

— Его зарѣзали, — отвѣчалъ Алексѣй.

— Какъ?... кто?... гдѣ? —

— А вотъ послушай; ты, чай, помнишь какъ въ Нижнемъ на площади, когда Козьма Миничь, Сухорукой....

— Помню, помню! —

— Ну, въ этотъ самый день вечеромъ, Бояринъ былъ у Князя Черкаскаго, и на дворѣ ужъ стало смеркаться, какъ мы пошли съ нимъ на постоялой дворъ, въ который перебрались изъ дома этаго жида, Истомы-Туренина. Вотъ, недалеко отъ пристани, вдругъ выскочили на насъ изъ пустой церкви человѣкъ пять разбойниковъ; не успѣлъ я мигнуть, какъ меня хватили въ бокъ ножемъ — и я не завидѣлъ свѣта Божьяго. Не помню, дол-

го ли я пробылъ безъ памяти; а какъ очнулся, то увидѣлъ, что лежу на скамьѣ въ избѣ, и подлѣ меня стоитъ сѣдой старикъ. Я узналъ ужъ послѣ, что онъ рыбакъ и что, идучи поутру съ пристани, наткнулся на меня нечаянно и замѣтя, что я еще дышу, ради Христа, перенесъ меня къ себѣ въ избу. Какъ сквозь сонъ помню: лишь только онъ мнѣ это пересказалъ, я опять обезпамятѣлъ и ужъ спустя недѣли четыре, придя въ себя, спросилъ его о Бояринѣ; онъ сказалъ мнѣ, что никакого тѣла не подымали на томъ мѣстѣ, гдѣ нашли меня.... видно, злодѣи зарѣзали Юрія Дмитрича и бросили въ Волгу. Меня пользовала какая-то досужая старушка и я безъ малаго четыре мѣсяца стоялъ одной ногой въ могилѣ; а какъ немного поправился, то задумалъ идти въ подмосковную нашу отчину. О тебѣ и спрашивать было нечего; мнѣ сказали, что всѣ ратные люди ушли въ Ярославль, съ Княземъ Пожарскимъ: такъ

я отслужилъ третьяго-дня панихиду о моемъ Бояринѣ и отправился въ путь;... да что-то ноги плохо слушаются, насилу тащусь.—

— Ахъ, жалость какая! сказалъ Кирша, когда Алексѣй кончилъ свой разсказъ.—Ужъ если ему на роду было писано не дожить до сѣдыхъ волосъ: такъ пусть бы онъ умеръ со славою, на ратномъ полѣ—на людяхъ и смерть красна; а то, подумаешь, умереть одному, подъ ножомъ разбойника!... Я справлялся о васъ въ дому Боярина Туренина; да онъ самъ мнѣ сказалъ, что вы давнымъ давно уѣхали въ Москву.—

— Злодѣй!... онъ лучше меня знаетъ, куда отправился Юрій Дмитричь: это его дѣло.—

— Не уже ли?—

— Какъ Богъ святъ! у него въ дому разбойничья пристань.—

— Такъ недаромъ же онъ стрѣчка далъ изъ Нижняго! Когда Князь По-

жарской прибылъ къ намъ въ городъ, такъ, говорятъ, его вездѣ искали; да не нашли.... Ну, братъ Алексѣй! отеломилъ ты меня!... мнѣ все еще не вѣрится....

— И я долго не вѣрилъ. Вѣдь про покойнаго моего Боярина было какое-то пророчество, и такъ какъ до сихъ поръ ужъ многое сбылось; то я и не бралъ вѣры, что его зарѣзали; да пришлось наконецъ повѣрить.—

— А что такое о немъ пророчили? разскажи, братъ, пожалуй-ста!

— Вотъ изволишь видѣть: это случилось при Царѣ, Іоаннѣ Васильевичѣ, Грозномъ, когда батюшка моего покойнаго Боярина былъ еще дитятею; нянюшка его, Федора разсказывала мнѣ это подъ большою тайной. Однажды.... надобно тебѣ сказать, что матушка его, то есть бабушка Юрія Дмитрича, была премилосердая; вся нищая братья въ околоткѣ ею только и жила. Ну, вотъ однажды, въ день рожденья.... или нѣтъ! въ день имянинъ

своего сожителя, она изволила на крыльцѣ своеручно раздавать милостыню неимущимъ, которыхъ набралось на боярской дворъ видимо невидимо. Всѣ нищіе, какъ водится, такъ и лѣзли другъ передъ другомъ, чтобъ схватить милостыню; одна только старушка не рвалась впередъ, и стоя поодаль, терпѣливо дожидалась своей очереди. Вотъ ужъ Боярыня отдавала послѣднюю копѣйку и иной нищей, попроворнѣе другихъ, протягивалъ въ четвертый разъ руку, а старушка все не трогалась съ мѣста. На ту пору нянюшка, Федора стояла также на крыльцѣ, замѣтила старуху и доложила о ней Боярынѣ; нищую подозвали, и когда Боярыня, вынувъ изъ кармана цѣлой алтынъ, подала ей и сказала: »молись за здравіе имянинника!« то старушка, взглянувъ пристально на Боярыню и помолчавъ нѣсколько времени, промолвила: »охъ ты, моя родимая! здоровъ-то онъ будетъ; да уцѣлѣетъ ли его головушка...«

— Какъ такъ? — спросила Боярыня, поблѣднѣвъ какъ смерть. »Дай-то Господи, продолжала старушка, чтобъ о вешнемъ Николѣ не пришлось тебѣ панихиды служить.« Сказавъ сіи слова, старуха поклонилась, юркнула въ толпу нищихъ, и слѣдъ простылъ. Боярыня закричала: »ищите ее! приведите сюда!« не тутъ-то было, згинула да пропала, и всѣ нищіе сказали въ одинъ голосъ, что не знаютъ: кто она такова, откуда взялась и куда дѣвалась. Ну, чтожъ! и въ самомъ дѣлѣ, вскорѣ послѣ того, злодѣй Малюта - Скуратовъ обнесъ передъ Царемъ нашего Боярина и его казнили, наканунѣ Николина дня. Боярыня, оставшись вдовою, съ однимъ малолѣтнымъ сыномъ, Дмитріемъ Юрьевичемъ—батюшкою покойнаго моего господина—отправилась въ свою Закамскую отчину, и ровно десять лѣтъ о той старушкѣ слуху не было. Межъ тѣмъ Дмитрій Юрьевичъ подросъ, женился и прижилъ покой-

наго моего господина, Юрія Дмитріевича. Вотъ однажды, около Петрова дня, они всей семьей отправились въ Калугу, повидаться съ родными. Имъ пришлось подъ вечеръ проѣзжать Брынскимъ лѣсомъ. Боярыни и Федора ѣхали въ колымагѣ (1), а Бояринъ и холопи верхами. Вдругъ въ самой срединѣ лѣса застигла ихъ гроза, загремѣлъ громъ, поднялся вихрь, дождь полилъ какъ изъ ведра и пошелъ такой гудъ по лѣсу, что лошади шарахнулись и стали на одномъ мѣстѣ какъ вкопанныя, ни взадъ ни впередъ. Федора божилась мнѣ, что она эдакой грозы сродясь не видывала. Молодая Боярыня со страху зарылась въ подушки; а старая, хоть также робѣла, однакожъ замѣтила и показала Федорѣ, что подлѣ дороги, противъ самой колымаги, сидитъ подъ кустомъ какая-то женщина. Вдругъ блеснула молонья, освѣтила все кругомъ, Федора ахнула, а старая Боярыня, толкнувъ ее тихонько локтемъ,

приказала молчать: онѣ обѣ узнали въ этой прохожей старушку, которая предсказала о смерти покойнаго Боярина. Вотъ, какъ гроза поунялась, Боярыня вылѣзла изъ колымаги, подошла къ старухѣ и начала съ нею говорить шопотомъ. Межъ тѣмъ набѣжала новая туча, загремѣлъ опять громъ и сдѣлалась такая темяоть, что хоть глазъ выколи; а когда прочистилось, то старухи ужъ не было— какъ она ушла, куда дѣвалась, Богъ вѣсть! Старая Боярыня крѣпилась мѣсяца два, наконецъ не вытерпѣла и пересказала Федорѣ, подъ большою тайной, что нищая говорила съ ней о ея внукѣ, Юрьѣ Дмитричѣ: что будтобъ онъ натерпится много горя, рано осиротѣетъ и хоть будетъ человѣкъ ратной, а умретъ на своей постелѣ; что станетъ служить иноплеменному Государю; полюбитъ красную дѣвицу, не зная кто она такова; и что всего-то чуднѣе, хоть и же-

нится на ней—а свашьба ихъ будешъ не веселе похоронъ.—

—Чшожъ изъ эшаго сбылось?—

—Какъ чшо? на двадцашомъ году Юрій Дмишричь осирошѣлъ, служилъ Королевичу Владиславу и полюбилъ Боярышню Шалонскую, не зная кшо она шакова.—

—Прада, правда! но вѣдь ему должно было умерешь своей смершью?—

—Кажись бы должно, а на бѣду вышло не шакъ.—

—И чшо за свадьба, кошорая не веселѣе похоронъ?—

—Ужъ эшаго, любезный, и нянюшка Федора расшолковашь не могла.—

—Вошъ шо-шо и есшь! не всѣ, брашъ, пророчесшва сбываюшся. Пожалуй и про меня въ Царицынѣ какой-шо цыганъ сказалъ, чшо я попаду въ Запорожскую Сѣчь, и вѣкъ осшанусь просшымъ Козакомъ—чшожъ вышло? одно сбылось, а другое нѣшъ. Ты видишь самъ, продолжалъ Кирша, взглянувъ съ удовольсшвіемъ на сво-

ихъ Козаковъ,—у меня подъ началомъ вотъ этакихъ молодцевъ до сотни наберется, и какъ бы я зналъ да вѣдалъ, кто эти душегубцы, которые потеряли Юрія Дмитрича: такъ я бы ихъ съ моими ребятами на днѣ морскомъ нашелъ. Ужъ поплатились бы мнѣ за твоего Боярина!—примолвилъ Кирша, принимаясь за флягу съ виномъ.

— Одного-то изъ нихъ ты знаешь, я его и въ потьмахъ разсмотрѣлъ. Онъ тотъ самой разбойникъ.... вотъ, что ты называлъ Омляшемъ.—

— Какъ!... вскричалъ Кирша, выронивъ изъ рукъ свою флягу.

— Ну, да! тотъ самый, котораго ты, помнишь, въ лѣсу перекрестилъ по головѣ нагайкою.—

— Ахъ, Боже мой! Алексѣй! знаешь ли что! Вѣдь твой Бояринъ-то, можетъ быть, живъ!—

— Что ты говоришь?—

— Этотъ Омляшъ и его товарищи, слуги Боярина, Кручины-Шалонскаго.—

— Не ужто?—

— Я слышалъ своими ушами, что имъ приказано было захватить Юрія Дмитрича живьемъ. Ну, теперь понимаешь ли, почему не нашли твоего Боярина ни живаго, ни мертваго.... Онъ теперь въ рукахъ у этаго кровопійцы, Шалонскаго.—

— А что ты думаешь!—

— Вѣрно такъ! и если только онъ живъ....

— Дай-то, Господи!—

— То во чтобъ то ни стало, а Кирша его выручитъ. Видишь тамъ вдали...? Вѣдь это, кажется, отчина Шалонскаго.—

— Должна быть она; только куда дѣвались его хоромы, тамъ на холмѣ....

— Одни угольки остались.... это, братъ, наше дѣло; хозяина-то жаль не захватили. Когда мы проходили черезъ село и стали добиваться отъ крестьянъ, гдѣ ихъ Бояринъ: то всѣ

мужички въ одинъ голосъ сказали, что онъ со всѣми своими пожитками, холопями и домочадцами уѣхалъ, а куда — никто не знаетъ. Пуще всего грызъ на него зубы Бояринъ Образцовъ. Съ досады, что онъ отъ насъ ускользнулъ, мы запалили его хоромы: первой пукъ соломы бросилъ въ него Федька Хомякъ, который по всѣмъ дворамъ искалъ Прикащика, и ужъ если бы онъ попался Хомяку въ руки, не сдобровать бы ему! Мы было хотѣли поджечь и село, да жаль стало мужичковъ; они сердечные не виноваты, что ихъ Бояринъ предатель и измѣнникъ.—

—Такъ чтожъ прибыли, что Юрій Дмитричь и живъ,—сказалъ печально Алексѣй,—когда мы не вѣдаемъ, куда этотъ злодѣй, Шалонской его запряталъ!—

—А почему знать? можетъ быть, и добьемся толку. Жаль, что со мной народу-то не много, а то бы я не выпустилъ изъ села ни одной души,

пока не узналъ гдѣ теперь ихъ Бояринъ. Статься не можетъ, чтобъ въ цѣлой отчинѣ не нашлось никого,ктобъ зналъ, куда онъ запропастился.—

— Можетъ быть, онъ уѣхалъ въ Москву.—

— Со всей своей дворнею? что ты, братъ! Въ Москвѣ и Полякамъ-то перекусить нечего: такъ примутъ они его съ такой ватагою! Нѣтъ! онъ вѣрно теперь въ какомъ нибудь другомъ помѣстьи.... да вотъ постой! достанемъ языка, такъ авось что нибудь вывѣдаемъ.—

— Эхъ, любезный! сказалъ Алексѣй, покачивая головою,—не вѣрится мнѣ.... ты было сначала меня обрадовалъ, а послѣ какъ подумалъ.... не можетъ быть! Если его и взяли живаго: такъ вѣрно ужъ давнымъ давно уходили.—

— Авось, братъ! попытка не шутка, а спросъ не бѣда! Слава Богу, что мой Старинна, Смага-Жигулинъ, не

отпустилъ меня одного! чтобъ мы стали теперь дѣлать?—

—Да какъ ты сюда попалъ?—

—Меня послалъ Князь Пожарской съ грамотою къ Нижегородцамъ, и я было уже совсѣмъ отправился съ однимъ только Козакомъ, да Жигулинъ велѣлъ мнѣ взять съ собою этихъ ребятъ. Около Москвы теперь вовсе проѣзду нѣтъ, по всѣмъ дорогамъ бродятъ Шиши; хоть они грабятъ и рѣжутъ однихъ Поляковъ, да измѣнниковъ; но не ровенъ часъ—когда они подъ-хмѣлькомъ, то имъ всѣ кажутся или Поляками, или измѣнниками; а нашу братью Козаковъ, и чужихъ и своихъ, они терпѣть не могутъ. Говорятъ, у нихъ старшимъ какой-то деревенской батька; мнѣ разсказывали про него и Богъ вѣсть что! Чудо-богатырь, аршинъ трехъ ростомъ, а зовутъ его, помнится, отцемъ Еремѣемъ (2). Всѣ подмосковные Шиши въ такомъ у него послушаніи, что безъ его благословенія рукъ отвести не смѣютъ

и еслибъ не онъ, такъ отъ этихъ Русскихъ налетовъ и православнымъ житья бы не было.—

— Такъ ты ѣдешь теперь изъ Нижняго?—

— Да! торопиться мнѣ не зачѣмъ— станемъ искать твоего Боярина, авось Господь намъ поможетъ.... Постой-ка, мнѣ пришло въ голову.... а что, и въ самомъ дѣлѣ!... Я знаю въ этомъ селѣ одного мужичка, онъ со всей Боярской дворнею водилъ знакомство, и ремесломъ колдунъ; такъ вѣрно лучше другаго можетъ намъ намекнуть.... Ей, молодцы! продолжалъ Кирша;—побудьте здѣсь, а я на часокъ-мѣсто отлучусь. Вотъ этотъ парень разскажетъ вамъ, о чемъ идетъ дѣло. Малышъ! ты останешься старшимъ; если я черезъ часъ не вернусь, то ступайте всѣ—вонъ въ тотъ лѣсъ, что позади села. Сборное мѣсто недалеко отъ огородовъ, подлѣ деревянной часовни; да только безъ

шуму, вишхомолку и не кучею, а въ разсыпную, понимаешь?—

— Разумѣю, отвѣчалъ Малышъ, небольшаго роста, но ловкой и проворной Козачей Урядникъ.—

— Смотри, чтобъ безъ меня ребята не дурили; проѣзжихъ не трогать!—

— Слышите ли, товарищи, что Есаулъ-то говоритъ? сказалъ Малышъ. Однакожъ Кирша Пахомычь, продолжалъ онъ, обращаясь къ Киршѣ,—неравно повезушь изъ Балахны вино, или брагу—такъ по чаркѣ другой можно...?

— Ну, ну, такъ и быть! только чуръ, ребята, изъ бочекъ дны не выбивать! подайте моего коня! да если вамъ придется ѣхать въ лѣсъ, такъ дайте и этому дѣтинѣ заводную лошадь.—

Кирша вскочилъ на своего Вихря, и повторивъ еще разъ всѣ приказанія, пустился полемъ къ знакомому

для насъ лѣсу, который чернѣлся верстахъ въ трехъ, налѣво отъ большой дороги.

ГЛАВА II.

Кирша, пробираясь осторожно опушкою лѣса, и не встрѣтивъ никого, поровнялся наконецъ съ гумномъ Федьки Хомяка, которое, вѣроятно, принадлежало другому уже крестьянину; онъ поворотилъ къ часовнѣ и пустился по тропинкѣ, ведущей на пчельникъ Кудимыча. Проѣхавъ версты полторы, Кирша повстрѣчался съ крестьянской дѣвушкою. — Здорово, красная дѣвица!—сказалъ онъ, приподнявъ вѣжливо свою шапку.—Отъ куда идешь?—Дѣвушка сначала испугалась, но ласковой голосъ и веселой видъ Запорожца ее успокоили.—Я иду домой, господинъ честной,—отвѣчала она, отвѣсивъ низкой поклонъ Киршѣ.

— И вѣрно ходила ворожить на пчельникъ?—

— А почему ты это знаешь?—спросила она, взглянувъ на него съ удивленіемъ.

— Видно знаю! Ну, что! радостную ли вѣсточку сказалъ тебѣ Кудимычъ?... Скоро ли свадьба?—

— Архипъ Кудимычъ баитъ, что скоро. Да почему ты знаешь?...

— Какъ не знать!... А что, лебедка, чай, ты не съ пустыми руками къ нему ходила?—

— Коли съ пустыми! Я ему носила на поклонъ полъ - сорока яицъ, да двѣ копѣйки.—

— Екъ твой суженой-то разхарчился!—

— Вотъ еще! велико дѣло двѣ копѣйки! Для меня Ванюша не постоитъ и за два алтына Да почему ты знаешь ...?

— Мало ли, что я знаю, голубушка! А что отсюда не далече до пчельника?—

— Близехонько.—

— Прощай, красавица!—

Кирша поѣхалъ далѣе, а крестьянская дѣвушка, стоя на одномъ мѣстѣ, провожала его глазами до тѣхъ поръ, пока не потеряла совсѣмъ изъ вида. Не доѣхавъ шаговъ пятидесяти до пчельника, Запорожецъ слѣзъ съ лошади и, привязавъ ее къ дереву, пробрался между кустовъ до самыхъ воротъ загородки. Двери избушки были растворены, а собака спала крѣпкимъ сномъ подлѣ своей конуры. Кирша взошелъ такъ тихо, что Кудимычъ, занятой счетомъ яицъ, которыя въ большомъ рѣшетѣ стояли передъ нимъ на столѣ, не приподнялъ даже головы.

— Кудимычъ!—сказалъ Кирша грознымъ голосомъ. Колдунъ вздрогнулъ, поднялъ голову, вскрикнулъ, хотѣлъ вскочить; но его ноги подкосились и онъ сѣлъ опять на скамью.

— Узнаешь ли ты меня?—продол-

жалъ Запорожецъ, глядя ему прямо въ глаза.

— Узнаю, батюшка, узнаю!—пробормоталъ заикаясь Кудимычь.

— Такъ-то ты помнишь свое объщаніе, негодный! А!... не божился ли ты мнѣ, что не станешь никогда колдовать?—

— И не колдую, отецъ мой! Видитъ Богъ, не колдую!—

— Право?... а это что? Кто принесъ тебѣ это рѣшето яицъ? чьи это двѣ копѣйки?... Ага! прикусилъ язычекъ!—

— Помилуй, кормилецъ! какъ Богъ святъ....

— Молчи!... кто тебѣ сказалъ, что Ванька скоро женится? а?...

— Никто, батюшка, никто! я ничего не говорилъ.—

— Ого! да ты еще запираешься! такъ постой же!... Гирей, мурей, алла боржукъ....

— Виноватъ, отецъ мой!—закричалъ

колдунъ, вскочивъ со скамьи и повалясь въ ноги Запорожцу.

— Вотъ этакъ-то лучше, негодный! а не то я скажу еще одно словечко, такъ тебя скоробитъ въ бараней рогъ!—

— Что дѣлать! согрѣшилъ, окаянный! мѣсяца четыре крѣпился, да сего-дня чортъ принесъ эту проклятую Марѳушку!.. »поворожи, да поворожи!...» присташа ко мнѣ, какъ лихоманка—не зналъ какъ отвязаться!—

— Добро, добро, встань! счастливъ ты, что у меня есть до тебя дѣльцо; а то узналъ бы, каково со мной шутить! ты долженъ сослужить мнѣ службу.—

— Все, что прикажешь, батюшка!—

— Если ты мнѣ поможешь въ одномъ дѣлѣ, такъ и я тебѣ удружу: вѣдь ты только обманываешь добрыхъ людей,—а хочешь ли, я сдѣлаю изъ тебя изаправскаго колдуна?—

— Какъ не хотѣть, батюшка! Да я

тогда за тебя, куда хочешь, и въ огонь, и въ воду!—

— Слушай же! Во первыхъ, ты вѣрно знаешь, гдѣ Бояринъ Шалонской?—

— Кто, батюшка?—

— Бояринъ, Кручина-Шалонской.—

— Тимоѳѣй Федоровичь?—

— Ну, да!—

— То есть, Бояринъ мой?—

— Кой чортъ! что ты, братъ, перемина ешься? Смотри, не вздумай солгать! Боже тебя сохрани!—

— Что грѣхъ таить, родимой! знать-то я знаю....

— Такъ чтожъ?—

— Да, не велено сказывать.—

— А я тебѣ приказываю.—

— Да на что тебѣ, кормилецъ!... Вѣдь ты и безъ меня всю подноготную знаешь; тебѣ стоитъ захотѣть, такъ ты сей часъ увидишь, гдѣ онъ.—

— Вотъ то-то и дѣло, что нѣтъ! У кого я въ дому пользовалъ, надъ

тѣмъ моя ворожба цѣлой годъ не дѣйствуетъ.—

—Вотъ что!—

—А ты, братъ, и безъ ворожбы знаешь, такъ сказывай!—

—Отецъ родной! взмилуйся! Вѣдь меня совсѣмъ обдерутъ.... и если Бояринъ узнаетъ, что я проболтался....

—Не бось, никому не скажу.—

—Не смѣю, батюшка! воля твоя, не смѣю!—

—Такъ ты сталъ еще упрямиться!... Погоди же, голубчикъ!... Гирей, мурей....

—Постой, постой!... охъ, батюшки! что мнѣ дѣлать?... да точно ли ты никому не скажешь?—

—Дуралей! Когда ты самъ будешь колдуномъ, такъ что тебѣ сдѣлаетъ Бояринъ? Если захочешь, такъ никто и пчельника твоего не найдетъ: всѣмъ глаза отведешь.—

—Оно такъ, батюшка! Но еслибъ ты зналъ, каковъ нашъ Бояринъ....

—Да, что ты торгуешься, въ самомъ дѣлѣ? закричалъ, Запорожецъ—Въ

послѣдней разъ: скажешь ли ты мнѣ, или нѣтъ, гдѣ теперь Тимофѣй Федоровичъ?—

—Не гнѣвайся, кормилецъ, не гнѣвайся! все скажу. Онъ теперь живетъ верстъ семьдесятъ отсюда, въ Муромскомъ лѣсу.—

—Въ Муромскомъ лѣсу?—

—У него тамъ много пустошей, а живетъ онъ на хуторѣ, который выстроилъ еще покойный его батюшка; одни говорятъ, для того, чтобъ охотиться и бить медвѣдей; другіе баютъ, для того, чтобъ держать притонъ и грабить обозы. Этотъ хуторъ прозывается Теплымъ Станомъ, и какъ слышно, въ такомъ захолустьи построенъ, что и въ полдни солнышка не видно. Сказываютъ также, что когда-то была на томъ мѣстѣ пустынь, отъ которой осталась одна каменная ограда, да подземные склѣпы, и что будтобъ съ тѣхъ поръ, какъ ее раззорили Татары и погубили всѣхъ стар-

цевъ, никто не смѣлъ и близко къ ней подходить; что каждую ночь, перерѣзанные монахи встаютъ изъ могилъ и сходятся служить сами по себѣ панихиду; что частенько, когда дѣлывали около этаго мѣста порубки, мужики слыхали въ сумерки благовѣстъ. Одинъ старикъ, котораго сынъ и теперь еще живъ, разсказывалъ, что однажды зимою, отыскивая медвѣжей слѣдъ, онъ заплутался, и въ самую полночь забрелъ на пустынь; онъ божился, что своими глазами видѣлъ, какъ цѣлый рядъ монаховъ, въ черныхъ рясахъ, со свѣчами въ рукахъ, тянулся вдоль ограды и, обойдя кругомъ всей пустыни, пропалъ надъ самымъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ и до сихъ поръ видны могилы. Старикъ замѣтилъ, что всѣ они были изувѣчены: у одного перерѣзано горло, у другаго разрублена голова, а третій шелъ вовсе безъ головы....

— И этотъ старикъ отъ страху

не умеръ?—спросилъ робкимъ голосомъ Карпа, который въ первый разъ отъ роду почувствовалъ, что можетъ и самъ подъ-часъ струсить.

—Нѣтъ, не умеръ, отвѣчалъ Кузмычъ;—а такъ испугался, что тутъ же рехнулся и, какъ говорятъ, до самой смерти не приходилъ въ память.—

—Какъ же отецъ вашего Боярина рѣшился на этакомъ мѣстѣ построить хуторъ?—

—Онъ былъ, не тѣмъ помянуто, какой-то еретикъ: ничему не вѣрилъ, въ церковь не заглядывалъ, въ баню не ходилъ,—не лучше былъ Татарина. Правда, баютъ, при немъ мертвецы наружу не показывались, а только по ночамъ холопи его слыхали, что подъ землею кто-то охаетъ и стонетъ. Былъ слухъ, что это живые люди, започенные въ подземельи; а я такъ смекаю, да и всѣ такъ мыслятъ, что это души усоп-

шихъ; а не показывались они потому, что старый Бояринъ былъ ничѣмъ не лучше тѣхъ некрещеныхъ бесурманъ, которые разорили пустынь. Однакожъ наконецъ и онъ унялся ѣздить на хуторъ; послѣжъ его смерти, годовъ двадцать никто туда не заглядывалъ, и только въ прошломъ лѣтѣ, по приказанію Тимофѣя Федоровича, починили боярской домъ и исправили всѣ службы.—

— Ну, теперь скажи мнѣ: этакъ мѣсяца четыре назадъ, не слыхалъ ли ты, что изъ Нижняго привѣзли сюда насильно одного молодаго Боярина...?

— Мѣсяца четыре? . . . Кажись, нѣтъ! . . .

— Точно ли такъ?

— Постой-ка! . . . Вѣдь это никакъ придется близко Святой?... Ну, такъ и есть! . .. Мнѣ сказывала мамушка Власьевна, что въ Субботу на Ѳомино Воскресенье, ей что-то ночью не спалось; вотъ она передъ свѣ-

томъ слышитъ, что вдругъ прискакали на боярской дворъ; подошла къ окну—глядь! сидитъ кто-то въ телегѣ, руки скручены назадъ, ротъ завязанъ; прошло такъ около часу; вышелъ изъ хоромъ боярской стремянной, Омляшъ, сѣлъ на телегу, подлѣ этаго горемыки, да и по всѣмъ потремъ!—

—Такъ точно, это онъ! вскричалъ Кирша.—Можетъ быть, я найду его на хуторѣ. Послушай, Кудимычь! ты долженъ проводить меня до Теплаго Стана.—

—Что ты, родимой! я сродясь тамъ не бывалъ.—

—Полно такъ ли?—

—Видитъ Богъ, нѣтъ!—

—Такъ не достанешь ли ты мнѣ проводника?—

—Наврядъ. Дворовыхъ въ селѣ ни души не осталось; а изъ мужичковъ, чай, также какъ я, никто туда не ѣзжалъ.—

— По не можешь ли хоть растолковать, по какой дорогѣ надо ѣхать?—

— Кажись, по Муромской. Какъ бы знато да вѣдано, такъ я межъ словъ повыспросилъ бы у Боярскихъ холопей— они часто ко мнѣ наѣзжаютъ. Вотъ дней пять тому назадъ ночевалъ у меня Омляшъ; его посылали тайкомъ къ Боярину, Лесутъ-Храпунову; отъ него бы я добился, какъ проѣхать на Теплый Станъ; хоть онъ смотритъ медвѣдемъ, а подъ-хмѣлькомъ все выболтаетъ. Въ прошлый разъ, какъ вытянулъ цѣлый жбанъ браги, такъ и принялся мнѣ разсказывать, что у нихъ на хуторѣ...

Тутъ вдругъ Кудимычь поблѣднѣлъ, затрясся и слова замерли на языкѣ его.

— Ну, чтожъ у нихъ на хуторѣ? сказалъ Запорожецъ.—Да, кой прахъ! что съ тобой сдѣлалось?

Вмѣсто отвѣта, Кудимычь показалъ на окно, въ которое съ-на-

дворья выглядывала отвратительная рожа, съ прищуренными глазами и рыжей бородою.

— Омляшъ!—вскрикнулъ Кирша, выхвативъ свою саблю; но въ тужъ минуту нѣсколько человѣкъ бросились на него сзади, обезоружили и повалили на полъ.

— Скрутите его хорошенько! закричалъ вслухъ Омляшъ; а я сей часъ переведаюсь съ хозяиномъ. Ну-ка, Архипъ Кудимовичь! сказалъ онъ, входя въ избу:—я все слышалъ—посмотримъ твоего досужества, какъ-то ты теперь отворожишься!—

— Виноватъ, батюшка! завопилъ Кудимычь, упавъ на колѣни. — Не губи моей души! Дай покаяться!—

— Ахъ, ты проклятый колдунъ! такъ ты всякому прохожему разсказываешь, гдѣ живетъ нашъ Бояринъ?—

— Батюшка! отецъ родной! въ первый и послѣдней разъ проболтался! вѣкъ никому не скажу!...

— И не скажешь! я за это порукою....

Омляшъ махнулъ кистенемъ—и Кудимычъ съ раздробленной головой повалился на полъ.

— Ай, да Омляшъ! сказалъ небольшаго росту человѣкъ, въ которомъ Кирша узналъ тотъ-часъ Земскаго Ярыжку. — Исполать тебѣ! Смотри-ка.... ни пикнулъ!—

— Я не люблю томить, отвѣчалъ хладнокровно Омляшъ;—мой обычай: далъ раза, да и дѣло съ концемъ! А ты что за птица? продолжалъ онъ, обращаясь къ Киршѣ. Ба, ба, ба! старой пріятель! милости просимъ! чтожъ ты молчишь? иль не узналъ своего крестника?—

— Да, это тотъ самый колдунъ, сказалъ одинъ изъ товарищей Омляша,—что пользовалъ нашу Боярышню.—

— Ой ли? ну, братъ! не знаю, каково ты ворожешь; а нагайкою лихо

держиться. Ребята! поищите-ка веревки, да подлиннѣе, чтобъ повыше его вздернуть; а вонъ, кстати, у самыхъ воротъ знатная сосна. —

— Знаешь ли, молодцы? сказалъ Земской, что повѣсить и одного колдуна богоугодное дѣло; а мы за одинъ приемъ двоихъ отправимъ къ чорту.... эко счастье привалило!—

— А скажи-ка, крестной батюшка, спросилъ Омлишъ, за чѣмъ ты сюда зашелъ? ужь не прислали ли тебя нарочно повывѣдать, гдѣ нашъ Бояринъ?... Чтожъ ты молчишь? продолжалъ Омляшъ.—Заговорилъ бы ты у меня, да некогда съ тобой растабарывать.... Ну, что стали, ребята? Удалой! тащи его къ соснѣ, да втянемте на самую макушку: пусть онъ оттуда караулитъ пчельникъ!—

Киршу вывели за ворота. Удалой влѣзъ на сосну, перекинулъ черезъ толстой сукъ веревку, а Омляшъ, сдѣлавъ на одномъ концѣ петлю, надѣлъ ее на шею Запорожцу.

— Послушайте, молодцы! сказалъ Кирша,— что вамъ прибыли губить меня? отпустите живаго, такъ каяться не будете.—

— Ага, братъ, заговорилъ! да нѣтъ, любезный! насъ не убаюкаешь. Подымай его!—

— Постойте! я дамъ за себя выкупъ!—

— Выкупъ?... Погодите, ребята!—

— Что ты его слушаешь, Омляшъ! сказалъ Земской;— я его кругомъ обшарилъ, теперь у него и пол-деньги нѣтъ за душею.—

— Здѣсь въ лѣсу есть кладъ!—

— Кладъ? вскричалъ Омляшъ; а что вы думаете, ребята? Вѣдь онъ колдунъ, такъ не диво, если знаетъ.... да не обманываешь ли ты?—

— Что мнѣ прибыли обманывать! вѣдь я у васъ въ рукахъ.—

— Ну! добро, добро! покажи намъ, гдѣ кладъ, сказалъ Земской.—

— Да! покажи вамъ, а послѣ вы меня все-таки уходите! нѣтъ! побожитесь прежде, что вы отпустите меня живаго.—

— Ты еще вздумалъ съ нами торговаться! вскричалъ Омлянъ.—Покажи намъ кладъ, а тамъ посмотримъ, что съ тобою дѣлать.—

— Какъ бы не такъ! обѣщайтесь отпустить меня съ честью, такъ покажу; а безъ этого, прибавилъ твердымъ голосомъ Кирила,—хотя въ куски меня рѣжьте, ни слова не вымолвлю.—

— Ну, ну! сказалъ Земской, мигнувъ Омляну, такъ и быть! Вотъ-те Христосъ, мы тебя отпустимъ на всѣ четыре стороны, и ни чѣмъ не обидимъ, покажи только кладъ!

— Точно ли такъ, ребята?...

— Да, да! повторилъ Омлянъ и его товарищи,—мы ни чѣмъ тебя не обидимъ и отпустимъ съ честью!—

— Смотрите же, молодцы! Вѣдь

вамъ грѣшно будетъ, если вы меня обманете,—сказалъ Кирша.

— Не обмани только ты, а мы не обманемъ, отвѣчалъ Омлятъ.—Удалой! возьми ка его подъ руку, я пойду передомъ, а вы, ребята, идите по сторонамъ; да смотрите, чтобъ онъ не юркнулъ въ лѣсъ—я его знаю: онъ хватъ-дѣтина! Томила! захвати веревку-то съ собой: не равно онъ насъ морочитъ, такъ было бы на чемъ его повѣсить.—

— А вотъ кстати и заступъ! сказалъ Земской.—Вѣдь мы не руками же станемъ землю разкапывать?—

Кирша повелъ ихъ по тропинкѣ, которая шла къ селенію. Желая продлить время, онъ безпрестанно останавливался и шелъ весьма медленно, отвѣчая на угрозы и понужденія своихъ провожатыхъ, что долженъ удостовѣриться по разнымъ примѣтамъ, туда ли онъ ихъ ведетъ. Поровнявшись съ часовнею, онъ остановился, окинулъ быстрымъ взоромъ

всѣ окружности и удостовѣрился, что его Козаки не прибыли еще на сборное мѣсто. Помолчавъ нѣсколько времени, онъ сказалъ, что не можетъ исполнить своего обѣщанія до тѣхъ поръ, пока не развяжутъ ему руки.— Не хлопочи, братъ! отвѣчалъ Омлятъ, покажи намъ только мѣсто, а ужъ копать будешь не ты.—

— Да, много выкопаете! сказалъ Запорожецъ; вѣдь кладъ не всѣмъ дается—за это надо взяться умѣючи!—

— Что правда́, то правда! примолвилъ Земской. Я много разъ слыхалъ, что безъ досужаго человѣка кладъ никому въ руки не дается; какъ не успѣешь сказать: »аминь, аминь, разсыпься!« такъ и ступай искать его въ другомъ мѣстѣ.—

— Ну, ну, хорошо! развяжите его сказалъ Омлятъ, да чуръ не дремать, ребята! а ужъ я его не смигну!—

Когда Киршѣ развязали руки, онъ спросилъ заступъ, очертилъ имъ

большой кругъ подлѣ часовни, и сталъ посрединѣ; потомъ пробормотавъ нѣсколько невнятныхъ словъ и объявя, что долженъ послушать, выходитъ ли кладъ наружу, или опускается внизъ, прилегъ ухомъ къ землѣ. Сначала онъ не слышалъ ничего, все было тихо кругомъ; наконецъ ему послышался отдаленный конской топотъ.

— Ну что, чуешь ли что нибудь? спросилъ съ нетерпѣніемъ Омлянъ.

— Да, да! отвѣчалъ Запорожецъ, — дѣло идетъ порядкомъ, только торопиться не надобно. Я примусь теперь копать землю, а вы стойте вокругъ за чертою, да смотрите, не шевелитесь! Къ этому кладу большой караулъ приставленъ — не легко онъ намъ достанется. —

— А что? спросилъ робкимъ голосомъ Земской, — ужъ не будетъ ли какого демонскаго навожденія? —

— Не безъ того-то, любезный! отвѣчалъ Кирша важнымъ голосомъ. — Лу-

кавый хитеръ! напустишъ на васъ страхъ — смотрите, ребята чуръ не робѣть! чтобъ вамъ не помстилось, стойте смирно, а пуще всего не оглядывайтесь назадъ.—

— Что за вздоръ? сказалъ Омлятъ, взглянувъ подозрительно на Киршу.— Я никогда не слыхивалъ, чтобъ—наше мѣсто свято! показывался по утрамъ, когда ужъ пѣтухи давнымъ давно пропѣли!—

— Не слыхалъ, такъ другіе отъ тебя услышатъ. Становитесь же въ кружокъ, не говорите ни слова, смотрите внизъ, и если покажется изъ земли огонекъ, тотъ часъ зачурайтесь.—

Наблюдая глубокое молчаніе, всѣ стали кругомъ Кирши, который, пошептавъ нѣсколько минутъ, принялся копать съ большими разстановками.

— Чу! шепнулъ Омлятъ Земскому, слышишь ли?... Конской топотъ!—

— Ради Бога, молчи!—отвѣчалъ Земской дрожащимъ голосомъ.

— Тсъ!... что вы!... Ни гугу! сказалъ Запорожецъ, погрозивъ пальцемъ.

Шумъ часъ отъ часу приближался и становился внятнѣе.

— Я слышу голоса! промолвилъ Омляшъ, посматривая съ безпокойнымъ видомъ вокругъ себя.—Ей ты, колдунъ!...

— Тсъ!...

— Если ты завелъ насъ въ какую нибудь засаду, то....

— Тсъ!...

— Уймешься ли ты!—сказалъ Томила, толкнувъ его локтемъ.

— Къ намъ точно подъѣзжаютъ,—вскричалъ Омляшь, вынувъ изъ за пояса большой ножъ.

— Эхъ, братецъ! перестань! шепнулъ Удалой;—это намъ мерещится.—

Земской не говорилъ ни слова; онъ не смѣлъ пошевелить губами и стоялъ какъ вкопаной.

— Слушайте, ребята! сказалъ Кирша, пересчитавъ копать,—если вы не уйметесь говорить, то быть бѣдѣ! То ли еще будетъ; да не бойтесь, стойте только смирно и не оглядывайтесь назадъ: а я ужъ знаю когда зачурать.—

Омлянъ замолчалъ и, устремивъ проницательный взоръ на Запорожца, слѣдилъ глазами каждое его движеніе. Межъ тѣмъ изъ за куста показался Козакъ, за нимъ другой.... тамъ третій. ..

— Ну, ребята! сказалъ Запорожецъ, дѣло идетъ къ концу; стойте крѣпко! Малышъ, сюда!—

— Измѣна!—вскричалъ Омлянъ, схвативъ за воротъ Киршу. Онъ ударилъ его о земь и, занеся надъ нимъ ножъ, сказалъ: »Если кто нибудь изъ нихъ тронется съ мѣста....

Вдругъ раздался ружейный выстрѣлъ — Омлянъ вскрикнулъ, хотѣлъ опустить ножъ, направленный прямо

въ сердце Запорожцу; но Кирша рванулся назадъ, и разбойникъ, захрипѣвъ, упалъ мертвый на землю. Удалой и Томила выхватили сабли, и въ одно мгновеніе проколотые дротиками Козаковъ, отправились въ слѣдъ за Омляшемъ.

Въ продолженіи сей минутной суматохи Земской не смѣлъ пошевелиться и, считая все сіе дьявольскимъ навожденіемъ, творилъ про себя, заикаясь отъ страха, молитву. Когдажъ, по знаку Запорожца, двое Козаковъ принялись вязать ему руки, онъ не вытерпѣлъ и закричалъ, какъ сумасшедшей: — Чуръ меня! чуръ! Наше мѣсто свято! —

— Что ты горло-то дерешь! сказалъ Кирша; — отъ этихъ чертей ни крестомъ, ни пестомъ не отдѣлаешься! —

— Чтожъ это такое?... спросилъ Земской, поглядывая вокругъ себя, какъ помѣшанный. — Омляшь!... Удалой! Томила!...

— Полно орать! никого не докличешься; мы съ ними раздѣлались— теперь очередь за тобою....

— Ахъ, батюшки-свѣты! Такъ мы попались въ засаду?...

— Не погибайся! ребята! веревку ему на шею, да на первую осину!—

— Помилуй! закричалъ Земской, — что я тебѣ сдѣлалъ?—

— А развѣ вы не хотѣли меня повѣсить? Долгъ платежемъ красенъ.—

— Не я! видитъ Богъ, не я! это все Омляшъ! я ни слова не говорилъ!...

— Добро, добро! тебя не переслушаешь! Проворнѣй, ребята!—

— Взмилуйся! заревѣлъ Земской, растянувшись въ ногахъ Запорожца.— Таскай меня, бей.... вели отодрать плетьми, дѣлай со мной, что хочешь.... только, будь отецъ родной! отпусти живаго!—

Уродливая фигура Земскаго, его отчаянной видъ, всклокоченная ры-

жая борода, растрепанные волосы— однимъ словомъ: вся его наружность казалась столь забавною Козакамъ, что они, умирая со смѣху, не слишкомъ торопились исполнять приказаніе своего начальника. Одинъ добрый Алексѣй сжалился надъ несчастнымъ Ярыжкою:—не губи его души! сказалъ онъ Киршѣ,—Богъ съ нимъ!—

—Пустое, братъ! отвѣчалъ Запорожецъ, мигнувъ Алексѣю;—тащите его!... иль нѣтъ! постой!... Слушай, рыжая собака! Если ты хочешь, чтобъ я тебя помиловалъ, то говори всю правду; но смотри! лишь только ты заикнешься,—такъ и петлю на шею! Живъ ли Юрій Дмитричь, Милославской?—

—Живъ, батюшка! видитъ Богъ, живъ!—

—Не ужто въ самомъ дѣлѣ?—вскричалъ Алексѣй?

—Гдѣ онъ теперь?—продолжалъ Кирша.

— Въ Муромскомъ лѣсу, на хуторѣ у Боярина, Тимоѳѣя Ѳедоровича!—

— Доведешь ли ты насъ туда?—

— Доведу, кормилецъ! доведу!—

— Поможешь ли намъ выручить Юрія Дмитрича?—

— Помогу, отецъ мой! помогу!—

— А гдѣ теперь дочь Боярина Шалонскаго, Анастасья Тимоѳѣевна?—

— Не знаю, батюшка!—

— Не знаешь?...

— Какъ Богъ святъ, не знаю; а слышалъ только, что батюшка отвезъ ее въ какой-то монастырь подъ Москву, въ которомъ Игуманья приходится ей теткою.—

— Много ли у Боярина на хуторѣ холопей?—

— Много, батюшка; за сотню будетъ.—

— За сотню?... правду ли ты говоришь?—

— Сущую правду, кормилецъ! Всѣхъ по пальцамъ перечту: Гаврила, Антонъ.... Ѳедотъ, Кондратій....

— Вѣрю, вѣрю!... Ахъ, чортъ возьми! такъ дѣло-то трудновато!... тутъ на силу не возьмешь....

— Ужъ я вамъ помогу, перервалъ Земской,—только отпустите меня живаго; я всѣ тропинки въ лѣсу знаю, и доведу васъ ночью до самаго хутора, такъ что ни одна душа не услышитъ.—

— Хорошо, господинъ Ярыжка! сказалъ Кирша;—если мы выручимъ Юрія Дмитрича, то я отпущу тебя безъ всякой обиды; а если ты плохо станешь намъ помогать, то—закопаю живаго въ землю. Малышъ! дай ему коня, да приставь къ нему двухъ Козаковъ, и если они только замѣтятъ, что онъ хочетъ дать тягу, или—чего Боже сохрани! завести насъ не туда, куда надо: такъ тутъ же ему и карачунъ! А я межъ тѣмъ сбѣгаю за моимъ Вихремъ—онъ недалеко отсюда, и какъ разъ васъ догоню.—

— На коня, добрые молодцы! закричалъ Малышъ.—Ей ты, рыжая бо-

рода! впередъ! показывай дорогу!.. Ягайло! ступай возлѣ его по правую сторону, а ты, Павша, держись лѣвой руки. Ну, ребята! съ Богомъ!—

ГЛАВА III.

Знаменитые въ народныхъ сказкахъ и древнихъ преданіяхъ, дремучіе лѣса Муромскіе и донынѣ пользуются неоспоримымъ правомъ воспламенять воображеніе Русскихъ поэтовъ. Тотъ, кому не случалось проѣзжать ими, съ ужасомъ представляетъ себѣ непроницаемую глубину сихъ дикихъ пустынь, сыпучіе пески, поросшія мхомъ и частымъ ельникомъ непроходимыя болота, мрачныя поляны, устланныя цѣлыми поколѣніями исполинскихъ сосенъ, которыя породились, возрасли и истлѣвали на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, гдѣ нѣкогда возвышались ихъ прежніе, современные вѣкамъ, прародители—однимъ

словомъ, и въ наше время многіе воображаютъ Муромскіе лѣса

Жилищемъ вѣдьмъ, волковъ,
Разбойниковъ и злыхъ духовъ.

Но, къ сожалѣнію для юныхъ поэтовъ нашихъ и къ счастію для всѣхъ путешественниковъ, они давно уже потеряли свою пiитическую физіономію. Напрасно бы стали мы искать окруженную топкими болотами долину, гдѣ нѣкогда, по древнимъ сказаніямъ, возвышалось на семи дубахъ неприступное жилище Соловья-Разбойника; никто въ селѣ Карачаровѣ не покажетъ любопытному путешественнику того мѣста, гдѣ была хижина, въ который родился и *сидиемъ* сидѣлъ тридцать лѣтъ могучій богатырь, Илья Муромецъ. О вѣдьмахъ не говорятъ уже и въ самомъ Кіевѣ; злые духи остались въ однихъ операхъ, а романтическіе разбойники, по милости классическихъ

Капитанъ-Исправниковъ, вовсе перевелись на святой Руси; и бѣдный путешественникъ, мечтавшій насладиться всѣми ужасами ночнаго нападенія, пріѣхавъ домой, со вздохомъ разряжаетъ свои пистолеты, и развѣ только иногда можетъ похвастаться мужественнымъ своимъ нападеніемъ на Станціоннаго Смотрителя, который, *Богъ знаетъ почему*, не давалъ ему до самой полуночи лошадей; или побѣдою надъ упрямымъ извощикомъ, у котораго *стрпо было что нибудь на умѣ* потому, что онъ ѣхалъ шагомъ по тяжелой, песчаной дорогѣ и, подъѣзжая къ одному оврагу, насвистывалъ пѣсню. Но что всего несноснѣе: этотъ дремучій лѣсъ, который въ старину представлялся воображенію чѣмъ-то таинственнымъ, неопредѣленнымъ, безконечнымъ,—весь вымѣренъ, раздѣленъ на десятины, и сочинитель романа не найдетъ въ немъ ни одного уголка, котораго бы Уѣздный Землемѣръ не

показалъ ему на общемъ планѣ всей Губерніи. Правда, говорятъ, будто бы и въ наше время голодные волки бродятъ по лѣсу, и кой-гдѣ въ дуплахъ завываютъ филины и сычи; но эти мѣлкіе, второкласные ужасы такъ уже износились во всѣхъ страшныхъ романахъ, что намъ придется скоро отыскивать дѣвственную природу, со всѣми дикими ея красотами, въ пустыняхъ Барабинскихъ, или въ безконечныхъ лѣсахъ Южной Сибири.

Слишкомъ за двѣсти лѣтъ до сего, то есть во времена между-царствія— хотя мы и не можемъ сказать утвердительно, живали ли въ Муромскихъ лѣсахъ вѣдьмы, лѣшіе и злые духи; но по крайней мѣрѣ это народное повѣрье существовало тогда еще во всей своей силѣ; что жъ касается до разбойниковъ, то несмотря на старанія Губныхъ Старостъ, Огнищанъ и всей Земской Полиціи тогдашняго времени, дорога Муромскимъ лѣсомъ

вовсе была не безопасна. Купецъ изъ какого нибудь Низоваго города, отправляясь во Владиміръ, прощался со всѣми своими родными и, доѣхавъ благополучно до Мурома, полагалъ необходимою обязанностію отслужить благодарственный молебенъ Муромскимъ чудотворцамъ, святымъ и благовѣрнымъ, Князю Петру и Княгинѣ Февроніи.—

Мы попросимъ теперь читателей перенестись, вмѣстѣ съ нами, въ самую глубину Муромскаго лѣса, на Теплый Станъ—хуторъ Боярина Шалонскаго. Чтобъ дать сколь возможно болѣе понятія о его мѣстоположеніи, мы скажемъ только, что онъ находился верстахъ въ двадцати устъ большой дороги, и почти столько же отъ береговъ Оки, которая перерѣзываетъ, или лучше сказать, оканчиваетъ Муромской лѣсъ. Не доѣзжая верстъ пяти до хутора, должно было переправляться черезъ обширное болото, въ коемъ терялась небольшая

тая рѣчка, которая, прокрадываясь тошомъ между мховъ и поросшихъ тростниками небольшихъ озеръ, впадала въ Оку. Узкая, едва замѣтная тропинка извивалась по болоту; по обѣимъ сторонамъ ея разстилались, повидимому, зеленѣющіе луга; но горе проѣзжему, который, пльнясь ихъ наружностію, рѣшился бы съѣхать въ сторону съ грязной и безпокойной дороги! Подъ этой обманчивой зеленой оболочкою скрывалась смерть, и одинъ неосторожный шагъ на сію бездонную трясину, подвергалъ проѣзжаго неминуемой гибели: увязнувъ разъ, онъ не могъ бы уже, безъ помощи другихъ, выбраться на твердое мѣсто; съ каждымъ новымъ усиліемъ погружался бы все глубже, и продолжая тонуть понемногу, испыталъ бы на себѣ всѣ мученія медленныхъ казней, придуманныхъ безчеловѣчіемъ и жестокостію людей. По другой сторонѣ топи начиналась прямая просѣка, ведущая на окружен-

ную со всѣхъ сторонъ болотами и дремучимъ лѣсомъ, обширную поляну; во всю ширину ея простирались стѣны древней обители, на развалинахъ которой былъ выстроенъ хуторъ Боярина Кручины. Небольшая рѣчка, о коей мы уже говорили, обтекая кругомъ всей стѣны, составляла, передъ самымъ выѣздомъ на поляну, продолговатый и довольно широкой прудъ; длинная и узкая гать служила плотиною, по которой подъѣзжали къ самымъ стѣнамъ хутора. По всѣмъ угламъ четырех-сторонней ограды построены были круглыя башни, изъ коихъ двѣ, казалось, готовы были ежеминутно разрушиться; но остальныя, несмотря на всѣ признаки вѣтхости, могли еще быть обитаемы. Надъ главными воротами, на которыхъ замѣтны были остатки живописи, изображавшей, вѣроятно, святыхъ угодниковъ, возвышалась до половины разрушенная сторожевая башня. Внутри ограды вдоль всей

восточной стѣны, выстроены были бревенчатыя хоромы Боярина Шалонскаго, а остальная часть хутора занята службами и огромною конюшнею. На самой срединѣ двора видны были остатки довольно обширной, но низкой церкви; узкія, похожія на трещины окна, совершенно заглохли травою, а вся поверхность сводовъ поросла кустами жимолости, изъ средины которыхъ подымались двѣ, или три молодыя ели.

Глухая полночь давно уже наступила; вѣтеръ завывалъ между деревьями, и ни одна звѣздочка не блистала на черныхъ, густыми тучами покрытыхъ, небесахъ. Почти всѣ жители Теплаго Стана покоились крѣпкимъ сномъ, и только караульный, поставленный на сторожевой башнѣ, изрѣдка перекликался съ своимъ товарищемъ, стоящимъ у противуположныхъ воротъ. Кой-гдѣ мелькалъ сквозь окна слабый свѣтъ лампадъ, висящихъ передъ иконами, и одна

только часть хоромъ Боярина Кручины казалась ярко освѣщенною. Въ обширномъ покоѣ, за дубовымъ столомъ, покрытымъ остатками ужина, сидѣлъ Кручина-Шалонской, съ задушевнымъ своимъ другомъ, Бояриномъ Истомою-Турениньымъ; у дверей комнаты дремали, прислонясь къ стѣнѣ, двое слугъ; при каждомъ новомъ порывѣ вѣтра, отъ котораго стучали ставни и раздавался по лѣсу глухой гулъ, они вздрогнувъ, посматривали робко другъ на друга и, казалось, не смѣли взглянуть на окна, изъ коихъ можно было различить, несмотря на темноту, часть западной стѣны и сторожевую башню, на которыхъ отражались лучи ярко освѣщеннаго покоя.—

— Выпей-ка еще этотъ кубокъ, сказалъ Кручина, наливая Туренину огромную серебряную кружку.—Я давно уже замѣтилъ, что ты мыслишь иногда только за-одно со мною, когда у тебя зашумитъ порядкомъ въ

головѣ. Воля твоя, а ты ужъ черезъ чуръ всего опасаешься! смѣлымъ Богъ владѣетъ, Андрей Никитичь; а робкаго одинъ лѣнивый не бьетъ.—

—Благоразуміе не робость, Тимоѳѣй Федоровичь! отвѣчалъ Туренинъ.— И ради чего Господь одарилъ насъ умомъ и мыслію, если мы и съ сѣдыми волосами будемъ поступать, какъ малые дѣти? Дозволь себѣ сказать: ты ужъ не въ мѣру малоопасенъ; да вотъ хоть на примѣръ: для какой потребы эти два пострѣла торчатъ у дверей? развѣ для того, чтобъ подслушивать наши рѣчи?—

—Подслушивать? да смѣютъ ли они имѣть уши, когда стоятъ въ моемъ покоѣ?—

—Смѣютъ ли!... Чего не смѣетъ подъ-часъ это хамово отродье! послушай, Тимоѳѣй Федоровичь! коли ты желаешь продолжать со мною начатой разговоръ; то вышли вонъ своихъ челядинцевъ.—

— Ну, если хочешь, пожалуй! Ей, вы, дурачье! ступайте вонъ! —

Слуги молча поклонились, и вышли въ другую комнату.

— Вотъ этакъ-то лучше! сказалъ Туренинъ, притворяя дверь. — Итакъ, Тимоѳей Федоровичь, продолжалъ онъ, садясь на прежнее мѣсто, — ты рѣшился оставить Теплый Станъ? —

— Да, дѣлать нечего! Гетманъ Хоткѣвичь долженъ быть уже подъ Москвою, и если Нижегородскіе разбойники — съ атаманомъ своимъ, Пожарскимъ и Есауломъ его, мясникомъ, Сухоруковымъ — и подоспѣютъ на помощь къ Князю Трубецкому, то все ему не сдобровать: Заруцкой съ своими Козаками и рукъ не отведетъ — такъ разсуди самъ, какой я добьюсь чести, если во все это время просижу здѣсь на хуторѣ, какъ медвѣдь въ своей берлогѣ? —

— Оно такъ, Тимоѳей Федоровичь; не худо бы намъ добраться до вой-

ска Пана Хоткѣвича: если онъ будетъ побѣдителемъ, тѣмъ лучше для насъ—и мы тамъ были на лицо; еслижъ на бѣду его поколотятъ....

— Что ты?... можетъ ли это статься?—

— Богъ вѣсть! не узнаешь, любезный. Иногда удается и теляти волка поймати, а Пожарской не изъ простыхъ Воеводъ, хитеръ и на руку охулки не положитъ.—Ну, если какимъ ни есть случаемъ да посчастливится Нижегородцамъ устоять противъ Поляковъ и очистить Москву; что тогда съ нами будетъ?... Вѣдь они насъ здѣсь руками возьмутъ! Тебя они величаютъ измѣнникомъ, да и я, чай, записанъ у Пожарскаго въ нѣтѣхъ (*): такъ намъ обоимъ жутко придется. А какъ будемъ при Хоткѣвичѣ, то какова ни мѣра: плохо пришло—въ Польшу уѣдемъ, и если

(*) Такъ назывались тѣ, кои, по требованію правительства, не являлись на службу.

не здѣсь, такъ тамъ будемъ въ чести.—

— Вотъ то-то же! ты видишь самъ, что намъ мѣшкать не должно.—

— Видѣть-то я вижу, да какъ мы доберемся до Польскаго войска?... Ѣхать одинмъ?.... того и гляди попадешься въ руки къ разбойникамъ, Шишамъ, отъ которыхъ, говорятъ, около Москвы проѣзду нѣтъ. Взять съ собой человѣкъ придцать холопей?... Съ такой оравой тайкомъ не прокрадешься; а Пожарской давно уже изъ Ярославля, со всѣмъ войскомъ, къ Москвѣ выступилъ.—

— Не выходить бы ему изъ Ярославля, вскричалъ Кручина,—еслибъ этотъ дуракъ, Сенька Ждановъ не промахнулся! И что съ нимъ сдѣлалось?... Я его, какъ самаго удалаго изъ моихъ слугъ, послалъ къ Заруцкому; а тотъ отправилъ его съ двумя Козаками въ Ярославль, зарѣзать По-

жарскаго — и этаго-то, собачій сынъ! не умѣлъ сдѣлать!... Какъ подумаешь, такъ не изъ чего этихъ хамовъ и хлѣбомъ кормить! —

— Какъ бы то ни было, Тимоѳѣй Федоровичь, а дѣлать нечего, надобно пуститься на-удалую. Но такъ какъ по мнѣ все лучше попасться въ руки къ Пожарскому, чѣмъ къ этимъ проклятымъ Шишамъ: то мой совѣтъ, одинмъ намъ въ дорогу не ѣздить. —

— И я то же думаю. Итакъ, если завтра погода будетъ получше, ... тьфу, батюшки! что за-вѣтеръ! экой гудъ идетъ по лѣсу! —

— Да! погодка разыгралась. И то сказать, въ лѣсу не такъ какъ въ чистомъ полѣ, и небольшой вѣтерокъ подыметъ такой шумъ, что подумаешь свѣту преставленье.... чу! слышишь ли? и свиститъ и воетъ.... Ахъ, батюшки - свѣты! что это?... словно человѣческіе голоса! —

— Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ Кручина, вставая съ своего мѣста,— и мнѣ что-то послышалось.... Не караульной-ли надъ воротами?— прибавилъ онъ, глядя изъ окна на сторожевую башню.

— Нѣтъ! отвѣчалъ Туренинъ, покачавъ сомнительно головою;— это не такъ близко отсюда, а развѣ за плотиною въ просѣкѣ.—

— Ужe не ѣдетъ ли назадъ Омляшь съ товарищами? сказалъ Кручина.—

— Можетъ статься! отвѣчалъ Туренинъ;— однакожъ не худо, еслибъ ты велѣлъ разбудить человѣкъ десятокъ холопей.—

— На что?—

— Да такъ, чтобъ — знаешь ли, въ расплохъ не пожаловали гости.—

— Помилуй, любезный! кому?... Кто, кромѣ нашихъ, въ такую темнять проѣдетъ болотомъ?—

— Все такъ! а право не мѣшало бы....

— Е! да я вижу, ты еще не допилъ своего кубка! Ну-ка, братъ, выкушай на здоровье! авось храбрости въ тебѣ прибудетъ. Помилуй! чего ты опасаешься? Въ нашей сторонѣ никакого войска нѣтъ, а еслибъ и было: такъ кого нелегкая понесетъ? Вѣрнѣе всего, что намъ послышалось! Омляшь всѣ тропинки въ лѣсу знаетъ, да и онъ навряд ъ пустится теперь черезъ болото!

— А куда ты его отправилъ?—

— Къ Замятнѣ-Опалеву. Сего-дня, или завтра чѣмъ свѣтъ, ему назадъ вернуться должно. Итакъ, Андрей Никитичъ, дѣло конечно: мы завтра отправляемся въ дорогу. Знаешь ли, что намъ придется ѣхать мимо Троицкой Лавры?—

— Для чего?—

— Да надо завернуть въ Хотьковскую обитель, за Настенькой: она ужъ четвертой мѣсяцъ живетъ тамъ у своей тетки, а у моей сест-

ры, Игуменьи Ирины. Не вѣкъ ей оставаться невѣстою, пора ужъ быть и женою Пана Гонсѣвскаго; а къ тому жъ, если намъ придется уѣхать въ Польшу, такъ какъ ее послѣ выручить? хоть, правду сказать, я не въ тебя, Андрей Никитичь! и вѣрить не хочу, чтобъ этотъ Нижегородской сбродъ устоялъ противъ обученнаго войска Польскаго, и такого знаменитаго Воеводы, каковъ Гетманъ Хоткѣвичь.

— Не говори, Тимофѣй Федоровичь! мало ли что случиться можетъ; не подумаешь впередъ, такъ чтобъ послѣ локтей не кусать. Ну, а скажи мнѣ, если завтра мы отсюда отправимся, что ты сдѣлаешь съ Милославскимъ? Не ужъ ли-то потащешь съ собою?—

— Да! мнѣ хотѣлось бы этаго предателя руками выдать Пану Гонсѣвскому.—

— Нѣтъ, Тимофѣй Федоровичь! не-

равно попадемся сами, такъ бѣдовое дѣло: вѣдь онъ живая улика.—

—Что правда, то правда! придется оставить его здѣсь.—

—Вотъ то-то же! ну, къ чему навязалъ себѣ на шею эту заботу? Какъ бы твой Омляшъ меня послушался, то давнобъ объ этомъ Милославскомъ и слуху не было: такъ нѣтъ! »мнѣ-де сказать наказано отъ Боярина живьемъ его схватить!« Живьемъ!... вотъ теперь и возись съ нимъ!

—Да, знаешь ли, что этотъ мальчишка обидѣлъ меня за столомъ, при Панъ Тишкѣвичѣ и всѣхъ моихъ гостяхъ! Вспомнить не могу!... продолжалъ Кручина, засверкавъ глазами, — этотъ щенокъ осмѣлился угрожать мнѣ... и ты хочешь, чтобъ я удовольствовался его смертью!... Нѣтъ, чортъ возьми! я хотѣлъ и теперь еще хочу уморить его въ кандалахъ: пусть онъ таетъ какъ свѣчька! пусть, умирая понемногу, узнаетъ, каково оскорбить Боярина, Шалонскаго!

—Оно такъ! перервалъ хладнокровно Туренинъ, — конечно весело потѣшиться надъ своимъ злодѣемъ; да чтобъ оглядокъ не было. Ты оставишь его здѣсь.... ну, а коли, чего Боже сохрани! безъ тебя онъ какъ ни есть вырвется на волю?... Эхъ, Тимоѳѣй Федоровичъ! послушайся моего совѣта.... мертвые не болтаютъ.—

—Такъ ты думаешь?...

—Ну, да! хватилъ ножемъ, да и концы въ воду!—

Бояринъ Кручина, помолчавъ нѣсколько минутъ, повторилъ въ полголоса:—ножемъ!... но не уже ли я долженъ самъ...?

—Кто тебѣ говоритъ? что у тебя, мало что ль молодцевъ?... стоитъ только намекнуть....

—Омляшъ и Удалой въ дорогѣ, а на другихъ я не больно надѣюсь.—

—Вели позвать моего Дворецкаго—у него рука не дрогнетъ.—

—Такъ ты думаешь, что мы дол

жны?... что для безопасности нашей....

— Какъ же! вѣдь онъ насъ за руки держитъ; одинъ конецъ—такъ и намъ и ему легче будетъ.—

— Ну, пусть быть по твоему! сказалъ Кручина, вставая медленно изъ-за стола. Онъ наполнилъ огромную кружку виномъ, и выпивъ ее однимъ духомъ, подошелъ къ дверямъ, взялся за скобу, но вдругъ остановился; казалось, нѣсколько минутъ онъ боролся съ самимъ собою, и наконецъ прошепталъ глухимъ голосомъ:—нѣтъ! не могу!... никакъ не могу!—

— Чуденъ ты мнѣ! сказалъ, покачавъ головою, Туренинъ.—Вѣдь ты хотѣлъ же его уморить въ кандалахъ?—

— Да! и какъ вспомню, что этотъ молокососъ осмѣлился ругаться надо мною, то вся кровь моя закипитъ!—

— Такъ чтожъ?—

— Такъ чтожъ!... эхъ, Андрей Ники-

тичь! въ сердцахъ я готовъ на все: самъ зарѣжу того, кто осмѣлится мнѣ поперечить.... Но вѣдь онъ въ моихъ рукахъ!...

— Тѣмъ лучше.—

— Въ цѣпяхъ.... истомленный голодомъ, едва живой.... Когда подумаю, что онъ, не вымолвивъ ни слова, какъ мученикъ, протянетъ свою шею... Нѣтъ, Андрей Никитичь! Немогу! видитъ Богъ, немогу!...

— Кто говоритъ, Тимофѣй Федоровичь! конечно жаль: дѣтина молодой, здоровой, дожилъ бы до сѣдыхъ волосъ.... да, чтожъ дѣлать? своя рубашка къ тѣлу ближе.—

Шалонской бросился на скамью и, закрывъ обѣими руками лице, не отвѣчалъ ни слова.—

— Послушай, любезный! продолжалъ Турениnъ,—что сдѣлано, то сдѣлано, назадъ не вернешься: и о чемъ тутъ думать? Не при мнѣ ли Милославской говорилъ Нижегородцамъ, не поко-

ряться Владиславу? Не по его ли совѣту они пошли подъ Москву? Не онъ ли ободрялъ ихъ, разсказывая о бѣдствіи Поляковъ и готовности гражданъ Московскихъ возстать противъ Гонсѣвскаго?... Не клялся ли онъ въ вѣрности Владиславу? Не измѣнилъ ли своей присягѣ, и не заслуживаетъ ли этотъ предатель смертной казни?... Ну, чтожъ ты молчишь? Отвѣчай, Тимоѳѣй Федоровичъ!—

— Бояринъ Туренинъ! сказалъ Кручина, бросивъ на него угрюмый взглядъ.—Не намъ съ тобою осуждать Милославскаго.... Но ты правъ, назадъ воротиться не можно. Дѣлай, что хочешь.... и пусть эта кровь падетъ на твою голову!—

— Аминь! сказалъ Туренинъ, подходя къ дверямъ.—

— Постой! вскричалъ Шалонской, слышишь ли? это ужъ не вѣтеръ....

— Да! отвѣчалъ Туренинъ, отво-

ряя окно;—точно!... Конской топотъ!—

—Не уже ли Омляшъ?... скорожъ онъ назадъ воротился.... Шшш!... караульной съ кѣмъ-то разговариваетъ.... Кажется.... точно такъ! это голосъ Прокофьича.—

—Земскаго Ярыжки, который у тебя живетъ?—

—Да! я отправилъ его вмѣстѣ съ Омляшемъ.—

—Ну, такъ и есть! это должны быть они.... вотъ и караульной сошелъ съ башни.... отворяетъ ворота.... Кой чортъ!... а сколько ты людей отправилъ съ Омляшемъ?—

—Ихъ было всего четверо.—

—Четверо?... полно такъ ли?... Кажется, ихъ гораздо больше.... постой-ка!... тьфу батюшки! какая темнять!

Тутъ на дворѣ раздался болѣзненный крикъ, похожей на удушливое и слабое восклицаніе умирающаго человѣка.

— Что это значитъ?—спросилъ торопливо Туренинъ.

— Дурачье! сказалъ Кручина,—ужъ не задавили ли кого нибудь въ потемкахъ?—

— Тимоѳей Федоровичь! вскричалъ Туренинъ, посмотри-ка!... Мнѣ кажется, что онъ воротъ идетъ что-то много пьяныхъ людей!—

— Право?... Ну, спасибо Замятнѣ! я просилъ его, прислать ко мнѣ десятка два своихъ холопей. У меня здѣсь больныхъ на половину, а какъ возьмемъ съ собою человѣкъ тридцать, такъ было бы кому хуторъ покараулить; пожалуй, заберутся въ гости и разбойники.—

— А что, у тебя заведено чтоль держать по ночамъ ворота на-спежъ?—

— Какъ наспежъ?—

— Да! развѣ не видишь? караульной и не думаетъ ихъ запирать.—

— Въ самомъ дѣлѣ.... Можетъ быть, не всѣ еще въѣхали.—

— Не всѣ?... кажется и такъ порядочная кучка прошла дворомъ. —

Вдругъ въ сѣняхъ послышались шаги многихъ людей, поспѣшно идущихъ.

— Тимофѣй Федорочь! вскричалъ испуганнымъ голосомъ Турениnъ, — сюда идутъ....

— Что это значитъ? — спросилъ Кручина, подойдя къ дверямъ.

Въ сосѣднемъ покоѣ раздался громкой крикъ и Кирша, въ провожаніи пяти Козаковъ и Алексѣя, вбѣжалъ въ комнату. —

— Измѣна! — вскричалъ Шалонской.

— Молчать!.. сказалъ Кирша, прицѣлясь въ него пистолетомъ. — Слушайте, Бояре! Если изъ васъ кто нибудь пикнетъ, то пулю вамъ и конецъ! Тимофѣй Федоровичь, веди насъ сей часъ туда, гдѣ запрятанъ у тебя Юрій Дмитричь, Милославской. —

Шалонской протянулъ руку, чтобъ схватить со стола ножъ, но Туре-

шинъ, удержавъ его, закричалъ: »Бога ради, Бояринъ, не губи насъ обоихъ!« — Добрый человѣкъ, продолжалъ онъ, обращаясь къ Киршѣ....

— Тсъ! ни слова! перервалъ Запорожецъ. Гдѣ ключи отъ его темницы?—

Кручина молча показалъ на стѣну.

— Хорошо! сказалъ Кирша, снявъ ихъ со стѣны;—возьмите каждый по свѣчѣ и показывайте, куда идти.... Да, Боже васъ сохрани, сдѣлать тревогу!... Ребята! подъ руки ихъ! ножи къ горлу.... вотъ такъ!... ступай!—

Въ сосѣднемъ покоѣ къ нимъ присоединились пятеро другихъ Козаковъ; двое, по рукамъ и ногамъ связанныхъ, слугъ лежали на полу. Сойдя съ лѣстницы, они пошли въ слѣдъ за Шалонскимъ къ развалинамъ церкви. Когда они проходили мимо службъ, то не смотря на глубокую тишину, ими наблюдаемую, шумъ отъ ихъ шаговъ, про-

будилъ нѣсколько слугъ; въ двухъ или трехъ мѣстахъ народъ зашевелился, и растворились окна.—Тимофѣй Федоровичъ! сказалъ Кирша,—если всѣ эти рожи сей же часъ не спрячутся, то.... онъ приставилъ дуло пистолета къ его виску.... слышишь ли, Бояринъ?—

Шалонской не отвѣчалъ ни слова; но Туренинъ закричалъ прерывающимся отъ страха голосомъ:—что вы глазѣете, дурачье? иль хотите подсматривать за вашими Боярами?... Вотъ я васъ, бездѣльники!—

Окна затворились и снова настала совершенная тишина. Подойдя къ развалинамъ, Козаки взошли, въ слѣдъ за Бояриномъ Кручиною, во внутренность раззоренной церкви. Въ трапезѣ, противъ того мѣста, гдѣ замѣтны еще были остатки каменнаго амвона, Шалонской показалъ на чугунную широкую плиту, съ толстымъ кольцомъ. Когда ее подняли, то открылась ведущая въ низъ узкая и

крутая лѣстница.—Тимофѣй Федоровичь! сказалъ Кирша,—потрудись идти впередъ; а ты, Бояринъ,—продолжалъ онъ, обращаясь къ Туренину, ступай-ка подлѣ меня; неравно у васъ есть какая нибудь лазейка, и если отъ онъ насъ ускользнетъ: то хоть ваша милость не вывернется. — Сойдя ступеней двадцать, они очутились въ обширномъ подземельи; покрытыя надписями чугунныя доски и каменныя плиты, съ высѣченными словами—все доказывало, что сіе подземелье служило склепомъ, въ коемъ хоронили нѣкогда усопшихъ иноковъ. Въ одномъ углубленіи окованная желѣзомъ низкая дверь была заперта огромнымъ висячимъ замкомъ; Кручина, не говоря ни слова, остановился подлѣ нея; въ одну минуту замокъ былъ отперъ, дверь отворилась, и Алексѣй, въ провожаніи Кирши и двухъ Козаковъ, взошелъ, или лучше сказать, пролѣзъ, съ свѣчею въ рукахъ, сквозь узкое

отверстіе, въ небольшой четвероугольный погребъ. Въ одномъ углу, прикованный толстой цѣпью къ стѣнѣ, лежалъ на соломѣ несчастный Милославской. Услышавъ необычайный шумъ и увидя вошедшихъ людей, онъ молча перекрестился и закрылъ рукою глаза.—Ахти! насъ обманули! вскричалъ Алексѣй,—это не онъ!—

Звуки знакомаго голоса пробудили отъ безчувствія полумертваго Юрія; онъ открылъ глаза, привсталъ и, протянувъ впередъ руки, промолвилъ слабымъ голосомъ:—Алексѣй! ты ли это?... . . . .

—Боже мой! это его голосъ! вскричалъ вѣрный служитель, бросившись къ ногамъ своего господина. — Юрій Дмитричь! продолжалъ онъ, всхлипывая,—батюшка!... Отецъ ты мой!... Ахъ, злодѣи!... богоотступники!... что это они сдѣлали съ тобою?... Господи, Боже мой! краше въ гробъ кла-

дуть!... Варвары! кровопійцы!... Рыданія прерывали слова его; онъ покрывалъ поцѣлуями руки и ноги Юрія, который, казалось, не могъ еще образумиться отъ сего нечаяннаго появленія, и не понималъ самъ, что съ нимъ дѣлалось.—

—Добро! будетъ, Алексѣй! сказалъ Запорожецъ,—успѣешь нарадоваться и нагореваться послѣ; теперь намъ не до того. Ребята! проворнѣй сбивайте съ него цѣпи.... иль нѣтъ! постой!... Въ этой связкѣ должны быть отъ нихъ ключи.—

Кирша не ошибся: ключи нашлись и черезъ нѣсколько минутъ, ведя подъ руки Юрія, который съ трудомъ переступалъ, они вышли вонъ изъ погреба.—Алексѣй! сказалъ Запорожецъ, выведи поскорѣй своего Господина на свѣжій воздухъ, а мы тотчасъ будемъ за вами. Ну, Бояре! продолжалъ онъ, милости просимъ на мѣсто Юрія Дмитрича; вамъ вдвоемъ ску-

что не будетъ: вы люди умные, чай, есть о чѣмъ поговорить. Ей, молодцы! пособите имъ взойдти въ покой, въ которомъ они угощали Боярина Милославскаго!—

Туренинъ хотѣлъ что-то сказать; но Козаки, не слушая его, втолкнули ихъ обоихъ въ погребъ, заперли дверь, и когда выбрались опять въ церковь, то принялись было за плиту; но Кирша, не приказавъ имъ закрывать отверзтія, вышелъ на паперть. Казалось, чистый воздухъ укрѣпилъ нѣсколько изнуренныя силы Милославскаго. Они дошли безъ всякаго препятствія до воротъ, подлѣ которыхъ стояли на часахъ двое Козаковъ и лежалъ убитый караульной; а на площади, шагахъ въ десяти отъ стѣны, дожидались съ лошадьми остальные Козаки и Земской. Алексѣй, при помощи другихъ, посадилъ Юрія на лошадь, и вся толпа, въ слѣдъ за Земскимъ, который ѣхалъ впереди, между двухъ Козаковъ, пере-

правясь въ глубокомъ молчанiи через площину, пустилась рысью, вдоль проськи ведущей къ болошу.

ГЛАВА IV.

Проѣхавъ версты четыре на рысяхъ, Кирша приказалъ своимъ Козакамъ остановиться, чтобъ дать отдохнуть Милославскому, который съ трудомъ сидѣлъ на лошади, несмотря на то, что съ одной стороны поддерживалъ его Кирша, а съ другой ѣхалъ подлѣ самаго стремени Алексѣй. —Отдохни, Бояринъ, сказалъ Запорожецъ, вынимая изъ сумы флягу съ виномъ и кусокъ пирога;—да, на-ка хлебни и закуси, чѣмъ Богъ послалъ! теперь надо будетъ тебѣ покрѣпче сидѣть на конѣ: сей часъ пойдетъ дорога болотомъ и намъ придется ѣхать по-одиначкѣ, такъ поддерживать тебя будетъ некому.—

Юрій, не отвѣчая ни слова, схватилъ съ жадностью пирогъ и принялся ѣсть.—

—Ну, Юрій Дмитричь! продолжалъ Кирша,—не сладко же, видно, тебя кормили у Боярина Кручины. Ахъ, сердечной! смотри, какъ онъ за обѣ щеки убираетъ! а пирогъ-то вовсе не на славу испеченъ.—

—Душегубцы! сказалъ Алексѣй; —чтобъ имъ самимъ издохнуть голодной смертью!... Кушай, батюшка!... кушай мой, родимый!... разбойники!—

—На-ка выпей винца, Бояринъ! прибавилъ Кирша.—Ахъ, Господи, Боже мой! гляди-ка! на силу держитъ въ рукахъ флягу! экв они его доканали!—

—Бесурманы! Антихристы! вскричалъ Алексѣй;—чтобъ имъ самимъ весь вѣкъ капли вина не пропустить въ горло!... проклятые!—

Утоливъ нѣсколько свой голодъ, Юрій сказалъ довольно твердымъ го-

лосомъ:—спасибо, добрый Кирша! видно мнѣ на роду написано, вѣкъ оставаться твоимъ должникомъ. Который разъ спасаешь ты меня отъ смерти?...

—И, Юрій Дмитричь! охота тебѣ говорить! слава тебѣ, Господи, что всякой разъ удавалось; а какъ считать по разамъ, такъ твой одинъ разъ стоитъ всѣхъ моихъ. Не диво, что я тебѣ служу: за добро добромъ и платятъ—а ты изъ чего бился со мною часа полтора, когда нашелъ меня почти мертваго въ степи, и могъ самъ замерзнуть,- желая помочь Богъ знаетъ кому? нѣтъ, Бояринъ! я вѣкъ съ тобой не расплачусь.—

. —Но какъ ты узналъ о моемъ заточеніи?... Какъ удалось тебѣ?....

—На просторѣ все разскажу; а теперь, чай, ты поотдохнулъ, такъ пора въ путь. Если на хуторѣ обо всемъ провѣдаютъ, да пустятся за нами въ погоню: такъ дѣло плохова-

то — по болоту не разскачешься и насъ, пожалуй, по-одиначкѣ всѣхъ, какъ тетеревей, перестрѣляютъ.—

—Небось, Кирила Пахомычъ! сказалъ Малышъ,—безъ Бояръ за нами погони не будетъ; а мы, хоть ты намъ и не приказывалъ, все-таки входъ въ подземелье завалили опять плитою, такъ ихъ не скоро отъищутъ.—

—Эхъ, братъ, Малышъ! напрасно! ну, если ихъ не найдутъ и они умрутъ голодной смертью?—

—Такъ чтожъ за бѣда? туда имъ и дорога! Иль тебѣ ихъ жаль?—

—Не то чтобъ жаль; но вѣдь, по правдѣ сказать, Бояринъ Шалонской мнѣ никакого зла не сдѣлалъ, я ѣлъ его хлѣбъ и соль. Вотъ дѣло другое Юрій Дмитричь, конечно безъ грѣха могъ бы уходить Шалонскаго, да на бѣду у него есть дочка, такъ и ему нельзя.... Эхъ, чортъ возьми! какъ бы можно было—вернулся бы назадъ!... Ну, дѣлать нечего.... Ей,

вы передовые! ступай! да пусть рыжей-то ѣдетъ болотомъ первый, и если вздумаетъ дать стрѣчка, такъ посадите ему въ затылокъ пулю.... съ Богомъ!—

Доѣхавъ до топи, всѣ Козаки вытянулись въ одинъ рядъ; Земской ѣхалъ впереди, а въ слѣдъ за нимъ одинъ Козакъ, держащій на-готовѣ винтовку, чтобъ ссадить его съ коня, при первой его попыткѣ къ побѣгу. Они проѣхали топкія съ большимъ трудомъ и опасностію, но безъ великаго приключенія почти всю проложенную болотомъ дорожку; но шагахъ въ десяти отъ выѣзда на твердую дорогу, лошадь подъ Земскимъ Ярышкою испугалась толстой колоды, лежащей поперекъ тропинки, поднялась на дыбы, опрокинулась на бокъ, и придавя его всѣмъ тѣломъ, до половины погрузилась вмѣстѣ съ нимъ въ трясину, которая, разступясь, обхватила кругомъ коня и всадника, и подобно удаву, всасывающему

въ себя живую добычу, начала понемногу тянуть ихъ въ бездонную свою пучину.

— Батюшки, помогите! завопилъ Земской;—погибаю! помогите!—

Козаки остановились, но Кирша закричалъ:—что вы его слушаете, ребята! ступай мимо!—

— Отцы мои, помогите! продолжалъ кричать Земской,—меня тянетъ въ низъ!... задыхаюсь!... помогите!—

— Эхъ, любезный! сказалъ Алексѣй, тронутый жалобнымъ крикомъ Земскаго,—вели его вытащить! вѣдь ты самъ же обѣщалъ...

— Да, отвѣчалъ хладнокровно Кирша,—я обѣщалъ отпустить его безъ всякой обиды, а вытаскивать изъ болота уговора не было.—

— Послушай, Кирила Пахомычь, примолвилъ Малышъ,—чортъ съ нимъ! ну, что, ужъ такъ и быть, прикажи его вытащить!—

— Что ты, братъ! вѣдь мы дали

слово отпустить его на всѣ четыре стороны, и если ему вздумалось проѣхаться по болоту, такъ намъ какое дѣло? пускай себѣ разгуливаетъ!—

—Бога ради! вскричалъ Милославской, спасите этаго бѣдняка.—

—И, Бояринъ! отвѣчалъ Кирша,—есть когда намъ съ нимъ возиться, да и о чемъ тутъ толковать? Дурная трава изъ поля вонъ!—

—Слышишь ли, какъ онъ кричитъ?... не уже ли въ тебѣ нѣтъ жалости?—

—Нѣтъ, Юрій Дмитричь! отвѣчалъ рѣшительнымъ голосомъ Запорожецъ.—Долгъ платежемъ красенъ. Вчера этотъ бездѣльникъ прежде всѣхъ отыскалъ веревку, чтобъ меня повѣсить. Рысью, ребята! закричалъ онъ, когда вся толпа выѣхала на твердую дорогу.—

Долго еще долеталъ до нихъ по вѣтру отчаянный вопль Земскаго;

громкой отголосокъ разносилъ его по лѣсу — вдругъ все затихло. Алексѣй снялъ шапку, перекрестился, и сказалъ въ полголоса:—упокой, Господи! его душу!—

—И дай ему царство небесное! примолвилъ Кирша.—Я на точь свѣтъ ему зла не желаю.—

Они не отъѣхали полуверсты отъ болота, какъ у передовыхъ Козаковъ лошади шарахнулись и стали храпѣть; черезъ минуту изъ-за куста сверкнули какъ уголь блестящіе глаза, и вдругъ межъ деревьевъ, вдоль опушки, промчалась цѣлая стая волковъ.—

—Экое чутье у этихъ звѣрей! сказалъ Кирша, глядя въ слѣдъ за волками.—Посмотрите-ка! вѣдь они пробираются къ болоту...

Никто не отвѣчалъ на это замѣчаніе, отъ котораго волосы стали дыбомъ и замерло сердце у добраго Алексѣя. Вмѣстѣ съ разсвѣтомъ вы-

брались они наконецъ изъ лѣсу на большую дорогу, и проѣхавъ еще версты три, въѣхали въ деревню, отъ которой оставалось до Мурома не болѣе двадцати верстъ. Въ ту самую минуту, какъ путешественники, остановясь у постоялаго двора, слѣзали съ лошадей, показалась вдали довольно большая толпа всадниковъ, ѣдущихъ по Нижегородской дорогѣ. Алексѣй, введя Юрія въ избу, началъ хлопотать объ обѣдѣ и понукалъ хозяина, который обѣщался попотчивать ихъ отличной ухою. Всѣ Козаки въѣхали на дворъ, а Кирша, не приказавъ имъ разнуздывать лошадей, остался у воротъ, чтобъ посмотрѣть на проѣзжихъ, которыхъ передовой, поровнявшись съ постоялымъ дворомъ, слѣзъ съ лошади, и подойдя къ Киршѣ, сказалъ: — добраго здоровья, господинъ честной! ты, я вижу, нездѣшній?

— Да, любезный! отвѣчалъ Запорожецъ. —

— Такъ у тебя и спрашивать нечего. —

— Почему знать? о чемъ спросишь. —

— Да, вотъ Бояре не знаютъ, гдѣ проѣхать на хуторъ — Теплый Станъ. —

— Теплый Станъ? Къ Боярину Шалонскому? —

— Такъ ты знаешь? —

— Какъ не знать! Вы дорогу-то мимо проѣхали. —

— Версты три отсюда? —

— Ну, да! она осталась у васъ въ правой рукѣ. —

— Вотъ что!... И мы, по сказкамъ то же думали, да боялись заплутаться; вишь здѣсь какая глушь! какъ сунешься не спросясь, такъ заѣдешь, и Богъ вѣсть куда. —

Въ теченіи сего разговора проѣзжіе поровнялись съ постоялымъ дворомъ. Впереди ѣхалъ верховой съ ручнымъ бубномъ, ударяя въ который, онъ подавалъ знакъ простолю-

динамъ очищать дорогу; за нимъ рядомъ двое богато одѣтыхъ Бояръ; шага два позади ѣхалъ краснощекой толстякъ, съ предлинными усами, въ Польскомъ плащѣ и огромной косматой шапкѣ; а въ слѣдъ за нимъ человѣкъ десять хорошо вооруженныхъ холопей.

— Степанъ Кондратьевичъ! сказалъ передовой, подойдя къ одному изъ Бояръ, которой былъ дороднѣе и осанистѣе другаго; — вотъ этотъ молодецъ говоритъ, что дорога на Теплой Станъ осталась у насъ позади! —

— Ну, вотъ! вскричалъ дородной Бояринъ, не говорилъ ли я, что намъ должно было ѣхать по той дорогѣ? А все ты, Ѳома Сергѣичъ! не даромъ вѣщаетъ премудрый Соломонъ: »неразуміе мужа погубляетъ пути его.» —

— Не большая бѣда, отвѣчалъ другой Бояринъ, — что мы версты двѣ, или три проѣхали лишняго: вѣдь хуже, еслибъ мы заплутались. »Не спросясь броду, не бросайся въ воду,» го-

варивалъ всегда, блаженной памяти Царь, Феодоръ Іоанновичъ. Бывало, когда онъ вздумаетъ потѣшиться и позвонить въ колокола, а онъ—царство ему небесное! куда изволилъ это жаловать—то всегда пошлетъ меня на колокольню, какъ ближняго своего Стряпчаго съ ключемъ, провѣдать, всѣ ли ступеньки цѣлы на лѣстницѣ. Однажды, какъ теперь помню, оттрезвонивъ къ обѣднѣ, Его Царское Величество послалъ меня....

—Знаю, знаю! ужъ ты разъ десять мнѣ это разсказывалъ, перервалъ дородной Бояринъ.—Взойдемъ-ка лучше въ избу, да перекусимъ чего нибудь. Хотя и сказано: »отъ плодовъ устенъ твоихъ насытишь чрево свое;« но отъ одного разглагольствованія сытъ не будешь. А вы, смотрите, съ коней не слѣзать: мы сей часъ отправимся опять въ дорогу.—Сказавъ сіи слова, оба Боярина, въ которыхъ читатели, вѣроятно, узнали уже Лесуту-Храпунова и Замятню-Опалева,

слѣзли съ коней и пошли въ избу. Красноцекой шляхтичъ спустился также съ своей лошади, и когда подошелъ къ воротамъ, то Кирша, заступя ему дорогу, сказалъ улыбаясь: —ба, ба, ба! здравствуй, Ясновельможный Панъ, Копычинскій! по добру ли, по здорову? —

Полякъ взглянулъ гордо на Киршу, и хотѣлъ пройти мимо.

—Что такъ заспесивѣлся, Панъ? продолжалъ Запорожецъ, остановивъ его за руку,—перемолви хоть словечко! —

—Цо то есть! вскричалъ Копычинскій, стараясь вырваться;—отцѣпись, Москаль! —

—А развѣ ты его знаешь?—спросилъ Киршу одинъ изъ служителей проѣзжихъ Бояръ.

—Какъ же! мы давнишніе знакомцы. Не хочешь ли, Панъ, покушать? у меня есть жареный гусь. —

—Слушай, Москаль! завизжалъ Ко-

тычинскій, если ты не отстанешь, то, дамъ букъ....

— И, полно буянить, Ясновельможный! что хорошаго? вѣдь здѣсь грядокъ нѣтъ, спрятаться не гдѣ...

Полякъ вырвался, и отступя шага два, ухватился съ грознымъ видомъ за рукоятку своей сабли.

— Небось, добрый человѣкъ! сказалъ служитель,—онъ только пугаетъ; вѣдь сабля-то у него деревянная.—

— Ой ли! Ей, слушай-ка Панъ! закричалъ Кирша въ слѣдъ Поляку, который спѣшилъ уйдти въ избу,—у какого Москаля отбилъ ты свою саблю?... Ушелъ! Какъ онъ къ вамъ попался?—

— Онъ, изволишь видѣть, отвѣчалъ служитель, пріѣхалъ, мѣсяца четыре назадъ, изъ Москвы; да не поладилъ чтоль съ Паномъ Тишкѣвичемъ, который на ту пору былъ въ нашихъ мѣстахъ съ своимъ региментомъ; только, говорятъ, будтобъ ему

сказано, что если онъ назадъ вернется въ Москву, то его тотчасъ повѣсятъ; вотъ онъ и приютился къ господину нашему, Степану Кондратьевичу, Опалеву. Видно рожа-то у него какая дурацкая—пошелъ къ Боярину въ шуты, да такой задорный, что не приведи Господи! —

— Кирша взошелъ также въ избу. Оба Боярина сидѣли за столомъ и трудились около большаго пирога, не обращая никакого вниманія на Милославскаго, который ѣлъ молча на другомъ концѣ стола уху, изготовленную хозяиномъ постоялаго двора.

— Ты чтоль, молодецъ, сказывалъ нашимъ людямъ, спросилъ Лесуна у Запорожца,—что мы миновали дорогу на Теплый Станъ? —

— Да, Бояринъ. Я вчера самъ тамъ былъ. —

— И видѣлъ Тимофѣя Федоровича?—

— Какъ же! и его, и Боярина Туренина. —

— Такъ и Туренинъ на хуторѣ? Ну что, здоровы ли они? —

— Слава Богу! только больно испостились. —

— Какъ такъ? —

— Да развѣ ты не знаешь, Бояринъ?... они теперь оба живутъ затворниками. —

— Затворниками? —

— Какъ же! Если ты не найдешь ихъ въ хоромахъ, то ищи въ подземномъ склепѣ, подъ церковнымъ поломъ. —

— Чтожъ они тамъ дѣлаютъ? —

— Вѣстимо что: спасаются! —

— Эко диво! сказалъ Опалевъ;—и вина не пьютъ? —

— Какое вино! не пріѣзжайте вы къ нимъ, такъ они дня три, или четыре куска бы въ ротъ не взяли: такіе стали постники. —

— Что это имъ вздумалось?... вскричалъ Іесуитъ;—да они этакъ вовсе себя уходятъ! —

— Вотъ то-то и есть, прибавилъ

Опалевъ, ученье свѣтъ, а не ученье тьма. Что сказано въ Екклезіастѣ? »Не буди праведенъ вельми, и не мудрися излишне, да нѣкогда изумишися.» —

— Видно, Бояринъ, они этой книги не читывали. —

Въ продолженіи сего разговора, Копычинскій, который, сидя у дверей избы, посматривалъ пристально на Юрія, вдругъ вскочилъ и, подойдя къ Замятнѣ-Опалеву, сказалъ ему на ухо: — Бояринъ! уѣдемъ скорѣе отсюда, здѣсь не ловко. —

— Что ты врешь, дуракъ! сказалъ Замятня. —

— Нѣтъ, не вру, продолжалъ Полякъ; — посмотри-ка на этого блѣднаго и худаго дѣтину....

— Ну, что за-диковинка? —

— Ты видно его не знаешь... онъ настоящей разбойникъ. —

— Разбойникъ?... Постой-ка! лице что-то знакомое.... Ну, точно такъ!... позволь спросить: вѣдь ты, кажется, Юрій Дмитричь, Милославской? —

Юрій отвѣтствовалъ однимъ наклоненіемъ головы.

— Въ самомъ дѣлѣ! вскричалъ Лесута-Храпуновъ,—теперь и я признаю тебя. Ну, какъ ты похудѣлъ! что это съ тобой сдѣлалось? —

— Онъ четыре мѣсяца былъ при смерти боленъ, отвѣчалъ Кирша. —

— То-то тебя и не видно было, продолжалъ Лесута-Храпуновъ.—Помнишь ли, Юрій Дмитричь, какъ мы познакомились съ тобой у Боярина, Шалонскаго? —

— Помню! отвѣчалъ Юрій. —

— Не правда ли, что онъ знатную намъ задалъ пирушку?... Помнится, вы съ нимъ что-то повздорили, да, кажется, послѣ помирились. Нечего сказать, онъ не много крутенекъ, не любитъ, чтобъ ему поперечили; а ужъ хлѣбосолъ! и какъ захочетъ, такъ умѣетъ приласкать! —

— »Прещеніе его подобно рыканію львову, перервалъ Опалевъ, и яко же роса злаку, тако тихость его.« —

— Эхъ, Юрій Дмитричь! продолжалъ Лесута,—много съ тѣхъ поръ воды утекло! Вовсе житья не стало нашему брату, родовому Дворянину: Нижегородскіе крамольники все вверхъ дномъ поставили. Хотя бы—къ примѣру сказать—меня, Стряпчаго съ ключемъ, повѣришь ли, Юрій Дмитричь? въ грошъ не ставятъ; а какой нибудь простой посадской, или мясникъ—Воеводою!—

— Да, да! примолвилъ Опалевъ, чего мы не насмотрѣлись! »видѣхъ рабовъ яко Князей, на коняхъ, и Князей, идущихъ яко рабовъ, на земли.»—

—Ты вѣрно, Юрій Дмитричь! сказалъ Лесута, помолчавъ нѣсколько времени, пробирается къ Пану Хоткѣвичу!—

— Я и самъ еще не знаю,—отвѣчалъ отрывисто Милославскій.

— Да, другаго-то дѣлать нечего, продолжалъ Лесута; въ Москву теперь не проѣдешь. Вокругъ ея идетъ такая каша, что упаси Господи! и Трубецкой, и Пожарской, и Заруцкой, и проклятые Шиши, и словомъ: весь

Руской сбродъ, ни дать ни взять какъ саранча, затопилъ всѣ дороги около Москвы. Я слышалъ, что и Гонсѣвской перебрался въ станъ къ Гетману Хоткѣвичу, а въ Москвѣ остался старшимъ Панъ Струса. О, охъ! Юрій Дмитричь! плохія времена, отецъ мой! того и гляди придется пѣнять отцу и матери, за чѣмъ на свѣтъ родили! —

— Что ты! Степанъ Кондратьичь! вскричалъ Опалевъ.—Не моги говорить такихъ рѣчей; »злословящему отца и матерь угаснетъ свѣтильникъ, зѣницы же очесъ его узрятъ тьму.« —

— Да мы и такъ ужъ давно ходимъ въ потемкахъ, возразилъ Лесуна;—когда Стряпчій съ ключемъ, какъ я, или Думный Дворянинъ, какъ ты, не знаютъ, куда головы преклонить, такъ видно уже пришли послѣдніи вѣка. —

— Что и говорить, Степанъ Кондратьевичь! мерзость запустѣнія!... По всему видно, что скоро наступитъ время, когда угаснетъ солнце,

свергнутся звѣзды съ тверди небесной и настанетъ повсюду тьма кромѣчная! не даромъ прозорливый Сирахъ глаголетъ....

— Однакожъ намъ пора въ путь, перервалъ Лесуша, вставая съ своего мѣста. — Прощенья просимъ, Юрій Дмитричь! мы будемъ отъ тебя кланяться Тимофѣю Федоровичу. —

— Да, не забудьте же, Бояре! примолвилъ Кирша;—если не найдете его въ хоромахъ, то ищите въ склепѣ, подъ церковнымъ поломъ. —

— А гдѣ мой дуракъ? закричалъ Опалевъ.—Ей ты, Панъ, куда ты запропастился? —

— Я здѣсь, Ясновельможный, отвѣчалъ Копычинскій, выглядывая изъ сѣней.—Прикажешь садиться на коня?—

— Садись!... Да, тише ты, Польская чучела! Куда торопишься?... смотри пожалуй! съ ногъ было сшибъ Степана Кондратьевича. —

Часа черезъ два и наши путешественники отправились также въ

дорогу. Отдохнувъ цѣлыя сутки въ Муромѣ, они на третей день прибыли во Владимiръ, и когда Юрiй объявилъ, что намѣренъ ѣхать прямо въ Сергiевскую Лавру: то Кирша, несмотря на то, что долженъ былъ для сего сдѣлать довольно большой крюкъ, взялся проводить его съ своими Козаками до самаго монастырскаго посада.

ГЛАВА V.

Троицкая Лавра Святаго Сергія, сія священная для всѣхъ Русскихъ обитель, показавшая неслыханный примѣръ вѣрности, самоотверженія и любви къ отечеству, была во время между-царствія первымъ, по богатству и великолѣпію своему, монастыремъ въ Россіи; ибо древнее достояніе Князей Русскихъ, первопрестольный градъ Кіевъ, съ своей знаменитой Печерской Лаврою, принадлежалъ Полякамъ. Обитель Троицкая, основанная около половины четырнадцатаго столѣтія, Радонежскимъ Чудотворцемъ, Преподобнымъ Сергіемъ, близъ потока, называемаго Кончурою, отстоитъ отъ Москвы

не далѣе шестидесяти четырехъ верстъ. Хотя въ 1612 году, великолѣпная церковь Святаго Сергія, высочайшая въ Россіи колокольня, двѣ башни, прекрасной готической архитектуры, и много другихъ зданій не существовали еще въ Троицкой Лаврѣ; но высокія стѣны, восемь огромныхъ башенъ, соборы: Троицкій, съ позлащенною кровлею, и Успѣнскій съ пятью главами, четыре другіе церкви, обширныя монастырскія строенія, многолюдный посадъ, большіе сады, тѣнистыя рощи, свѣтлые пруды, горнстое живописное мѣстоположеніе—все плѣняло взоры путешественника, все поселяло въ душѣ его непреодолимое желаніе посвятить нѣсколько часовъ уединенной молитвѣ, и поклониться смиренному гробу, основателя сей святой и знаменитой обители. —

Въ описываемую нами эпоху, Троицкая Лавра походила болѣе на укрѣпленный замокъ, чѣмъ на тихое убѣ-

лище миролюбивыхъ иноковъ. Разставленныя по стѣнамъ и башнямъ пушки, множество людей ратныхъ, вооруженные слуги монастырскіе, а болѣе всего поврежденныя ядрами стѣны и обширныя пепелища, покрытыя развалинами домовъ, находившихся внѣ ограды, напоминали каждому, что сей монастырь въ недавнемъ времени выдержалъ осаду, которая останется навсегда, въ лѣтописяхъ нашего отечества, непостижимой загадкою, или лучше сказать, явнымъ доказательствомъ могущества и милосердія Божія. Тридцать тысячь войска Польскаго, подъ предводительствомъ извѣстныхъ своею воинской доблестью и звѣрскимъ мужествомъ, Пановъ: Сапѣги и Лисовскаго, не успѣло взять приступомъ монастыря, защищаемаго горстью людей, изъ коихъ большая часть въ первый разъ взялась за оружіе; въ теченіи шести недѣль, болѣе шестидесяти осадныхъ орудій, гремя день

и ночь, не могли разрушить простыхъ, кирпичныхъ стѣнъ монастырскихъ. Упованіе на Господа, и любовь къ отечеству превозмогли всю силу многочисленнаго неприятеля; простые крестьяне стояли твердо, какъ посѣдѣвшіе въ бояхъ воины, бились съ ожесточеніемъ и гибли, какъ герои. Никто не хотѣлъ окончить жизни на своей постелѣ; едва дышущіе отъ ранъ и болѣзней, не могущіе уже сражаться воины, иноки и слуги монастырскіе, приползали умирать на стѣнахъ святой обители, отъ вражескихъ пуль и ядеръ, которыя сыпались градомъ на ихъ беззащитныя головы. Начальники осажденнаго войска: Князь Долгорукій и Голохвастовъ, готовясь, по словамъ лѣтописца, *на трапезъ кровопролитной испить чашу смертную за отечество*, цѣловали крестъ надъ гробомъ Святаго Сергія, *сидѣть въ осадѣ безъ измѣны* — и сдержали свое слово (3). — Простоявъ болѣе шест-

тнадцати мѣсяцовъ подъ стѣнами Лавры, Воеводы Польскіе, покрытые стыдомъ, бѣжали отъ монастыря, который не даромъ называли въ рѣчахъ своихъ *каменнымъ гробомъ*; ибо обитель Святаго Сергія была дѣйствительно обширнымъ гробомъ для большей части ихъ войска и могилою ихъ собственной воинской славы. —

Въ одно прекрасное утро, предъ раннею обѣднею, человѣкъ пять слугъ монастырскихъ, собравшись въ кружокъ, отдыхали на лугу, подлѣ святыхъ воротъ Лавры. Одинъ изъ нихъ, который, судя по его усталому виду и запыленному платью, только что пріѣхалъ изъ дороги, разсказывалъ что-то съ большимъ жаромъ; всѣ слушали его со вниманіемъ, кромѣ одного высокаго и молодцеватаго дѣтины. Не принимая, по видимому, никакого участія въ разговорѣ, онъ смотрѣлъ пристально вдоль Ростовской дороги, которая, огибая Терентьевскую гору, терялась въ дали между

полей, густыхъ рощей и разсыпанныхъ въ живописномъ безпорядкѣ селеній. — . . . .

— Полно такъ ли, братъ Суета! сказалъ одинъ изъ слугъ монастырскихъ, покачавъ головою; — и тебя къ нему допустили? —

— Какъ же, братецъ! отвѣчалъ разсказщикъ, напоминающій своимъ колоссальнымъ видомъ преданія о могучихъ витязяхъ древней Россіи. — Стану я лгать! Я своеручно отдалъ ему грамоту отъ нашего Архимандрита; говорилъ съ нимъ лицемъ къ лицу, и онъ безъ малаго словъ десять изволилъ перемолвить со мною. —

— А мнѣ такъ не удалось посмотрѣть на Князя, Димитрія Михайловича, Пожарскаго, сказалъ тотъ же служитель; — я былъ въ отлучкѣ, какъ онъ гостилъ у насъ въ Лаврѣ. Что, братъ Суета! Правда ли, что онъ молодецъ собою? —

— Какъ бы тебѣ сказать?... росту не очень большаго и въ плечахъ узе-

немъ, отвѣчалъ Сусша, кинувъ гордый взоръ на собственныя свои богатырскія плеча;—по за то куда благообразенъ собою!... А что за взглядъ! Ахъ, ты, Господи, Боже мой!... Повѣритель, ребята? какъ я къ нему подходилъ, гляжу: кой прахъ! мужиченокъ небольшой—ну, вотъ не больше тебя,—прибавилъ Сусша, показывая на одного молодаго парня, средняго роста;—а какъ онъ выступилъ впередъ, да взглянулъ, такъ мнѣ показалось, что онъ цѣлой головой меня выше! Вы знаете, товарищи, я дытина неробкой и силка есть, а еслибъ пришлось мнѣ на ратномъ полѣ схватиться съ Княземъ Пожарскимъ, такъ—что грѣхъ таить—не побожусь, статься можетъ, и я бы сробилъ.—

—Что ты, Сусша? помилуй!... Знаешь пословицу: »первую пѣсенку зардѣвшись спѣть?» а ты для почину цѣлой полкъ Ляховъ одинъ остановилъ, и человѣкъ двадцать супостатовъ перекрошилъ своимъ берды-

темъ: такъ статочное ли дѣло, чтобъ ты сробѣлъ одного человѣка? —

— Да слышь-ты, голова! онъ на другихъ-то людей вовсе не походитъ. Посмотрѣлъ бы ты, какъ онъ сѣлъ на коня, какъ подлетѣлъ соколомъ къ войску, когда оно, взойдя въ Москву, остановилось у Арбатскихъ воротъ; какъ показалъ на Кремль и Соборныя храмы!.. и что тогда было въ его глазахъ и на лицѣ!... Такъ я тебѣ скажу: и взглянуть-то страшно! Подлѣ его стремени ѣхалъ Козьма Миничь, Сухорукой... ну, братъ! и этотъ молодецъ! не такъ грозенъ, какъ Князь Пожарской; а нашего поля ягода—за себя постоитъ! —

— А что слышно о Полякахъ? —

— Вѣстимо что: одни сидятъ въ Кремлѣ, да выглядываютъ изъ - за стѣнъ, какъ сычи; а другіе съ Гетманомъ Хоткѣвичемъ, какъ говорятъ, близехонько отъ Москвы. —

— Такъ, стало быть, скоро большая схватка будетъ? —

— Видно что такъ. Жаль только, что наша сила поубавилась: измѣнникъ Заруцкой ушелъ въ Коломну, да и Князя Трубецкаго войско-то не больно надежно—такой сбродъ!... они-жъ, говорятъ, осерчали за то, что Нижегородцы не пошли къ нимъ въ таборы; а по мнѣ, такъ дѣло и сдѣлали—что имъ якшаться съ этими разбойниками? Вся Понизовская сила, что пришла съ Княземъ Пожарскимъ, истинно христолюбивое войско—не налюбуешься! а какъ посмотришь на дружины Князя Трубецкаго, такъ бѣжалъ бы прочь, безъ оглядки! только и думаютъ, какъ бы гдѣ поживиться, да ограбить кого бы ни было, чужихъ или своихъ, все равно. Есть, правда, и у нихъ ребята знатные, да сволочи-то много. —

— А не попадались ли тебѣ на Московской дорогѣ Шиши? Говорятъ, они вездѣ шатаются. —

— Какъ же! они и меня останавли-

вахъ верстахъ въ тридцати отсюда; но лишь только я вымолвилъ, что ѣду изъ Троицы, къ Князю Пожарскому: тотъ-часъ отпустили, да еще на дорогу стаканчикъ вина поднесли. —

— Вотъ что! такъ они не вовсе разбойники? —

— Какіе разбойники!.. Правда, ихъ держитъ въ рукахъ какой-то приходской Священникъ села Кудинова, отецъ Еремѣй: безъ его благословенья они никого не пропуститъ; а онъ—дай Богъ ему здоровье!—стоитъ въ томъ: рѣжь какъ хочешь Поляковъ и Русскихъ измѣнниковъ, а православныхъ не трожь!... Да что тамъ такое? посмотрите-ка, что это Мартьянъ уставился?... глазъ не спускаетъ съ Ростовской дороги. —

— А кто его знаетъ! отвѣчалъ одинъ изъ служителей.—Мы слушаемъ твои разсказы, а онъ вѣдь глухъ: такъ можетъ статься, отъ бездѣлья по сторонамъ глазѣетъ. —

— Нѣтъ, братъ Данило! сказалъ Суета,—не говори! онъ даромъ смотрѣть не станетъ; подлинно, Господь умудряетъ юродивыхъ! Мартьянъ глухъ и нѣмъ, а кто лучше его справлялъ службу, когда мы бились съ Поляками? Бывало какъ онъ стоитъ сторожевымъ, такъ и думушки не думаешь — спи себѣ вдоволь: муха не прокрадется. —

Вдругъ Мартьянъ вскочилъ, схватилъ за руку Суету и, заставивъ его встать, показалъ пальцемъ на Ростовскую дорогу.

— Ну, такъ и есть! вскричалъ Суета. Видите ли, ребята....

— Да! сказалъ Данило.—По большой дорогѣ ѣдутъ Козаки. Пойдемъ, сказалъ старшимъ. —

— Постой! вотъ никакъ они всѣ выѣхали изъ-за рощи.... да ихъ на врядъ будетъ человѣкъ тридцать: изъ чего дѣлать тревогу! —

— А если это только передовые? —сказалъ одинъ изъ служителей. —

— И, нѣтъ! продолжалъ Суета; — тамъ дальше никого не видно. Видите ли?' Марьянъ усѣлся опять на прежнее мѣсто и вовсе на нихъ не смотритъ, такъ вѣрно ужъ опасаться нечего: какіе нибудь проѣзжіе, или богомольцы. —

— Да, такъ и должно быть, сказалъ Данило.—Посмотрите! впереди Козаковъ ѣдетъ какой-то Бояринъ.... вотъ, сняли шапки и молятся на Соборы!... Видно какой нибудь Понизовской Дворянинъ ѣдетъ къ намъ на богомолье.' —

Читатели наши безъ сомнѣнья уже догадались, что Бояринъ, ѣдущій въ провожаніи Козаковъ, былъ Юрій Дмитричъ, Милославской. Когда они доѣхали до святыхъ воротъ, то Кирша, спѣша возвратиться подъ Москву, попросилъ Юрія отслужить за него молебенъ, преподобному Сергію, и, подаря ему коня, отбитаго у Польскаго наѣздника и Литовскую богатую саблю, отправился далѣе по Московской дорогѣ. Милославской, по-

дойдя къ монастырскимъ служителямъ, спросилъ: «можетъ ли онъ видѣть Архимандрита?«

— Врядъ ли, Бояринъ! отвѣчалъ Сусета:—я сей часъ былъ у него въ палатахъ, онъ что-то прихворнулъ и лежитъ въ постели; а если у тебя есть какое дѣло, то можешь переговорить съ отцемъ Келаріемъ.—

— Аврааміемъ Палицынымъ?—

— Да, Бояринъ! Онъ вчера пріѣхалъ изъ-подъ Москвы и нынче же послѣ трапезы опять туда ѣдетъ.—

— Не можетъ ли кто нибудь изъ васъ проводить меня въ его келью?—

— Пожалуй, я провожу, сказалъ Сусета.—А ты, братъ, продолжалъ онъ, обращаясь къ Алексѣю,—отведи коней въ гостинницу.—

— А гдѣ бы достать чего нибудь перекусить, любезный! — спросилъ Алексѣй.

— Ужъ тамъ тебя накормятъ; благодаря Бога, изъ Сергіевской Лавры ни

одинъ еще богомолецъ голодной не уходилъ. —

Юрій, идя въ слѣдъ за Сустою, замѣтилъ, что и внутри монастыря большая часть строеній была повреждена, и хотя множество рабочихъ людей занято было поправкою оныхъ; но на каждомъ шагу встрѣчались слѣды опустошенія и долговременной осады, выдержанной обителью.—Вотъ въ этихъ палатахъ живалъ прежде отецъ Авраамій, сказалъ Суета, указавъ на небольшое двухъэтажное строеніе, прислоненное къ оградѣ.—Да видишь, какъ ихъ злодѣи Ляхи отдѣлали—насквозь гляди! Теперь онъ живетъ вотъ въ той связи, что за соборами, съ просторнѣе другихъ старцевъ; да онъ, Богъ съ нимъ, не привередливъ—былабъ у него только келья въ сторонѣ, чтобъ не мѣшали ему молиться, да писать: такъ съ него и маленькой коморки довольно.—

— А что онъ такое пишетъ? —

— Богъ вѣстъ! Послушникъ его, Фи-

нагенъ, мнѣ сказывалъ, что онъ имѣетъ какое-то сказаніе объ осадѣ нашего монастыря и будто бы въ немъ говорится что-то и обо мнѣ; да я плохо вѣрю—иная рѣчь о нашихъ Воеводахъ, Князѣ Долгоруковѣ и Голохвастовѣ, ихъ дѣло Боярское; а мы люди малые, что о насъ писать!... Сюда, Бояринъ, на это крылечко!—

—Пройдя длиннымъ коридоромъ до самаго конца зданія, они остановились и Суета, постучавъ въ небольшую дверь, сказалъ въ полголоса:—Господи, Іисусе Христе! сыне Божій! помилуй меня грѣшнаго!—

—Аминь!—отвѣчалъ кто-то пріятнымъ и звучнымъ голосомъ, внутри кельи.

—Теперь ступай, Бояринъ!—сказалъ Суета, отворяя дверь.

Юрій взошелъ въ небольшую четвероугольную келью съ однимъ окномъ. Въ лѣвомъ углу стояла деревянная скамья съ такимъ же изго-

ловьемъ; въ правомъ—налой, надъ которымъ теплилась лампада передъ распятіемъ и двумя образами; къ самому окну приставленъ былъ большой ни чѣмъ не покрытый столъ; вдоль одной стѣны, на двухъ полкахъ, стояли книги въ толстыхъ переплетахъ и лежало нѣсколько свитковъ. Передъ столомъ на скамьѣ сидѣлъ старецъ, въ простой черной рясѣ, и разсматривалъ съ большимъ вниманіемъ толстую тетрадь, которая лежала передъ нимъ на столѣ. Приходъ Юрія не прервалъ его занятія; онъ взялъ перо, поправилъ нѣсколько словъ и прочелъ вслухъ: «Въ той бо день Гетманъ Сапѣга и Лисовскій, со всѣми полки своими, Польскими и Литовскими людьми, и съ Русскими измѣнники, побѣгоша къ Дмитреву, ни кѣмъ же гонимы, но десницею Божіей....« Тутъ онъ написалъ еще нѣсколько словъ, всталъ съ своего мѣста и, благословя подошедшаго къ нему Юрія, спросилъ ла-

сково:—какую онъ имѣетъ до него надобность? —

— Отецъ Авраамій! отвѣчалъ съ смиреннымъ видомъ Юрій—я имѣю до тебя не маловажную просьбу. —

— Садись, молодецъ! и говори, чего ты отъ меня хочешь? —

Кроткой и вмѣстѣ величественный видъ старца, его блестящіе умомъ и исполненные добросердечія взоры, пріятной, благозвучный голосъ, а болѣе всего, извѣстныя всѣмъ Русскимъ благочестіе и пламенная любовь его къ отечеству—все возбуждало въ душѣ Юрія чувство глубочайшаго почтенія къ сему безсмертному сподвижнику добродѣтельнаго Діонисія. Помолчавъ нѣсколько времени, Милославскій сказалъ робкимъ голосомъ:—Отецъ Авраамій! я едва смѣю надѣяться, что ты не отринешь моей просьбы. —

— Говори смѣло, чадо мое, отвѣчалъ старецъ; — намъ ли многогрѣшнымъ

отвергать просьбы нашихъ братьевъ, когда мы сами ежечасно, какъ малые дѣти, прибѣгаемъ съ суетными мольбами къ общему Отцу нашему! —

— Я хочу, продолжалъ Милославскій, ободренный ласковою рѣчью Авраамія, —умертить плоть и, при помощи твоей, изъ воина земнаго содѣлаться воиномъ Христовымъ. —

Старецъ поглядѣлъ на Юрія и спросилъ съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ: —ты желаешь вступить въ обитель нашу послушникомъ? —

— Да, отецъ Авраамій! и если Господь Богъ сподобитъ, а вы, благочестивые наставники, удостоите меня принять образъ иноческой.... то всѣ желанія мои исполнятся. —

Авраамій покачалъ головою и, взглянувъ съ соболѣзнованіемъ на Юрія, сказалъ:—въ столь юные года!... на утрѣ жизни твоей!... Но точно ли, мой сынъ! ты ощущаешь въ душѣ

своей призваніе Божіе? Я вижу на твоемъ лицѣ слѣды глубокой скорби, и если ты, не вынося съ душевнымъ смиреніемъ тяготѣющей надъ главою твоей десницы Всевышняго, движимый единымъ отчаяніемъ, противнымъ Господу, спѣшишь покинуть отца и матерь, а можетъ быть, супругу и дѣтей: то жертва сія не достойна Господа—не горесть земная и отчаяніе ведутъ къ нему, но чистое покаяніе и любовь. —

— У меня нѣтъ ни отца, ни матери, сказалъ Юрій,—я сирота!

— Но кто ты, юноша? —

— Юрій Милославскій! —

— Сынъ покойнаго Боярина, Милославскаго? —

— Да! сынъ его. —

Старецъ устремилъ испытующій взоръ на Юрія, и послѣ короткаго молчанія сказалъ, съ примѣтнымъ удивленіемъ:—И ты, сынъ Димитрія Милославскаго, желаешь, на ряду съ

безсильными старцами, съ изувѣченными и не могущими сражаться воинами, посвятить себя единой молитвѣ, когда вся кровь твоя принадлежитъ отечеству! Ты, юноша, во цвѣтѣ лѣтъ своихъ, желаешь, сложивъ спокойно руки, смотрѣть, какъ тысяча твоихъ братьевъ, умирая за вѣру отцевъ и святую Русь, утучняютъ своею кровію, родныя поля Московскія? —

— Итакъ, отецъ Авраамій, ты отвергаешь мою просьбу? —

—Нѣтъ, Юрій Дмитричь! не я!... Взгляни вокругъ себя, вопроси эти полуразрушенныя стѣны, позженные дома, могилы иноковъ, падшихъ въ кровавой битвѣ съ врагомъ вѣры православной—и если ихъ безмолвный отвѣтъ не напомнитъ тебѣ долгъ твой: что ты не сынъ Димитрія! Нѣтъ, Юрій Дмитричь! не здѣсь твое мѣсто: оно въ рядахъ храбрыхъ дружинъ Нижегородскихъ, подъ стѣнами оскверненнаго присутствіемъ злодѣ-

ств Кремля! Сынъ мой! свѣтла предъ Господомъ жизнь праведника; но вѣнецъ мученика есть верхъ его благости и милосердія! Иди стяжать сію нетлѣнную награду! Ступай! умри вѣрнымъ защитникомъ православной Греческой церкви и достойнымъ сыномъ добродѣтельнаго Димитрія! —

Юрій, потупивъ глаза, стоялъ, какъ преступникъ предъ своимъ судіею и не отвѣчалъ ни слова.

— Ты молчишь? продолжалъ Авраамій, — колеблешься?... Да, проститъ тебя, Господь! ты наругался надъ моими сѣдинами: ты обманулъ меня. Юноша! ты не сынъ Милославскаго! —

— Ахъ, отецъ Авраамій! промолвилъ едва слышнымъ голосомъ Юрій; — я не могу поднять меча на защиту моей родины. —

— Не можешь? —

— Я цѣловалъ крестъ Королевичу Владиславу....

— Несчастный! —

Нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе; наконецъ Авраамій сказалъ, какъ будтобъ не хотя: — Юрій Дмитричь! ты, можетъ быть, не знаешь, что Святѣйшій Гермогенъ разрѣшилъ всѣхъ православныхъ отъ сей богопротивной присяги? —

— Но я цѣловалъ крестъ добровольно, отецъ Авраамій; не вынужденная клятва тяготитъ мою душу; нѣтъ! никто не побуждалъ меня присягать Королевичу Польскому, и тайный, неотступный голосъ, голосъ моей совѣсти твердитъ мнѣ ежечасно: «горе клятвопреступнику!« такъ, отецъ мой! Юрій Милославскій долженъ остаться слугою Владислава; но инокъ, умершій для свѣта, служитъ единому Богу....

— И отечеству, Бояринъ, прервалъ съ жаромъ Авраамій.—Мы не иноки западной церкви, и благодаря Всевышняго, переставая быть мірянами, не перестаемъ быть Русскими. Вспомни, Юрій Дмитричь, гдѣ умерли

благочестивые старцы, Пересвѣтъ и Ослабя!... Но я слышу благовѣстъ.... пойдемъ, сынъ мой! станемъ молить угодника Божія, да просіяетъ истина для очей нашихъ, и да внушитъ тебѣ Господь силу и крѣпость для исполненія святой его воли! —

По окончаніи литургіи и молебствія съ колѣнопреклоненіемъ о дарованіи побѣды надъ врагомъ, когда всѣ православные вышли изъ храма, Авраамій, подведя Юрія ко гробу преподобнаго Сергія, сказалъ торжественнымъ голосомъ: — Бояринъ, Юрій Дмитричь, Милославскій! желаешь ли ты отречься отъ міра и всѣхъ прелестей его? —

— Желаю, — отвѣчалъ твердымъ голосомъ Юрій.

— Не ищешь ли ты укрыться въ обители нашей отъ заботъ, трудовъ и опасностей, тебѣ по рожденію и сану предстоящихъ? Не избираешь ли ты часть сію, дабы избѣжать заслуженнаго наказанія, или по

всякому другому, единственно земному побужденію? —

— Нѣтъ. —

— Не обѣщался ли ты предъ Господомъ имѣть попеченіе о земномъ благѣ отца, матери, супруги и дѣтей! —

— Я сирота.... и не былъ никогда женатъ. —

— И такъ, да будетъ по желанію твоему, Бояринъ Милославской! Я принимаю здѣсь, при гробѣ преподобнаго Сергія, твой обѣтъ, посвятить себя на всю жизнь покаянію, посту и молитвѣ. Преклони главу твою...., Рабъ Божій, Юрій! съ сего часа ты не принадлежишь уже міру и я, именемъ Господа, разрѣшаю тебя отъ всѣхъ клятвъ и обѣщаній мірскихъ. Встань, послушникъ старца, Авраамія! отъ-нынѣ ты долженъ слѣпо исполнять волю твоего пастыря и наставника. Ступай въ станъ Князя Пожарскаго! ополчись оружіемъ земнымъ противъ общаго врага нашего—и если Господь

не благоволитъ украсить чело твое вѣнцомъ мученика: то по окончаніи брани возвратись въ обитель нашу, для принятія Ангельскаго образа и служенія Господу, не съ оружіемъ въ рукахъ, но въ духѣ кротости, смиренія и любви.—

— И такъ, воскликнулъ Юрій, обливаясь слезами, я снова могу сражаться за мою родину!—Ахъ! я чувствую, ничто не тяготитъ моей совѣсти... душа моя спокойна!... Отецъ Авраамій! ты возвратилъ мнѣ жизнь!—

— Возблагодаримъ за сіе Господа и святыхъ угодниковъ Его, — сказалъ старецъ, преклоня колѣна вмѣстѣ съ Юріемъ.

Послѣ усердной и продолжительной молитвы, Авраамій Палицынъ, прощаясь съ Юріемъ, сказалъ:—отдохни сего-дня, Юрій Дмитричь, въ нашей обители; а завтра чѣмъ-свѣтъ отправься къ Москвѣ. Стой крѣпко за правду! Не попускай нечестивымъ осквернять святыню храмовъ право-

славныхъ! Сражайся какъ сынъ Милославскаго, но щади безоружнаго врага, не проливай напрасно крови человѣческой. Слушай, сынъ мой! примолвилъ Авраамій, обнимая Юрія,—да предъидетъ предъ тобою Ангелъ Господень, и да сопутствуетъ тебѣ благословеніе старика, который.... Всевышній! прости ему сіе прегрѣшеніе!... любитъ свою земную родину, почти также, какъ должны бы мы всѣ, любить одно небесное отечество наше!—

На другой день, вмѣстѣ съ солнечнымъ восходомъ, Юрій въ провожаніи Алексѣя выѣхалъ изъ Лавры и пустился по дорогѣ, ведущей къ Москвѣ.

ГЛАВА VI.

Когда наши путешественники, миновавъ Хотьковскую обитель, отъѣхали верстъ тридцать отъ Лавры, Юрій спросилъ Алексѣя, — знаетъ ли онъ, куда они ѣдутъ? —

— Вѣстимо куда, отвѣчалъ съ примѣтной досадою Алексѣй: — въ Москву, къ Пану Гонсѣвскому.

— Ты не отгадалъ; мы ѣдемъ въ станъ Князя Пожарскаго. —

— За чѣмъ? —

— За тѣмъ, чтобъ драться съ Поляками. —

— Съ Поляками?... Да, нѣтъ! ты шутишь, Бояринъ! —

— Видитъ Богъ, не шучу. Я ужъ больше не слуга Владислава. —

— Слава тебѣ, Господи! вскричалъ Алексѣй.—На-силу ты за умъ хватился, Бояринъ! Ну, отлегло отъ сердца! знаешь ли что, Юрій Дмитричь! теперь я скажу всю правду: я не отсталъ бы отъ тебя, чтобъ со мной на томъ свѣтѣ ни было, еслибъ ты пошелъ служить не только Полякамъ, но даже Татарамъ; а какъ бы ты зналъ да вѣдалъ, что у меня было на совѣсти! Каждый день я клалъ по двадцати земныхъ поклоновъ, чтобъ Господь простилъ мое прегрѣшеніе и наставилъ тебя на путь истинный. —

— Ну, вотъ видишь, Алексѣй—твоя молитва даромъ не пропала. Но я что-то очень усталъ: какъ ты думаешь? не остановиться ли намъ въ этомъ селѣ? —

— Да и пора, Юрій Дмитричь: мы, чай, слишкомъ верстъ двадцать отъѣхали. Вотъ, кажется, и постоялый дворъ.... а видно по всему, здѣсь пировали незваные гости. Смотри-ка! ни

одной старой избы нѣтъ, всѣ съ иголочки. Охъ, эти проклятые Ляхи! накутили они на нашей матушкѣ Святой Руси!—

Путешественники въѣхали на постоялый дворъ. Юрій легъ отдохнуть, а Алексѣй, убравъ лошадей, подсѣлъ къ хозяйкѣ, которая въ одномъ углу избы трудилась за пряжею, и спросилъ ее:—не слышно ли чего нибудь о Полякахъ?—

—И, родимой! наше дѣло крестьянское, отвѣчала хозяйка, поправивъ подъ собою донце,—мы ничего не вѣдаемъ.—

—А что, развѣ Поляки никогда не бывали въ вашемъ селѣ?—

—Какъ не бывать!—

—Ну что, голубушка? чай, они вамъ памятны?—

—Вѣстимо, кормилецъ.—

—Ужъ нечего сказать, знатные ребята! не такъ ли?—

Хозяйка взглянула недовѣрчиво на Алексѣя и не отвѣчала ни слова.

— Куда, чай, съ ними весело хлѣбъ-соль водить! продолжалъ Алексѣй, — не правда ли? —

— Вѣстимо, батюшка, примолвила въ полголоса хозяйка. — Дай Богъ имъ здоровье! люди добрые! —

— Въ самомъ дѣлѣ? —

— Какъ же! такіе привѣтливые. —

— Что ты шутишь что ль? —

— И, родимой! до шутокъ ли намъ! —

— Не уже ли въ самомъ дѣлѣ?... Когожъ ты больше любишь: своихъ, иль Поляковъ?... Ну, чтожъ ты молчишь, лебедка? иль языкъ отнялся?... Ну, сказывай! кого? —

— Кого прикажешь, батюшка. —

— Не о приказѣ рѣчь — я толкомъ тебѣ говорю: кого больше любишь, насъ, иль Поляковъ? —

— Васъ, батюшка, васъ! а вы за кого стоите, господа честные? —

— Чего тутъ спрашивать! за матушку святую Русь. —

— Полно такъ ли, родимой? —

— Видитъ Богъ, такъ! Мы ѣдемъ подъ Москву биться съ ними не на животъ, а на смерть. —

— Ой ли? Помоги вамъ Господь!... Разбойники! въ раззоръ насъ раззорили! Прошлой зимою такъ всю и одежонку-то у насъ обобрали. Чтобъ имъ самимъ ни дна ни покрышки! Передохнуть бы всѣмъ, какъ въ чадной избѣ тараканамъ!... Еретики! душегубцы!... нехристь проклятая! —

— Ба, ба, ба! что ты, молодица? Кого ты это изволишь честишь? —

— Кого?... какъ кого?... вѣстимо кого.... кого ты, родимой, того и я. —

— Да, что переминаешься?... Чего ты боишься? иль не видишь, что мы православные? —

— О, охъ батюшка! не равны православные. Этакъ съ часъ мѣсто, останавливались у насъ двое проѣзжихъ Бояръ и съ ними человѣкъ сорокъ холопей; вотъ и спали меня также, какъ твоя милость, изъ ума выводишь; а

я съ дуру-то и выболтай всё, что на душинькѣ было! и лишь только вымолвила, что мы денно и нощно молимъ Бога, чтобъ вся эта иноземная сволочь убралась во свояси: вдругъ одинъ изъ Бояръ, — мужчина такой ражій, Богъ съ нимъ! — какъ заоретъ въ истошный голосъ! да, ну меня изъ своихъ ручекъ плетью! ужъ онъ каталъ каталъ меня! кабы не молодая Боярыня — дочка чтоль его, не знаю: такъ онъ бы запоролъ меня до смерти. Дай Богъ ей доброе здоровье и жениха по́ сердцу! вступилась за меня горемычную, и какъ Господа стали съѣзжать со двора, потихоньку сунула мнѣ въ руку серебряную копѣечку. То-то добрая душа! изъ себя не такъ чтобъ очень красива — не дородна, взглянуть не на что.... Ахти, я дура! примолвила хозяйка, вскочивъ торопливо со скамьи; — заболталась съ тобой, кормилецъ!... Чай, у меня хлѣбы-то пересидѣли! —

Юрій, который отъ сильнаго вол-

нія души, произведеннаго внезапною перемѣною его положенія, не смыкалъ во всю прошедшую ночь глазъ, чувствовалъ необходимость отдохнуть нѣсколько часовъ сряду; и когда они, отправясь опять въ путь, отъѣхали еще верстъ двадцать пять, то солнце начало уже садиться. Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ дорога, проложенная сквозь мѣлкой кустарникъ, шла по самой закраинѣ глубокаго оврага, поросшаго частымъ лѣсомъ, имъ послышался отдаленный шумъ, въ слѣдъ за которымъ раздался громкой выстрѣлъ. Юрій приостановилъ своего коня.—Что это, Бояринъ? вскричалъ Алексѣй, слышишь? другой.... третій.... четвертый.... Ахти, батюшки! считать не поспѣешь!.... Ой, ой, ой! какая идетъ тамъ жарня! —

— Чтобъ это такое было? сказалъ Юрій, прислушиваясь къ стрѣльбѣ, которая часъ отъ часу становилась сильнѣе.—Мы, кажется, еще не близко отъ Москвы? —

съ Бояриномъ изъ Троицы, къ Князю Пожарскому, биться съ Поляками.—

— Не вѣрь имъ, Бычура! сказалъ одинъ изъ Стрѣльцовъ; — они точно измѣнники.—

— Постойте, ребята! перервалъ Бычура,—чтобъ маху не дать!... Какъ тебя зовутъ, молодецъ?—продолжалъ онъ, обращаясь къ Юрію.

— Юрій Милославской.—

— Сынъ покойнаго Воеводы Нижегородскаго?—

— Да, сынъ его.—

— Коли такъ, сказалъ Бычура, снимая почтительно свою шапку,—то мы просимъ прощенья, Бояринъ, что тебя остановили; и если ты точно Юрій Дмитричь, Милославской, и ѣдешь изъ Троицы, то не изволь ничего бояться.—

— Я ничего и не боюсь, добрые люди! только не задерживайте меня— я тороплюсь къ Москвѣ.—

— Не погнѣвайся! ты слышишь

какая жареха идетъ на большой дорогѣ?... Такъ воля твоя, а изволь пообождать.—

—Но что значитъ эта стрѣльба?—

—Да такъ, Бояринъ; наши молодцы справляются тамъ съ Русскими измѣнниками.—

—А почему вы знаете, что они измѣнники?—

—Какъ не знать! они-было и проводника ужъ нашли, который взялся довести ихъ до войска Пана Хоткѣвича; да не на того напали—онъ изъ нашихъ: повелъ ихъ проселкомъ, водилъ, водилъ, да и вывелъ куда надо. Теперь не отвертятся.—

—Нельзя ли намъ хоть стороной объѣхать?—

—Оно бы можно, сказалъ Бычура, почесывая голову,—да не погнѣвайся, господинъ честной! тебѣ надо прежде заѣхать въ село Кудиново.—

—За чѣмъ?—

—А вотъ, изволишь видѣть: мы

наслышались о батюшкѣ твоемъ отъ нашего Старшины, отца Еремѣя, Священника села Кудинова; такъ онъ лучше нашего узнаетъ, точно ли ты Юрій Дмитричь, Милославской.—

— Какъ! вскричалъ съ досадою Юрій;—вы не вѣрите?...

— Не то, чтобъ не вѣрили Бояринъ; да збруя-то на конѣ твоемъ Польская.—

— Такъ чтожъ?—

— Оно конечно ничего, не велика бѣда, что и сабля-то у тебя Литовская—станется можетъ, она досталась тебѣ съ бою: да все лучше, когда ты повидаешься съ отцемъ Еремѣемъ. Вѣдь иной, какъ попадется къ намъ въ руки, такъ со страстей—не въ обиду твоей чести будь сказано—не только Милославскимъ, а пожалуй, и Княземъ Пожарскимъ назовется.—

Тутъ кто-то подбѣжалъ, запыхавшись, къ толпѣ и закричалъ:—что вы здѣсь стоите, ребята! Ступайте на подмогу!—

— А развѣ васъ тамъ мало?—сказалъ Бычура.

— Да порядкомъ поубавилось. Теперь дѣло пошло въ рукопашную— одного-то Боярина, что поменьше ростомъ, съ первыхъ разовъ повалили; да за то другой такъ нашихъ варомъ и варитъ! а глядя на него и холопи, какъ приняли насъ въ ножи— такъ мы свѣта Божьяго не взвидѣли. Бѣгите проворнѣй, ребята!—

Бычура, приказавъ четверымъ Шишамъ сѣсть на коней и проводить нашихъ путешественниковъ въ село Кудиново, побѣжалъ съ остальными товарищами впередъ. Юрій и Алексѣй должны были по неволѣ слѣдовать за своими провожатыми и, проскакавъ верстъ пять проселочной дорогою, въѣхали въ селеніе, окруженное почти со всѣхъ сторонъ болотами и частымъ березовымъ лѣсомъ. Посреди села, передъ небольшой деревянной церковью, на обширномъ лугу толпился народъ. Провожатые слѣзли съ

лошадей, Юрій и Алексѣй сдѣлали то же и подошли, въ слѣдъ за ними, къ двумъ большимъ липамъ, подъ которыми сидѣлъ на скамьѣ человѣкъ, лѣтъ тридцати, съ курчавой черной бородою и распущенными по плечамъ волосами. Онъ былъ одѣтъ отмѣнно богато для сельскаго Священника: его длинной, ни чѣмъ не подпоясанный, однорядокъ съ петлицами, походилъ на Боярскую ферязь; а желтые сапоги, съ длинными загнутыми къ верху носками, напоминали также щеголеватую обувь знатныхъ особъ тогдашняго времени. Взглянувъ нечаянно на противуположную сторону, Алексѣй съ ужасомъ замѣтилъ, два высокіе столба съ перекладиною, которые, вѣроятно, поставлены были не для украшенія площади, и что то вовсе не походило на качели. Присоединись къ толпѣ, путешественники и ихъ провожатые остановились, ожидая когда дойдетъ до нихъ очередь, явиться предъ лицемъ

грознаго отца Еремѣя, къ которому подходили, одинъ послѣ другаго, отрядные начальники со всѣхъ дорогъ, ведущихъ къ Москвѣ.

— Спасибо, сынокъ! — сказалъ онъ, выслушавъ донесеніе о дѣйствіяхъ отряда по Серпуховной дорогѣ.—Знатно! Десять Поляковъ и шесть Запорожцевъ положено на мѣстѣ, а нашихъ ни одного.—Ай-да молодецъ, Темрюкъ! ты хоть родомъ изъ Татаръ, а стоишь за отечество не хуже кореннаго Русскаго. Ну что, Матерой? говори, что у васъ по Владимірской дорогѣ дѣлается?—

— Да что, отецъ Еремѣй! хоть вовсе не выходить на большую дорогу! вотъ ужъ третій день ни одного Ляха въ глаза не видимъ; измѣнники перевелись, и кого ни остановишь—все православной, да православной. Какъ бы ты дозволилъ потолоннѣе допрашивать проѣзжихъ, такъ авось ли бы и отыскался какой нибудь предатель: а то—разсуди милостиво! кому охо-

та взводить добровольно на себя такую бѣду?—

—Да! какъ бы не такъ! Дай вамъ волю, такъ у васъ, пожалуй, и Козьма Миничъ, Сухорукой измѣнникомъ будетъ. Нѣтъ, ребята! чуръ у меня своихъ не трогать! Ну, что ты скажешь, Звѣревъ?

—По Ярославской дорогѣ все благополучно,—отвѣчалъ рыжеватый дѣтина, съ разбойничьимъ лицемъ.—Сегодня, почитай, никого проѣзжихъ не было.—

—И ты никого не останавливалъ?—

—Никого.—

—Смотри, не лги! Вѣдь скажешь же на исповѣди всю правду! Точно ли ты никого не останавливалъ?—

—Какъ Богъ святъ, никого.—

—Право!... Ей, вы! подойдите-ка сюда!—

Тутъ вышли изъ толпы двое Купцовъ и, поклонясь низко отцу Еремѣю, стали возлѣ него.—Ну! продолжалъ

онъ, взглянувъ грозно на Зверева,— знаешь ли ты этихъ гостей Нижегородскихъ?... Что? прикусилъ язычекъ!—

— Виноватъ, отецъ Еремѣй! сказалъ Звѣревъ, упавъ на колѣни.—Помилуй! Не я же одинъ отъ нихъ поживился!—

— Кто поставленъ отъ меня старшимъ надъ другими, тотъ за всѣхъ одинъ и въ отвѣтѣ! Развѣ я благословлялъ тебя на разбой?... за чѣмъ ты ихъ ограбилъ? а?... На висѣлицу его!—

Глухой ропотъ пробѣжалъ по всей толпѣ. Передніе не смѣли ничего говорить, но задніе зашумѣли и мѣстахъ въ трехъ раздались голоса: »Какъ-ста не на висѣлицу!... Много будетъ!... всѣхъ не перевѣшаешь!...«

— Что, что?... много будетъ?—сказалъ отецъ Еремѣй, приподнимаясь медленно съ своего мѣста.

— Посмотри-ка, Бояринъ! шепнулъ

Алексѣй Юрію.... Господи, Боже мой!... что это?... экой чудо-богатырь!... да передъ нимъ и Омлячъ показался бы малымъ ребенкомъ!—

— Ахъ, вы крамольники! продолжалъ отецъ Еремѣй, халдейцы проклятые (4)! Да знаете ли, что я васъ къ церковному порогу не подпущу! что вы всѣ, какъ псы окаянные, передохнете безъ исповѣди!—

Ропотъ утихъ, но никто не тронулся съ мѣста, чтобъ выполнить приказаніе отца Еремѣя.—

— Чего вы дожидаетесь? закричалъ онъ громовымъ голосомъ,—иль хотите, чтобъ я повѣсилъ его своими руками?... Темрюкъ, Гаврило, Матерой! Возьмите его!... Ну, что жъ вы стали?—примолвилъ онъ, выступя нѣсколько шаговъ впередъ.

Виноватаго схватили и, несмотря на отчаянное сопротивленіе, потащили къ висилицѣ.

— Взмилуйся, батюшка! сказалъ одинъ изъ Купцовъ,—не прикажи его вѣшать; а вели только намъ отдать то, что у насъ отняли! —

— Ваше доброе не пропадетъ, а не въ свое дѣло не мѣшайтесь!—отвѣчалъ хладнокровно отецъ Еремѣй.

— Преложи гнѣвъ на милость, батюшка! Богъ съ нимъ! мы ничего не ищемъ! сказалъ купецъ.—

— Нѣтъ, господа Купцы! кто милуетъ разбойниковъ, того самъ Богъ не помилуетъ; да я ужъ давно замѣтилъ, что онъ не чистъ на руку.... А развѣ—и то только для васъ—дамъ ему время покаяться. Эй! постойте, ребята! отведите его въ мірскую избу. Матерой! приставь къ нему караулъ; да смотри, чтобъ онъ былъ чѣмъ-свѣтъ повѣшенъ, и если кто нибудь хоть пикнетъ, то я завтра велю поставить другую висѣлицу.—Ба, ба, ба! Кондратій!... ты какъ здѣсь?... продолжалъ онъ, замѣтивъ одного изъ провожатыхъ Юрія,

который, поклонясь почтительно, подошелъ къ нему, вмѣстѣ съ своими товарищами, подъ благословеніе.—Ну, что, дѣтушки! какъ вы справились съ этими измѣнниками?—

— Авось, Господь поможетъ! отвѣчалъ Кондратій;—а шибко дерутся собачьи дѣти! достанется и нашимъ на орѣхи!—

— Какъ! вскричалъ отецъ Еремѣй,—такъ у васъ на Троицкой дорогѣ еще дерутся, а вы здѣсь?...

— Не гнѣвайся, батюшка! насъ прислалъ къ тебѣ Бычура, вотъ съ этимъ проѣзжимъ, который показался намъ подозрительнымъ, хоть онъ и называетъ себя Юріемъ Дмитричемъ, Милославскимъ.—

— Милославскимъ? повторилъ Священникъ, подойдя къ Юрію;—сыномъ Дмитрія Юрьевича?... милости просимъ, Бояринъ! Ахъ, ты мой соколъ ясной!... примолвилъ онъ, благословляя Юрія,—какъ ты схожъ съ покой-

нымъ твоимъ родителемъ, какъ двѣ капли воды!... Дай Богъ ему царство небесное! онъ не оставлялъ меня своею милостію. Батюшка твой изволилъ часто охотиться около нашего села, и хоть я былъ тогда простымъ дьячкомъ; но онъ не гнушался моего дома и всегда изволилъ останавливаться у меня. Просимъ покорно, Юрій Дмитричь, ко мнѣ, въ мою избенку! да чѣмъ Богъ послалъ!—

Юрій и Алексѣй взошли, въ слѣдъ за Священникомъ, въ большую и свѣтлую избу, построенную внутри церковнаго погоста.

— Жена! сказалъ отецъ Еремѣй, взойдя въ избу,—накрывай столъ, подай стклянку вишневки, да смотри, поворачивайся! что есть въ печи, все на столъ мечи!... Знаешь ли, кто нашъ гость?—

— Не знаю, батюшка! отвѣчала попадья, съ низкимъ поклономъ.—

— Сынъ Боярина, Милославскаго.—

— Ой ли?... Охъ, ты мой кормилецъ!... подлинно, дорогой гость!... Пожалуй, батюшка! изволь садиться! милости просимъ! А я мигомъ все спроворю.—

— Куда изволишь ѣхать, Бояринъ? спросилъ отецъ Еремѣй.—

— Къ Князу Пожарскому, подъ Москву.—

— Биться съ супостатами? дѣло, Юрій Дмитричь! да и какъ такому молодцу сидѣть поджавши руки, когда вся Русь святая двинулась грудью къ матушкѣ-Москвѣ!... Ну что, Бояринъ— ты ужъ, чай, давно женатъ, и дѣтки есть?

— Нѣтъ, батюшка! отвѣчалъ со вздохомъ Юрій,—я не женатъ и вѣкъ останусь холостымъ.—

— Что такъ?—

— Да видно ужъ мнѣ такъ на роду написано.—

— Не ручайся, Юрій Дмитричь! придетъ часъ воли Божіей!

— Да! перервалъ Милославской;—я надѣюсь, что часъ воли Божіей придетъ скоро; но только не такъ, какъ ты думаешь, отецъ Еремѣй!—

— Что это, Бояринъ? ужъ не о смертномъ ли часѣ ты говоришь? Оно правда, мы всѣ подъ Богомъ ходимъ, и ты ѣдешь не на свадебный пиръ; да Господь милостивъ! и если загадывать впередъ, такъ лучше думать, что не по тебѣ станутъ служить панихиду; а ты самъ отпоешь благодарственный молебенъ въ Успѣнскомъ Соборѣ; и вѣрно, когда по всему Кремлю подъ колокольный звонъ раздастся: «Тебѣ Бога хвалимъ!» ты будешь смотрѣть веселѣе теперешняго.... А! Наливайко! вскричалъ отецъ Еремѣй, увидя входящаго Козака;—ты съ Троицкой дороги? Ну, что?—

— Слава Богу! справились съ злодѣями! отвѣчалъ Козакъ.—Я пріѣхалъ передовымъ.—

— Много побито нашихъ?

— Да! съ пол-сорока, побольше своихъ не дочтемся. Измѣнники дрались не на животъ, а на смерть — всѣ легли до единаго. Правда, было за что и постоять: сундуковъ-то съ добромъ!... серебряной посуды возовъ съ пять, а казны на тройкѣ не увезешь. Наши молодцы нашли въ одной телѣгѣ боченокъ романеи, да такъ-то на радости потянулись, что на-силу на коняхъ сидятъ. Бычура съ пятьюдесятью человѣками ѣдетъ за мной слѣдомъ, а другіе съ повозками поотстали. —

— А гдѣ вашъ старшина? —

— Кто? Федоръ Хомякъ?... не спрашивай о немъ, батюшка!... измѣнникъ! —

— Что ты говоришь? —

— Бычура изъ своихъ рукъ застрѣлилъ этаго предателя. Вотъ какъ было все дѣло: ихъ оставалось всего человѣкъ двадцать не больше; но съ ними былъ ихъ Бояринъ, и нечего

сказать — молодецъ! Стали поперекъ проськи, которая идетъ на право въ лѣсъ, да слышь ты, вотъ такъ на нихъ въ лѣскъ и кладутъ. Мы глядь туда, сюда! гдѣ Федька Хомякъ? не тутъ-то было! чѣмъ бы ему, какъ старинитъ, ни пяди отъ насъ, онъ вздумалъ спасать дочь измѣнника Боярина, и ужъ совсѣмъ было выпроводилъ ее изъ лѣсу, да Богъ попуталъ. Бычура, который былъ позади въ засадѣ, шелъ къ намъ на подмогу; повстрѣчался съ нимъ въ оврагѣ; его, какъ предателя, застрѣлилъ, а Боярышню, вмѣстѣ съ ея сѣнной дѣвушкою, поворотилъ назадъ.—

— Напрасно! пустилъ либь ихъ на всѣ четыре стороны!—На что вамъ онъ?—

— Какъ на что, отецъ Еремѣй! вѣдь она дочь измѣнника.

— Да развѣ мы воюемъ съ бабами?—

— Вѣстимо не съ бабами! да наши молодцы не то говорятъ.... а вотъ тамъ они въѣхали въ село?—

Юрій едва дышалъ въ продолженіи сего разговора; онъ не смѣлъ остановиться на мысли, отъ которой вся кровь застывала въ его жилахъ; но несмотря на то, сердце его невольно сжималось отъ ужаснаго предчувствія. Вдругъ пронесся по улицѣ громкой гулъ; конской топотъ, пѣсни, дикія восклицанія, буйный свистъ огласили окрестность, толпа пьяныхъ всадниковъ, при радостныхъ крикахъ всего селенія, промчалась вихремъ по улицѣ, спѣшилась у церковнаго погоста и окружила домъ Священника. Черезъ минуту Бычура, въ провожаніи человѣкъ двадцати, окровавленныхъ и покрытыхъ пылью товарищей, взошелъ въ избу.

— Поздравляемъ, батька! сказалъ онъ не слишкомъ почтительнымъ голосомъ; — знатная добыча! нечего сказать, поработали мы сего-дня на матушку, святую Русь!—

— Спасибо, дѣтушки! отвѣчалъ

отецъ Еремѣй;—жаль только, что и нашихъ легко довольно!—

—За то ужъ и мы натѣшили свои душеньки, и завтра можемъ позабавиться. Мы захватили дочь одного изъ измѣнниковъ, Бояръ; такъ какъ прикажешь—сего-дня чтоль ее на висѣлицу, иль завтра?... да вотъ она на лицо!—

Два мужика внесли закутанную съ ногъ до головы въ богатую фату дѣвицу; за нею шла, заливаясь слезами, молодая сѣнная дѣвушка.

—Несчастная! она умерла отъ страха!—сказалъ Юрій.

—Нѣтъ! отвѣчалъ Бычура,—она только въ забытьи; дорогою ее разъ пять схватывало. Пройдетъ!

—Варвары! злодѣи! кровопійцы! кричала всхлипывая сѣнная дѣвушка; —добьюсь ли я отъ васъ хоть каплю воды?—

—На, голубушка! сказала попадья, подавая ковшъ воды, —спрысни ее!...

—Бѣдная Боярышня! примолвила она жалобнымъ голосомъ;—не ужъ ли то вы надъ нею не взмилуетесь?—

—Молчи, жена! шепнулъ Священникъ;—утро вечера мудренѣе.... Хорошо, ребята! пусть она здѣсь переночуетъ, а завтра увидимъ.—

Невольно повинуясь какому-то непреодолимому влеченію, Юрій подошелъ къ скамьѣ, на которой лежала несчастная дѣвица, въ ту самую минуту, какъ горничная, стараясь привести ее въ чувство, распахнула фату, въ коей она была закутана. Милославской бросилъ быстрый взглядъ на блѣдное лице несчастной.... обмеръ, зашатался, хотѣлъ что-то вымолвить; но вмѣсто словъ, невнятный, раздирающій сердце вопль, вырвался изъ груди его.

Незнакомая дѣвица открыла глаза, и посмотрѣвъ вокругъ себя, устремила неподвижный и спокойный взоръ на Юрія.

— Ну, вотъ! Вѣдь я говорилъ, что очнется, сказалъ хладнокровно Бычура.—

— Анастасья!... вскричалъ наконецъ Милославской.—

— Опять онъ!... шепнула Анастасья, закрывъ рукою глаза свои.—Ахъ! я все еще сплю!—

— О, еслибъ это былъ сонъ!... Анастасья!...

— Боже мой! Боже мой!... такъ!... я не сплю!... это онъ!... Но за чѣмъ мы здѣсь?... вмѣстѣ съ этими палачами?... Ахъ! я сей часъ была въ Москвѣ.... ты былъ одинъ со мною.... а теперь!...

— Ва, ба, ба!... такъ ты ее знаешь, Бояринъ!—спросилъ Бычура.

— Да, добрые люди! подхватилъ Юрій.—Вы ошибаетесь, она не дочь Шалонскаго.—

— Какъ, такъ?—

— И я также думаю, ребята! ска-

залъ Священникъ.—Я видалъ Боярина Шалонскаго, она вовсе на него не походитъ!—

—Кой прахъ! возразилъ одинъ изъ Шишей,—чтожъ онъ, какъ я разрубилъ ему голову, промолвилъ, умирая, своимъ холопямъ: »спасайте дочь мою!«—

—Какъ! вскричала Анастасья,—умирая?... Кто умеръ?—

—Бояринъ, Кручина-Шалонской.—

—Родитель мой?...

—Слышишь ли, батька! что она говоритъ? сказалъ Бычура;—чтожъ это, Бояринъ! никакъ ты вздумалъ насъ морочить?—

—Но развѣ вы не видите. . . . Она не знаетъ сама, что говоритъ.... она безъ памяти.—

—Нѣтъ! сказала твердымъ голосомъ Анастасья;—я не отрекусь отъ отца моего. Да, злодѣи! я дочь Боярина Шалонскаго, и если для васъ мало, что вы, какъ разбойники, погубили моего родителя: то умерщвк-

те и меня.... что мнѣ радости на бѣломъ свѣтѣ, когда я вижу среди убійцъ отца моего!... Ахъ! умертвите меня!—

— Анастасья!... вскричалъ Юрій;—не уже ли ты можешь думать...?

— Нѣтъ, Боярышня! сказалъ Священникъ,—хоть и жаль, а надобно сказать правду—онъ не помогалъ нашимъ молодцамъ. Да что объ этомъ толковать!... до завтра, ребята! съ Богомъ! вамъ, чай, пора отдохнуть.... Ну, чтожъ вы переминаетесь?... ступайте!

— Да вотъ, батька! сказалъ Бычура, почесывая голову,—товарищи говорятъ, что сего-дня за одинъ бы ужъ пріемъ—повѣсить ее, такъ и дѣло въ шляпѣ!—

— Ахъ, вы богоотступники! вскричала сѣнная дѣвушка,—что вы затѣваете? Иль вы думаете, что теперь ужъ некому вступиться за Боярышню? такъ знайте же, разбойники! что

она помолвлена за Гетмана Гонсѣвскаго, и если вы ее хоть волосомъ троните, такъ онъ васъ всѣхъ живыхъ въ землю закопаетъ.—

— Какъ?... она невѣста Пана Гонсѣвскаго! сказалъ Бычура.—

— Что вы слушаете эту дуру!— перервалъ Священникъ.

— Да, да! невѣста Пана Гонсѣвскаго, продолжала кричать горнишная,— и Боже васъ сохрани....

— Невѣста Гонсѣвскаго! повторила съ яростнымъ крикомъ вся толпа.— На висѣлицу ее! тащите, ребята!... На висѣлицу!—

— Остановитесь! сказалъ отецъ Еремѣй, заслонивъ собою Анастасью—я приказываю вамъ.... Но неистовые крики заглушили слова Священника. Быстрѣе молніи роковая вѣсть облетѣла все селеніе, въ одну минуту изба наполнилась вооруженными людьми, весь церковный погостъ покрылся народомъ и тысяча голосовъ, отъ-

ная проклятіями Гонсѣвскаго, повторила:—на висѣлицу невѣсту еретика!—

— Да, выслушайте меня, дѣтушки! сказалъ Священникъ, успѣвъ наконецъ возстановить тишину вокругъ себя;— развѣ я стою за нее? я только говорю, чтобъ вы подождали до завтра.—

— Нѣтъ, батька! возразилъ Бычура,— выдавай намъ ее сей часъ, а то будетъ поздно; вишь она опять обмерла—гдѣ ей дожить до завтра!..

— Ребята! вскричалъ—Юрій, не берите на душу этаго грѣха! она невинна; отецъ насильно выдавалъ ее за мужъ.—

— Все равно! подхватилъ одинъ пьяной мужикъ, съ всклокоченной бородою и сверкающими глазами.—Этотъ жидъ, Гонсѣвской посадилъ на колъ моего брата.... На висѣлицу ее!—

— Онъ отрубилъ голову отцу моему!—вскричалъ другой.

— Разстрѣлялъ безъ суда четырыхъ

нашихъ шповарищей,—примолвилъ третій.

— Тащите ее!—заревѣла вся толпа.

— Друзья мои! продолжалъ Юрій, ломая въ отчаяніи свои руки,—ради Бога!... если вы хотите кого нибудь казнить, такъ умертвите меня.—

— Что ты, Бояринъ! развѣ мы разбойники? сказалъ Бычура;—ты православный и стоишь за нашихъ, а она дочь предателя, еретичка и невѣста злодѣя нашего, Гонсѣвскаго.—

— Такъ попытайтесь же взять ее!—вскричалъ Юрій, вынимая свою саблю.

— Безумный! сказалъ Священникъ, схвативъ его за руку,—иль ты о двухъ головахъ!... Слушайте, ребята! продолжалъ онъ,—я присудилъ повѣсить за разбой Сеньку Звѣрева; вамъ всѣмъ его жаль—ну, такъ и быть! не троньте эту дѣвчонку, которая и такъ чуть жива, и я прощу вашего товарища.—

— Нѣтъ, батька! сказалъ Бычура.— Если Зверевъ виноватъ, то мы не стоимъ за него—дѣлай съ нимъ, что тебѣ угодно, а намъ давай невѣсту Пана Гонсѣвскаго.—

— Да, да! вскричала вся толпа,—мы изъ твоей воли не выступаемъ, Еремѣй Афонасьевичъ! казни кого хочешь, а еретичку намъ выдавай!—

Юрій съ ужасомъ замѣтилъ, что твердость Священника поколебалась; въ его смущенныхъ взорахъ ясно изображались нерѣшимость и боязнь. Онъ видѣлъ, что распаленная виномъ и мщеніемъ буйная толпа начинала уже забывать все повиновеніе, и одинъ грозный видъ и всѣмъ извѣстная исполинская его сила, удерживала въ нѣкоторыхъ границахъ главныхъ зачинщиковъ, которые, понукая другъ друга, не рѣшались еще употребить насилія; но этотъ страхъ не могъ продолжаться. Снаружи крикъ бѣшенаго народа умножался ежеминутно, и нѣсколько уже разъ имя

Священника произносилось съ ругательствомъ и угрозами. Взоры его становились часъ отъ часу мрачнѣе, онъ поглядывалъ съ сострадапіемъ, то на Юрія, то на безчувственную Анастасью; но вдругъ лице его прояснилось, онъ схватилъ за руку Милославскаго и сказалъ въ полголоса: — готовъ ли ты пуститься на все, чтобъ спасти эту несчастную? —

— На все, отецъ Еремѣй! —

— Если такъ — она спасена! — Ну, дѣтушки! продолжалъ онъ, обращаясь къ толпѣ, видно васъ не переспоришь — быть по вашему! только не забудьте, ребята, что она такая же крещенная, какъ и мы: такъ намъ грѣшно будетъ погубить ея душу. Возьмите ее бережненько, да отнесите за мною въ церковь, тамъ она скорѣй очнется; дайте мнѣ только время исповѣдать ее и приготовить къ смерти, а тамъ дѣлайте, что хотите! —

— Ну вотъ, что дѣло, то дѣло,

батька! сказалъ Бычура,—въ этомъ съ тобою никто спорить не станетъ. Ну-ка, ребята! пособите мнѣ отнести ее въ церковь!... Да выходите же вонъ изъ избы!... экъ они набились! не продерешься.... Ступай-ка, отецъ Еремѣй, передомъ! ты скорѣй ихъ поразодвинешь!—

Минуты черезъ двѣ въ избѣ не осталось никого, кромѣ Юрія, Алексѣя и сѣнной дѣвушки, которая, заливаясь горькими слезами и вычитая всѣ добродѣтели своей барышни, вопила голосомъ. Милославской, не смотря на обѣщаніе отца Еремѣя, былъ также въ ужасномъ положеніи: онъ ходилъ въ задъ и въ передъ по избѣ, какъ человѣкъ, лишенный разсудка; поперемѣнно то хватался за свою саблю, то, закрывъ руками глаза, бросался въ совершенномъ отчаяніи на скамью и плакалъ, какъ ребенокъ. Алексѣй не смѣлъ утѣшать его и, наблюдая глубокое молчаніе, стоялъ неподвижно на одномъ мѣстѣ.

Не прошло пяти минутъ, какъ вдругъ двери въ половину отворились, и не большаго роста старичекъ — въ которомъ, по заглаженнымъ назадъ волосамъ и длинной косѣ, не трудно было узнать приходскаго дьячка, — махнулъ рукою Милославскому, и когда Алексѣй хотѣлъ идти за своимъ господиномъ, то шепнулъ ему, чтобъ онъ остался въ избѣ. Юрій вышелъ съ своимъ проводникомъ на церковный погостъ и, пробираясь осторожно вдоль забора, подошелъ къ паперти. Входя на лѣстницу, онъ оглянулся назадъ: вокругъ всей ограды, подлѣ пылающихъ костровъ, сидѣли кучами вооруженные люди; ихъ неистовыя восклицанія, буйные разговоры, зверской хохотъ, съ коимъ они указывали по временамъ на висѣлицу, вокругъ которой разведены были также огни и толпился народъ — все сіе вмѣстѣ составляло картину столь отвратительную, что Юрій невольно содрогнулся и поспѣшилъ, въ

слѣдъ за дьячкомъ, взойдии во внутренность церкви. Передъ иконостасомъ теплилась одна лампада, а въ трапезѣ, подлѣ налоя, во всемъ облаченіи стоялъ отецъ Еремѣй и трепещущая Анастасья.—

—Скорѣй, Юрій Дмитричь! скорѣй! сказалъ Священникъ, идя къ нему на встрѣчу,—становись подлѣ твоей невѣсты!—

—Моей невѣсты!—повторилъ съ ужасомъ Юрій.

—Да! это одинъ способъ спасти ее. Слышишь ли, какъ бѣснуются эти буйныя головы? малѣйшее промедленіе будетъ стоить ей жизни. Еще разъ спрашиваю тебя: хочешь ли спасти ее?—

—Хочу! сказалъ рѣшительно Юрій, и отецъ Еремѣй, снявъ съ руки Анастасьи два золотыхъ перстня, началъ обрядъ вѣнчанья. Юрій отвѣчалъ твердымъ голосомъ на вопросы Священника, но смертная блѣдность по-

крывала лице его; крупныя слезы сверкали сквозь длинныхъ рѣсницъ потупленныхъ глазъ Анастасьи, голосъ дрожалъ, но живой румянецъ пылалъ на щекахъ ея, и горячая рука трепетала въ ледяной, и какъ мраморъ безчувственной, рукѣ Милославскаго.

Межъ тѣмъ нетерпѣніе палачей несчастной Анастасіи дошло до высочайшей степени.—Чтожъ это батька, издѣвается что ль надъ нами? вскричалъ наконецъ Бычура.—Гдѣ видано держать два часа на исповѣди? Какъ бы насъ, такъ онъ успѣлъ бы уже давно десятка два отправить. Послушайте, ребята! взойдемъ-те въ церковь! при людяхъ исповѣдывать нельзя, такъ ему придется не хотя кончить.—

— А что ты думаешь?... И вправъ!... въ церковь, такъ въ церковь!... пойдемъ-те, ребята!—закричали товарищи Бычуры, и въ слѣдъ за нимъ хлынули всей толпой на паперть.

— Вотъ-те разъ! сказалъ Бычура, остановясь въ недоумѣніи,—вѣдь двери-то заперты.—

— Такъ чтожъ? ну-ка, товарищи! понапремъ! вскричалъ Машерой,—авось съ петлей соскочутъ!—

Вдругъ двери церковныя съ шумомъ отворились и отецъ Еремѣй, въ полномъ облаченіи, устремивъ сверкающій взглядъ на буйную толпу, предсталъ предъ нея, какъ грозный Ангелъ Господень.

— Богоотступники! воскликнулъ онъ громовымъ голосомъ;—какъ дерзнули вы силою врываться въ храмъ Господа нашего?... Чего хотите вы отъ служителя олтарей, нечестивые святотатцы?—

— Отецъ Еремѣй! отвѣчалъ Бычура робкимъ голосомъ, посматривая на присмирѣвшихъ своихъ товарищей,—вѣдь ты самъ обѣщалъ выдать намъ невѣсту Гонсѣвскаго?—

— И сдержалъ бы мое обѣщаніе,

еслибъ могъ выдать вамъ невѣсту нашего злодѣя.—

— А почемужъ ты не можешь?—

— Ее здѣсь нѣтъ!—

— Какъ нѣтъ? . . . ребята! чтожъ это?...

— Да! здѣсь нѣтъ никого, кромѣ Юрія Дмитрича, Милославскаго и законной его супруги, Боярыни Милославской. Вотъ они! прибавилъ Священникъ, показывая на новобрачныхъ, которые въ вѣнцахъ и держа другъ друга за руку, вышли на паперть и стали возлѣ своего защитника.

— Православные! продолжалъ отецъ Еремѣй, не давая образумиться удивленной толпѣ,—вы видите, они обвѣнчаны; а кого Господь сочеталъ на небеси, тѣхъ на землѣ человѣкъ разлучить не можетъ!—

— Да! вскричалъ Юрій, ничто не разлучитъ меня съ моей супругою; и если вы жаждете упиться ея невинной кровью, то умертвите и меня вмѣстѣ съ нею!—

— Слышите ль, православные! Вы не можете погубить жены, не умертвя вмѣстѣ съ нею ея мужа, — а я посмотрю, кто изъ васъ осмѣлится поднять руку на друга моего, сподвижника Свѣтлѣйшаго Князя, Пожарскаго, и сына знаменитаго Боярина, Димитрія Юрьевича, Милославскаго!—

Глубокое молчаніе распространилось по всей толпѣ, которая безпрестанно увеличивалась отъ прибѣгающаго со всѣхъ сторонъ народа.—Какъ вы думаете, товарищи...? промолвилъ наконецъ Бычура.—

— Не знаемъ-ста; какъ ты?... отвѣчалъ Наливайко.—

— Вишь батька-то стоитъ за нихъ грудью! прибавилъ Матерой.—

На всѣхъ лицахъ замѣтно было какое-то сомнѣніе и недовѣрчивость. Всѣ молча поглядывали другъ на друга, и въ сію рѣшительную минуту одно удачное слово могло усмирить всѣ умы точно также, какъ одно

буйное восклицаніе—превратить снова весь народъ въ безжалостныхъ палачей. Уже нѣсколько пьяныхъ мужиковъ, съ звѣрскими рожами, готовы были подать первый знакъ къ убійству; но отецъ Еремѣй предупредилъ ихъ намѣреніе.—Ну чтожъ вы задумались, православные! воскликнулъ онъ, принимая изъ рукъ дьячка кружку съ виномъ,—за мной, дѣтушки!... Да здравствуютъ новобрачные!—

Два или три голоса повторили поздравленіе, но вся толпа молчала.

—А чтобъ было чѣмъ выпить за ихъ здоровье, продолжалъ отецъ Еремѣй,—Бояринъ жалуетъ вамъ бочку вина, ребята.—

—Да здравствуютъ новобрачные! закричали сотни голосовъ.—

—А я, прибавилъ Священникъ,—на радости прощаю Звѣрева и выдаю изъ собственной моей казны по пяти алтынъ на человѣка.—

—Ура! заревѣлъ весь народъ.—Многія

льна Боярынѣ Милославской!... Да-здравствуютъ молодые!—

—Спасибо, ребята! сей часъ велю вамъ выпаmить бочку вина, а завтра приходите за деньгами. Пойдемъ, Бояринъ! примолвилъ отецъ Еремѣй въ полголоса;—пока они будутъ пить и веселиться, намъ зевать не должно.... Я велѣлъ осѣдлать коней вашихъ и приготовить лошадей для твоей супруги и ея служительницы. Васъ провожать будетъ Темрюкъ, онъ парень добрый, и вѣрно теперь во всемъ селѣ одинъ одинехонекъ не пьянъ; хоть онъ и крестился въ нашу вѣру, а все еще придерживается своего бесурманскаго обычая:—вина не пьетъ.—

Когда они взошли въ избу и сѣнная дѣвушка узнала, что ея госпожа не должна уже ничего опасаться; то совсѣмъ-бы обезумила отъ радости, еслибъ ей не объявили, что Боярыня ея вышла за мужъ за Милослав-

скаго. Это извѣстіе тотчасъ расхолодило ея восторгъ.—Какъ? вскричала она,—Анастасья Тимоѳѣевна обвѣнчалась?... Ну, хороша свадебка!... безъ помолвки, безъ дѣвичника!... Ахъ, Боже мой!... Что еслибъ Власьевна это узнала!... Ахъ, ты моя родимая! сиротка ты безталанная! некому было тебя, горемычную, и повеличать передъ свадьбою!..

—И, голубушка! сказалъ Священникъ,—до величанья ли имъ было! ты чай слышала, какія ей на площади попѣвали свадебныя пѣсенки? Ну, Бояринъ! продолжалъ онъ, обращаясь къ Юрію, кудажъ ты теперь поѣдешь съ своей супругою?... Чай, въ станѣ у Князя Пожарскаго жить Боярынямъ не пристало.... не худо, еслибъ ты отвезъ на время свою супругу въ Хотьковской монастырь: онъ близехонько отсюда и, вѣрно, Игуменья не откажется дать пріютъ Боярынѣ, Милославской.—

— Она родная моя тетка,— сказала Анастасья.—

— Такъ и думать нечего! въ добрый часъ, Бояринъ! у меня на душѣ будетъ легче, какъ вы уѣдете. . . . Не то, чтобъ я боялся.... однакожъ все лучше.... лукавой силёнъ.... Поѣзжайте съ Богомъ!—

— Отецъ Еремѣй! сказалъ Юрій,— чѣмъ могу я возблагодарить тебя....

— Не за что, Юрій Дмитричь! я взысканъ былъ милостію твоего покойнаго родителя и, служа его сыну, только что выплачиваю старой долгъ. Но вотъ, кажется, и Темрюкъ готовъ! Онъ проведетъ васъ задами: хоть васъ никто не посмѣетъ остановить, однакожъ лучше не ѣхать мимо церкви. Дай вамъ, Господи, совѣтъ и любовь, во всемъ благое поспѣшеніе, несчетные годы и всякаго счастія! Прощайте!—

Молодые и служители ихъ, проѣхавъ задними воротами на огороды,

въ провожаніи Темрюка, добрались потихоньку до околицы и выѣхали изъ села Кудинова.

ГЛАВА VII.

Въ тотъ самый день,—въ который, по необычайному стеченію обстоятельствъ, Милославской нарушилъ обѣтъ, данный имъ наканунѣ, посвятить остатокъ дней своихъ безбрачной жизни,—часу въ десятомъ ночи, какой-то бѣдной прохожей, въ изорванномъ сѣромъ кафтанѣ, шелъ скорыми шагами вдоль большой Московской дороги, проложенной въ семъ мѣстѣ по скату глубокаго оврага, поросшаго густымъ лѣсомъ. Миновавъ длинный и узкой мостъ, перекинутый чрезъ топкую пойму, прохожей вышелъ на небольшую поляну, пересѣкаемую поперечной дорогою. Ночь была лунная, и несмот-

ря на густую тѣнь отъ деревьевъ, можно было безъ труда различать всѣ предметы. Прохожей, достигнувъ перекрестка, остановился, вздрогнулъ и съ ужасомъ отступилъ назадъ: освященная полнымъ мѣсяцомъ, вся правая сторона поляны была покрыта кучами мертвыхъ тѣлъ. Пораженный симъ неожиданнымъ зрѣлищемъ, прохожей стоялъ уже нѣсколько минутъ неподвижно на одномъ мѣстѣ, какъ вдругъ слабый, едва слышный стонъ долетѣлъ до его слуха, и въ то же время ему показалось, что среди большой груды тѣлъ, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ поперечная дорога выходила на поляну, кто-то приподнялъ съ усиліемъ голову и, вздохнувъ тяжело, опустилъ ее опять на землю. Подойдя поближе, прохожей увидѣлъ, что сей несчастный, покрытый глубокими язвами, одинъ изъ всѣхъ сохранилъ еще признаки жизни. Въ то время, какъ человѣколюбивый незна-

комецъ, желая, по видимому, подать какую нибудь помощь раненому, заботливо надъ нимъ наклонился, онъ снова сдѣлалъ движеніе и повернулся лицемъ къ сторонѣ, освященной луною.—Правосудный Боже! вскричалъ прохожей, отступивъ назадъ и сложа крестообразно свои руки,—это онъ! это тотъ надмѣнный и сильный Бояринъ!... И такъ исполнилась мѣра долготерпѣнія Твоего, Господи!... но онъ дышетъ.... онъ живъ еще.... Ахъ, еслибъ этотъ несчастный успѣлъ примириться съ тобою! Но какъ привести его въ чувства?... прибавилъ прохожій, посмотрѣвъ вокругъ себя;—изба мельника не далеко отсюда.... попытаюсь!... Онъ приподнялъ раненаго, въ которомъ читатели, вѣроятно, узнали уже Боярина, Кручину-Шалонскаго, положилъ его на плеча, и сгибаясь подъ сей ношею, понесъ вдоль поперечной дороги, въ концѣ которой мелькалъ сквозь

чащу деревьевъ едва замѣтный тусклый огонекъ.

Почти въ то же самое время Милославской и его супруга выѣхали изъ села Кудинова — впереди ѣхалъ провожатый ихъ, Татаринъ Темрюкъ, а позади Алексѣй и сѣнная дѣвушка. Во все время, пока до ихъ слуха долетали еще громкіе крики и веселыя пѣсни, Анастасья наблюдала глубокое молчаніе и, вздрагивая при каждомъ новомъ радостномъ восклицаніи, которыя доносилъ до нихъ отголосокъ, съ трепетомъ прижималась къ Милославскому. Но когда́ вокругъ ихъ все утихло, и мало по малу стало потухать блѣдное зарево отъ пылающихъ костровъ, вокругъ коихъ пировала буйная толпа ея палачей, она, казалось, стала дышать свободнѣе и наконецъ сказала робкимъ, исполненнымъ прелести, голосомъ:—ты молчишь, Юрій Дмитричь!... промолви хотя словечко.... Ахъ! одно твое слово ласковое, одинъ

твой привѣтъ могутъ уменьшить скорбь несчастной сироты.—

— Анастасья! отвѣчалъ тихимъ голосомъ Юрій;—я самъ сирота, и мнѣ ли горькому, безталанному утѣшать тебя въ несчастіи, когда для самаго меня нѣтъ утѣшенья на бѣломъ свѣтѣ...? Ахъ! не на радость соединилъ тебя Господь со мною!—

— Не на радость!.... нѣтъ, Юрій Дмитричь! я не хочу гнѣвить Бога: съ тобой и горе мнѣ будетъ радостью. Ты не знаешь и не узналъ бы никогда, еслибъ не былъ моимъ супругомъ, что я давнымъ давно люблю тебя. Во снѣ и наяву, никогда и ни гдѣ я не разставалась съ тобою.... ты былъ всегда моимъ суженымъ. Когда злодѣйка-кручина томила мое сердце, я вспоминала о тебѣ и твой образъ, какъ Ангелъ-утѣшитель, проливалъ отраду въ мою душу. Теперь ты мой, и если ты также меня любишь....

— Люблю ли я тебя!... вскричалъ Милославской.—Тебя!... Ахъ, Анастасья!

помнишь ли, въ Москвѣ, у Спаса на Бору?... я не зналъ, кто ты, — я въ первый разъ тебя увидѣлъ, но сердце мое забилось отъ радости.... Мнѣ казалось, что я встрѣтился съ тобою послѣ долгой разлуки, что я давно тебя знаю.... что я не могъ не знать тебя!... Несчастный! я забылъ все.... забылъ, что стою въ храмѣ Божіемъ.... Недоконченная молитва замерла на устахъ моихъ.... Нѣтъ! я согрѣшилъ еще болѣе.... въ безуміи моемъ я молился—не на лики святыхъ угодниковъ.... Анастасья!... я видѣлъ одну тебя! Такъ! я прогнѣвалъ Господа и долженъ сносить безъ ропота горькую мою участь; но ты молилась, Анастасья! въ глазахъ твоихъ, устремленныхъ на святыя иконы, сіяла благодать Божія.... я видѣлъ ясно—никакіе земные помыслы не омрачали души твоей.... тебя не тяготитъ ужасный грѣхъ поруганной святыни.... за чтожъ Господь наказалъ насъ обоихъ!—

— Не грѣши, Юрій Дмитричь! къ чему сей безразсудный ропотъ? Всевышній посѣтилъ насъ скорбію—мы оба сироты; но развѣ онъ до конца насъ покинулъ? И должны ли мы искушать Его милосердіе въ ту самую минуту, когда онъ, сжалясь надъ нами, соединилъ насъ на вѣки?—

— На вѣки!... повторилъ въ полголоса Юрій.—Ахъ, Анастасья!...

— Да, мой милой, мой сердечной другъ! одна смерть можетъ разлучить насъ.... Дай мнѣ свою руку, радость дней моихъ, ненаглядной мой!.. Не правда ли?... Ты никогда не покинешь твоей Анастасьи?... никогда?... Чувствуешь ли ты, продолжала она голосомъ, исполненнымъ неизъяснимой нѣжности, прижимая руку Юрія къ груди своей,—чувствуешь ли, какъ бьется мое сердце?.. оно живетъ тобою, и если когда нибудь ты перестанешь любить меня....

— Никогда! никогда! прошепталъ

Юрій, покрывая пламенными поцѣлуями ея трепещущую руку.

— Безцѣнной мой!... избавитель мой!... О, какъ снова мнѣ жизнь становится мила!... Она твой даръ, мой возлюбленный! она вся принадлежитъ тебѣ.... Ахъ! повтори еще разъ, что ты меня любишь!...

— Болѣе всего на свѣтѣ!—вскричалъ Милославской, забывъ на минуту весь ужасъ своего положенія.

— И ты можешь роптать на промыслъ Божій?... и я смѣю называть себя сиротою?... когда ты, супругъ мой. . .

Какъ пробужденный отъ глубокаго сна, Юрій вздрогнулъ.—Твой супругъ.... повторилъ онъ, отдернувъ съ ужасомъ свою руку.

— Что съ тобою, мой милой другъ?— спросила робкимъ голосомъ Анастасья.

Юрій не отвѣчалъ ни слова.

— Ты молчишь...? продолжала она.

Ахъ, говори, Юрій Дмитричь! скажи, чѣмъ могла я прогнѣвить тебя? —

— Анастасья! — отвѣчалъ наконецъ Милославской, — я не ропщу... я покоряюсь волѣ Всевышняго; но мы несчастливы, мой другъ! очень несчастливы! —

— Нѣтъ! пока ты называешь меня своей супругою... пока я принадлежу тебѣ....

— Но знаешь ли ты, сирота злополучная?... Такъ! къ чему откладывать?... для чего томить тебя медленной смертью? Анастасья! — я не супругъ твой! —

— Ты не супругъ мой?... но не ты ли сей часъ обошелъ со мною налой церковной?... Не съ тобою ли я помѣнялась этимъ перстнемъ?...

— Чтобъ спасти тебя, я долженъ былъ это сдѣлать, — но я не могу быть ни чьимъ супругомъ. —

— Не можешь? —

— Да, Анастасья! Вчера, надъ гро-

бомъ Преподобнаго Сергія, я клялся оставить свѣтъ и произнесъ обѣтъ, по окончаніи брани, возложить на себя одежду инока. —

— Милосердый Боже!... такъ для чегожъ, жестокой, ты не далъ мнѣ умереть?...

— Выслушай меня, Анастасья! и не осуждай меня! —

Юрій сталъ разсказывать, какъ онъ любилъ ее, не зная, кто она; какъ нечаянный случай открылъ ему, что его незнакомка—дочь Боярина Кручины; какъ онъ, потерявъ всю надежду быть ея супругомъ и связанный присягою, которая препятствовала ему возстать противу враговъ отечества, рѣшился отказаться отъ свѣта; какъ произнесъ обѣтъ иночества и, повинуясь волѣ своего наставника, Авраамія Палицына, отправился изъ Троицкой Лавры сражаться, подъ стѣнами Москвы, за вѣру православную; наконецъ — какимъ образомъ онъ попалъ въ село Кудиново и

для чего долженъ былъ назвать ее своей супругою. Анастасья съ необыкновенной твердостью выслушала весь разсказъ его; но когда онъ кончилъ, она завернулась въ свою фату, зарыдала и горкія слезы рѣкой полились изъ глазъ ея. Юрій молча продолжалъ ѣхать подлѣ нея; нѣсколько разъ онъ хотѣлъ возобновить разговоръ, но слова замирали на языкѣ его — и что могъ бы онъ сказать въ утѣшеніе несчастной, горькой сиротѣ?

Въ дали мелькнулъ огонекъ; Темрюкъ остановилъ свою лошадь и, обращаясь къ Юрію, сказалъ: — видишь, Бояринъ?... вонъ тамъ, за этими деревьями — это Хотьковъ монастырь; чай, теперь вы и безъ проводника доѣдете — дорога прямая; а мнѣ пора и отдохнуть, вотъ ужъ другія сутки, какъ я глазъ не сводилъ. —

Юрій отпустилъ своего провожатаго, и черезъ четверть часа наши путешественники доѣхали до мона-

стырскихъ воротъ. Не скоро достучались они привратника; наконецъ калитка отворилась и монастырской слуга, протирая заспанные глаза, спросилъ сердитымъ голосомъ: «кто шумитъ?... что за полуночники такіе?...« но узнавъ Анастасью, вскрикнулъ онъ радости и побѣжалъ доложить о ней Игуменьѣ. Путешественники сошли съ лошадей, Анастасья молчала, Юрій также; но когда черезъ нѣсколько минутъ ворота отворились и надобно было разставаться,— вся твердость ихъ изчезла. Анастасья, рыдая, упала на грудь Милославскаго: «прости, мой избавитель!« говорила она, всхлипывая—»прости навсегда! —

— Навсегда!... Нѣтъ, Анастасья! — вскричалъ Юрій, заключивъ ее въ свои объятія;—когда мы оба проснемся отъ тяжкаго земнаго сна, для жизни безконечной, тогда мы увидимся опять съ тобою — и тамъ, гдѣ нѣтъ ни плача, ни воздыханій, тамъ,

о, милый другъ! я снова назову тебя своей супругою! —

Анастасья вырвалась изъ его объятій. Тяжелыя ворота заскрыпѣли, застучалъ желѣзной запоръ, привратникъ захлопнулъ калитку, и Юрій, вскочивъ на коня, помчался вихремъ отъ стѣнъ обители, въ которой, какъ въ безмолвной могилѣ, онъ похоронилъ навсегда все земное свое счастье.

Оставимъ на нѣсколько времени Юрія, который спѣшилъ, въ крови враговъ, или въ своей собственной, утопить мучительную тоску свою, и перенесемся въ хижину, гдѣ осыпанный проклятіями, заклейменный позорнымъ именемъ предателя, нѣкогда сильный и знаменитый Бояринъ, но теперь покинутый цѣлымъ міромъ, безприютный страдалецъ, боролся со смертію. До половины вросшая въ землю, освѣщенная однимъ восковымъ огаркомъ, который теплился передъ иконами, лачужка полѣ-

совищика была въ сію минуту послѣднимъ земнымъ жилищемъ богатаго Боярина Кручины, привыкшаго жить съ царскою пышностію. Нѣсколько споповъ соломы, брошенныхъ на скамью, замѣняли роскошное пуховое ложе; а вмѣсто толпы покорныхъ рабовъ, одинъ бѣдный, покрытый изорваннымъ рубищемъ, нищій сидѣлъ у его изголовья. Испустя тяжелый вздохъ, умирающій очнулся отъ своего безпамятства и открылъ глаза; нѣсколько минутъ его тусклые, безжизненные взоры оставались неподвижными; наконецъ мало по малу онъ сталъ различать окружавшіе его предметы. Съ большимъ усиліемъ онъ поднялъ руку и молча, поднесъ ее къ запекшимся кровію устамъ своимъ. Нищій подалъ ему ковшъ съ водою и Бояринъ, утоливъ свою жажду, промолвилъ невнятнымъ голосомъ:—гдѣ я? —

—Въ избѣ, у добраго человѣка! — отвѣчалъ нищій.

— Кто говоритъ со мною? —

— Это я, Федорычь! Мишя. —

— Гдѣ мои слуги? —

— Твои слуги? Бѣдняжки!... Ты всѣхъ ихъ отпустилъ на волю, Федорычь! —

— Гдѣ дочь моя? —

— Какъ?... такъ и она, сердечная, была съ тобою?... Голубушка моя!... Ну, Федорычь! пришло горе—растворяй ворота! —

— Ахъ! я начинаю вспоминать.... убійцы!... кровь!... Такъ! они умертвили ее!... злодѣи! А я живъ еще!... за чѣмъ.... для чего? —

— Какъ за чѣмъ, Федорычь?... подумай-ка хорошенько! Вѣдь благочестивую дочь твою въ расплохъ не застанутъ—она всегда, какъ чистая голубица, готова была принять жениха своего. А чтобъ ты сталъ дѣлать, горемышный, если бы Господь не умилосердился надъ тобою и не далъ тебѣ времени принарядиться, да раззнакомиться съ твоими прия-

телями? Оглянись-ка, Федорычь!... посмотри, сколько ихъ стоитъ за тобою: и гордость, и злость, и неправда, и убійство, и всякое нечестіе.... Эй, Федорычь! не губи себя, голубчикъ! отрекись отъ этихъ друзей, не бери ихъ съ собою! вѣдь двери-то въ небеса небольшія — съ такой оравою туда не пролѣзешь! —

Блѣдныя щеки Шалонскаго вспыхнули; казалось, всѣ силы его возвратились, онъ приподнялся до половины и, устремивъ дикой взоръ на Митю, сказалъ твердымъ голосомъ: — о чемъ ты говоришь, юродивый? чего ты отъ меня хочешь?... Покаянія?... Нѣтъ!.. поздно!... Если все правда, чему я вѣрилъ въ ребячествѣ, то приговоръ мой давно уже произнесенъ! —

— И, Федорычь, Федорычь! Кто это тебѣ сказалъ? —

— Да! если изъ двухъ дорогъ я выбралъ одну и шелъ по ней всю жизнь мою, то могу ли передъ смер-

тью возвратиться опять на перепутье?—

—Можешь ли? перервалъ Митя; и глаза его заблистали необыкновеннымъ огнемъ, и кроткое величіе праведника изобразилось на челѣ его, выражавшемъ до того одно простодушіе и смиреніе.—Можешь ли?—повторилъ онъ вдохновеннымъ голосомъ;—ничтожное, бренное созданіе! тебѣ ли полагать предѣлы милосердію Божію? Тебѣ ли измѣрять неизмѣримую любовь Творца къ Его созданію?... Такъ! Съ юности твоей преданный лукавству и нечестію, упитанный неповинной кровію, ты шелъ путемъ беззаконія—дѣла твои вопіютъ на небеса; но хуже ли ты разбойника, который умирая сказалъ: «Помяни мя, Господи! егда пріидеши во царствіи Твоемъ!« и едва слова сіи излетѣли изъ устъ убійцы—и уже имя его было начертано на небеси; едва омытая кровію Спасителя душа его воспарила въ горнія селенія—и

уже на встрѣчу ей спѣшилъ — самъ Искупитель! О Бояринъ! возведи скорбящій взоръ къ Отцу нашему, пожелай только быть вмѣстѣ съ нимъ, и Онъ уже съ тобою, и Онъ уже въ душѣ твоей!...

Какъ истомленный жаждою въ знойный день, усталый путникъ благословитъ съ жадностію каждую каплю проливша гося на главу его благотворнаго дождя; такъ слушалъ умирающій, исполненныя Христіанской любви, слова своего утѣшителя. Закоснѣлое въ преступленіяхъ сердце Боярина Кручины забилось раскаяніемъ; съ каждымъ новымъ словомъ юродиваго измѣнялся видъ его; и наконецъ на блѣдномъ, полумертвомъ лицѣ изобразилась послѣдняя ужасная борьба порока, ожесточенія и сильныхъ страстей, съ душою, проникнутой первымъ лучемъ небесной благодати. — Какъ? — сказалъ онъ послѣ продолжительнаго молчанія, — ты, котораго я выгналъ съ позоромъ изъ дома мо-

его.... надъ кѣмъ ругался, кого осыпалъ проклятіями... кто долженъ меня ненавидѣть.... желать моей вѣчной погибели....

— Твоей погибели!... Ахъ! ты не знаешь.... ты не вкусилъ еще всю сладость любви Христіанской, Бояринъ!... Твоей погибели!... Пусть Господь возьметъ остатокъ дней моихъ за одно мгновеніе твоего душевнаго покаянія!... Но что я говорю?... Безсмысленный!—Нужна ли эта ничтожная жертва, дабы подвигнуть къ милосердію Того, кто молилъ за убійцъ своихъ, Того, кто есть безпредѣльная любовь.... которая наполняетъ уже твою душу, Бояринъ!... Такъ! я вижу благодать Всевышняго въ твоихъ потухающихъ взорахъ!... Ты плачешь?... Плачь, Бояринъ! плачь! Эти слезы.... О! привѣтствуй сихъ посланниковъ небесныхъ!...

Кто можетъ описать чувства умирающаго грѣшника, когда перстъ Божій коснулся души его! Онъ видѣлъ

всю мерзость прошедшихъ дѣлъ своихъ, возгнушался самимъ собою, ненавидѣлъ себя; но не отчаяніе, а надежда и любовь наполняли его душу.

— Милосердый Боже! воскликнулъ онъ, проливая источники слезъ; для чего я не могу продлить моей позорной жизни?... Для чего, въ болѣзняхъ, страданіяхъ, покрытый язвами, отъ всѣхъ отверженный, всѣми презираемый, я не могу изгладить продолжительнымъ покаяніемъ хоть сотую часть моихъ тяжкихъ беззаконій!!..

— Ихъ нѣтъ уже, Бояринъ!—сказалъ съ восторгомъ Мнихъ,—твои слезы смыли ихъ!.... Первыя слезы кающагося грѣшника!... О! какое веселіе, какое торжество готовится на небесахъ, когда я, окаянный—недостойный грѣшникъ, скрывающій гордость и тщету даже подъ симъ бѣднымъ рубищемъ, не нахожу словъ для изъясненія моей радости!—

Ослабѣвши отъ сильнаго душевнаго потрясенія, Бояринъ Кручина опу-

стился на свое ложе: предвѣстница близкой смерти, лихорадочная дрожь пробѣжала по всѣмъ его членамъ.... Миша, Миша! сказалъ онъ прерывающимся голосомъ,—конецъ мой близокъ... я изнемогаю!... Если дочь моя не погибла—сыщи ее.... отнеси ей мое грѣшное благословеніе!...' Я чувствую, свѣтильникъ жизни моей угасаетъ.... Ахъ, еслибъ я могъ, какъ православной, умереть смертью Христіанина!... Еслибъ Господь сподобилъ меня.... Нѣтъ, нѣтъ!... Достоинъ ли убійца и злодѣй прикоснуться нечистыми устами... О, Ангелъ - утѣшитель мой! Миша!.., молись о кающемся грѣшникѣ!—

Вдругъ кто-то постучался у окна. —Кто тутъ?—спросилъ Миша.

— Священникъ изъ Села Никольскаго!—отвѣчалъ незнакомый голосъ.

— Священникъ? вскричалъ юродивый.—

— Да, добрый человѣкъ! Я ѣду съ требою къ умирающему, да заплу-

тался; не выведешь ли меня на большую дорогу?—

—Слышишь ли, Тимоѳей Федоровичь? Сомнѣвайся еще въ милосердіи Божіемъ!—Взойди, батюшка! здѣсь также есть умирающій.—

—Митя! вскричалъ Кручина,—приподыми меня! пособи мнѣ встать... Нѣтъ!... оставь меня!... я чувствую въ себѣ довольно силы....

Бояринъ приподнялся, лице его покрылось живымъ румянцемъ; его жадные взоры, устремленные на дверь хижины, горѣли нетерпѣніемъ.... Священникъ взошелъ, и чрезъ нѣсколько минутъ на оживившемся лицѣ примиреннаго съ небесами изобразилось кроткое веселіе и спокойствіе праведника. Господь допустилъ его произнести молитву: «днесь, сыне Божій, причастника мя пріими!« Онъ соединился съ своимъ Искупителемъ—и когда глаза его закрылись навѣки, Митя, почтивъ прахъ его послѣднимъ цѣло-

ванiемъ, сказалъ тихимъ голосомъ:— прости, Тимофѣй Федоровичъ! веселись въ горнихъ селенiяхъ, избранный для прославленiя неизрѣченнаго милосердiя Божiя! Ты жилъ какъ злодѣй, и кончилъ жизнь какъ праведникъ—блаженна часть твоя: надъ тобой свершилась великая тайна искупленiя.—

ГЛАВА VIII.

Въ первый день рѣшительной битвы Русскихъ съ Гетманомъ Хоткѣвичемъ, подъ осень, 22 Августа 1612 года, около полудни, въ бывшей Стрѣлецкой слободѣ, гдѣ нынѣ Замоскворѣчье, близь самаго Крымскаго Брода, стояли дружины Князя Трубецкаго, составленныя по большой части изъ буйныхъ Козаковъ, пришедшихъ къ Москвѣ, не для защиты отечества; но для грабежа и добычи (5). Съ перваго взгляда на сіи разбросанныя безъ всякаго порядка, по берегу Москвы рѣки, толпы пѣшихъ и конныхъ ратниковъ, можно было догадаться, что духъ мятежа и своевольства царствовали въ рядахъ сего необузданнаго и едва знающаго подчи-

ненность войска. Во многихъ мѣстахъ раздавались пѣсни и громкія восклицанія, и даже шагахъ въ двадцати отъ ставки главнаго своего Воеводы, Князя Трубецкаго, человѣкъ пятьдесятъ Козаковъ, расположась покойно вокругъ пылающаго костра и попивая въ круговую, шумѣли и кричали во все горло, осыпая ругательствами Нижегородское ополченіе, пришедшее съ Княземъ Пожарскимъ. При появленіи Старшинъ никто не трогался съ мѣста, ни одинъ Козакъ не приподымалъ своей шапки, и даже не рѣдко грубыя насмѣшки и обидныя прозванія раздавались въ слѣдъ за проходящими начальниками, которыхъ равнодушіе доказывало, что они давно уже привыкли къ сему своевольству. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ сего войска стояли особо человѣкъ пять-сотъ всадниковъ, въ числѣ коихъ замѣтны были также Козаки; но порядокъ и тишина, ими наблюдаемая, и примѣтное уваженіе къ

Старшинамъ, которые находились при своихъ мѣстахъ въ безпрестанной готовности къ сраженію — все удостовѣряло, что сей небольшой отрядъ не принадлежалъ къ войску Князя Трубецкаго. Впереди на небольшомъ земляномъ возвышеніи, съ коего можно было слѣдовать взоромъ за изгибами Москвы рѣки, обтекающей Воробьевы Горы, стоялъ начальникъ сей отдѣльной дружины. Казалось, все вниманіе его было обращено къ сторонѣ Ново-Дѣвичьяго монастыря, вокругъ котораго и по всему пространству Лужниковъ разсыпаны были палатки и шатры многочисленной рати Польской. Шагахъ въ десяти позади его разговаривали въ полголоса давнишніе знакомцы наши, Кирша и Алексѣй. Первой смотрѣлъ также съ большимъ вниманіемъ въ ту сторону, гдѣ расположено было непріятельское войско.

— Ну что? спросилъ Алексѣй, — выходятъ ли они изъ лагеря? —

— Кажется, нѣтъ! отвѣчалъ Кирша; — видно еще Князь Пожарской не двинулся отъ Арбатскихъ воротъ. —

— А скажи, пожалуй-ста, любезный! не знаешь ли, за чѣмъ онъ прислалъ васъ сюда съ моимъ господиномъ? —

— Князь Трубецкой просилъ у него этой подмоги, чтобъ ударить въ Поляковъ, когда начнется сраженіе. —

— Да развѣ у него мало войска? Посмотри-ка! видимо не видимо! одинхъ Козаковъ почитай столько же, сколько насъ всѣхъ у Князя Пожарскаго, и пѣшихъ и конныхъ. —

— Эхъ, братъ, Алексѣй! и много, да чортъ ли въ нихъ! Вишь какая вольница! Мы съ часу на часъ ждемъ драки — а они себѣ и въ усъ не дуютъ! Далъ бы этимъ озорникамъ въ Воеводы Пана Лисовскаго, такъ онъ бы ихъ повернулъ по своему; у него расправа короткая — ладно такъ ладно, а не такъ, такъ пулю въ лобъ!... Эва!.. слышишь, какъ покрикиваютъ?.. под-

лѣ самаго шатра Княжескаго! какъ будтобъ имъ и чортъ не братъ! Небось, у Лисовскаго не сталъбъ этакъ горланить: бывало какъ закрутитъ усы, да гаркнетъ—такъ во всемъ лагерѣ услышишь, какъ муха пролетитъ.... Постой-ка, братъ!.. постой! Никакъ Поляки зашевелились?... Чу! пушка.... другая!... Ну, пошла потѣха! —

Вся окрестность дрогнула. Со стороны Арбатскихъ воротъ, какъ отдаленный громъ, пронесся глухой рокотъ по воздуху; двинулись пѣхотныя дружины Нижегородскія, промчалась конница, бой закипѣлъ—и черезъ нѣсколько минутъ вся окружность Ново-Дѣвичьяго монастыря покрылась густыми облаками дыма.

— Эхъ, еслибъ поскорѣй дошла до насъ очередь! вскричалъ Кирша,—такъ руки и зудятъ!...

— Эка трескотня!... сказалъ Алексѣй,—ухъ! какъ грянули изъ пушекъ!... да это никакъ съ нашей стороны? —

— Съ нашей, съ нашей!... перервалъ Кирша.—Вотъ такъ!... знатно, ребята! знатно!... Катай ихъ, сретиковъ! —

Весь отрядъ, подъ начальствомъ Милославскаго, котораго, вѣроятно, читатели наши узнали уже въ начальникѣ отдѣльнаго отряда, горѣлъ нетерпѣніемъ вступить въ бой съ непріятелемъ; но въ дружинахъ Князя Трубецкаго не замѣтно было ни какого движенія. Онъ самъ не показывался изъ своей ставки—и хотя сраженіе на Дѣвичьемъ Полѣ продолжалось уже болѣе двухъ часовъ и ежеминутно становилось жарче; но во всемъ войскѣ Князя Трубецкаго не примѣтно было ни какихъ приготовленій къ бою; все оставалось по прежнему — одни отдыхали, другіе веселились, и только нѣсколько сотъ Козаковъ, взобравшись изъ одного любопытства на кровли домовъ, смотрѣли, какъ на потѣшное зрѣлище, на кровопролитный и отчаянный бой, отъ послѣдствій котораго зависѣла участь не

только Москвы; но, можетъ быть, и всего царства Русскаго.

Едва скрывая свое негодованіе, Кирша подошелъ къ одной толпѣ, которая стояла далѣе другихъ отъ шатра главнаго Воеводы.—Что, товарищи, сказалъ онъ,—не пора ли и вамъ взнуздать коней? —

— За чѣмъ?—спросилъ одинъ Козакъ.

— Какъ за чѣмъ? Чай, нашимъ становится жутко—вотъ ужъ часа три, какъ они одни бьются съ Поляками.—

— Такъ чтожъ?... На здоровье! пусть себѣ забавляются, перервалъ другой Козакъ.—Богаты пришли изъ Ярославля! отстоятся и сами отъ Гетмана! —

— Спѣсивы больно! подхватилъ одинъ Урядникъ;—не пошли къ намъ въ таборы, такъ пусть теперь одни и справляются съ Ляхами! —

— Они не хотѣли съ нами знаться, примолвилъ первой Козакъ,—такъ и мы ихъ знать не хотимъ! Ну-ка Терешка! запѣвай плясовую. —

Полупьяный Козакъ затянулъ пѣсню и вся толпа гаркнула въ слѣдъ за нимъ хоромъ.

Милославской подошелъ къ ставкѣ Князя Трубецкаго.—Не пора ли намъ?—сказалъ онъ Козацкому Старшинѣ, который стоялъ у дверей шатра.

—Какъ придетъ время, такъ вамъ прикажутъ,—отвѣчалъ хладнокровно Старшина.

—Не льзя ли мнѣ поговорить съ Княземъ, Димитріемъ Тимофѣевичемъ?—

—Нѣтъ! Онъ никого не велѣлъ къ себѣ пускать.

Вдругъ подскакалъ къ шатру покрытый пылью и окровавленный всадникъ; спрыгнувъ съ коня, онъ спросилъ торопливо—гдѣ Князь, Димитрій Тимофѣевичь, Трубецкой?—

—На что тебѣ?—спросилъ Старшина.

—Я присланъ отъ Князя Пожар-

скаго. Поляки начинаютъ насъ одолевать. —

— Не ужто въ самомъ дѣлѣ? — перервалъ съ насмѣшливой улыбкою Стаpшина.

— Къ нимъ прибываетъ безпрестанно свѣжее войско, а мы все одни да одни; и еслибъ Князь, Димитрій Михайловичь не приказалъ всѣмъ коннымъ спѣшиться, то насъ давно бы сбили съ поля. Онъ проситъ подмоги! —

И, полно братъ! одни отгрызетесь! Да, постой! куда ты? —

— Къ вашему Воеводѣ. —

— Не вельно пускать. Съ Богомъ! убирайся-ка откуда пріѣхалъ! —

— Чтожъ мнѣ сказать Князю, Димитрію Михайловичу? —

— Что мы желаемъ ему справиться съ Поляками; а сами будемъ драться тогда, когда до насъ дойдетъ очередь. —

— Нѣтъ! вскричалъ Милославской, — это уже превосходитъ все терпѣніе!

Если вы не боитесь Бога и хотите, изъ личной вражды и злобы, губить наше отечество, то я съ моей дружиною не останусь здѣсь! —

— Потише, молодецъ! не горячись! ты здѣсь не старшій Воевода! И какъ бы ты смѣлъ безъ приказа Князя, Дмитрія Тимофѣевича идти на бой? —

— А вотъ увидишь! сказалъ Милославскій, подходя къ своему отряду. — На коня, товарищи! —

— Именемъ главнаго Воеводы, Князя Трубецкаго приказываю тебѣ не трогаться съ мѣста! — сказалъ Старшина, подбѣжавъ къ Юрію, который садился на лошадь.

— Я служу не ему а отечеству! — отвѣчалъ Юрій, выѣзжая впередъ.

— Стойте! вскричалъ Старшина, а не то я велю остановить васъ силою! —

— Попытайся! сказалъ Юрій, взглянувъ съ презрѣніемъ на Старшину. — Живѣй, ребята! продолжалъ онъ, — сабли вонъ! съ Богомъ! впередъ! —

Въ полминуты отрядъ Милославскаго переправился черезъ Москву рѣку и при громкихъ восклицаніяхъ: »умремъ за вѣру православную и святую Русь« — помчался на мѣсто сраженія.

Изъ всей дружины Милославскаго остался на другой сторонѣ рѣки одинъ только Козакъ, и читатели едва ли отгадаютъ, что сей предатель былъ нашъ старинный знакомецъ, Кирша. Но честный и храбрый Запорожецъ, не для измѣны отсталъ отъ своихъ. Онъ замѣтилъ, что рѣшительный поступокъ Милославскаго сильно подѣйствовалъ на многихъ Козаковъ изъ войска Князя Трубецкаго; нѣкоторые даже вслухъ кричали, что стыдно предъ людьми и грѣшно передъ Богомъ выдавать своихъ единовѣрцовъ. Четверо Атамановъ Козачьихъ: Филатъ Межаковъ, Афонасій Коломна, Дружина Романовъ и Марко Козловъ, казалось, болѣе другихъ досадовали на свое бездѣйствіе,

и когда Кирша подошелъ къ нимъ, то Афонасій Коломна сказалъ ему съ негодованіемъ:—не совѣстно ли тебѣ оттставать отъ своихъ? —

— Нѣтъ, господа Старшины! отвѣчалъ Кирша,—мнѣ совѣстно, да только не за себя, а за васъ. —

— Ну тебѣ ли говорить? вскричалъ Козловъ. — Бѣглецъ!... покинулъ своихъ товарищей!...

— Да я и другихъ Козаковъ уговаривалъ здѣсь остаться. Какъ намъ глаза показать передъ войскомъ Князя Пожарскаго? Вѣдь мы такіе же Козаки, какъ вы — такъ не радостно будетъ слушать, какъ православные станутъ при насъ, всѣхъ Козаковъ называть измѣнниками. —

— Измѣнниками?—вскричалъ Дружина Романовъ. —

— А какъ же? продолжалъ Кирша, — развѣ мы не измѣнники? — Наши братья,—такіе же Русскіе, какъ мы, льютъ кровь свою; а мы здѣсь сто-

іимъ, поджавши руки.... По мнѣ бы ужъ честнѣе быть за одно съ Ляхами! а то что мы? ни то, ни сё—хуже бабъ! тѣ хоть Бога молятъ за своихъ, а мы что?... Эхъ, товарищи! Видитъ Богъ, мы этаго срама вѣкъ не переживемъ!—

—А что вы думаете? вѣдь онъ правду говоритъ, ребята!—сказалъ Межаковъ.—Гдѣ слыхано выдавать своихъ!—

—Вся бѣда отъ того, что наши Воеводы повздорили между собою!—прибавилъ Дружина Романовъ.

—Да пусть ихъ ссорятся! закричалъ Марко Козловъ — намъ какое до этаго дѣло? Кто какъ хочетъ, а я съ моимъ полкомъ иду! Гей, Батуринскіе! На коня!—

—И мы также идемъ!—вскричали Коломна, Межаковъ и Романовъ.

Козаки столпились вокругъ своихъ начальниковъ; но большая часть изъ нихъ явно показывала свою нева-

вистъ къ Нижегородцамъ и многіе рѣшительно объявляли, что не станутъ драться съ Гетманомъ. Атаманы, готовые идти на помощь къ Князу Пожарскому, начинали уже колебаться, какъ вдругъ одинъ изъ Козаковъ, который съ кровли высокой избы смотрѣлъ на сраженіе, закричалъ:—Ай-да, Нижегородцы!.. попятили Ляховъ!.. Глядите-ка!.. Поляки бѣгутъ!—

— Бѣгутъ!... вскричалъ Кирша;—такъ вамъ и дѣлать нечего. Прощайте, ребята! я одинъ поѣду! Ну, знатная же будетъ пожива Нижегородцамъ! Говорятъ, въ Польскомъ станѣ золота и серебра хоть возами вози!—

»Чтожъ мы зѣваемъ, ребята?« заговорили межъ собой Козаки. »На коней!... на коней! повторили тысячи голосовъ. »Живѣй, добрые молодцы! живѣй! Садись!« закричали Атаманы. Изъ ставки главнаго начальника прибѣжалъ было съ приказаніями Завос-

водчикъ (*); но Атаманы отвѣчали въ одинъ голосъ: »не слушаемся! идемъ помогать Нижегородцамъ! Ради нелюбви вашей Московскому Государству и ратнымъ людямъ, пагуба становишся«—и не слушая угрозъ присланнаго чиновника, переправились съ своими Козаками за Москву рѣку и поскакали, въ провожаніи Кирши, на Дѣвичье Поле, гдѣ нѣсколько уже минутъ кровопролитный бой кипѣлъ сильнѣе прежняго.

Между тѣмъ отрядъ Юрія, проѣхавъ берегомъ Москвы рѣки, ударилъ съ боку въ непріятеля, который начиналъ уже быстро подвигаться впередъ, не смотря на отчаянное сопротивленіе Князя Пожарскаго. Какъ Ангелъ-истребитель, летѣлъ передъ своимъ отрядомъ Юрій Милославскій; въ нѣсколько минутъ онъ смялъ, втопталъ въ рѣку, раз-

(*) Званіе, равное нынѣшнему Генералъ-Адъютанту.

ствлъ совершенно первый конный полкъ, который подкрѣпилъ его дружину позади Ново-Дѣвичьяго монастыря: пролить всю кровь за отечество, не выдти живому изъ сраженія—вотъ все, чего желалъ сей несчастный юноша. Врываясь какъ бурный потокъ, въ самыя густыя толпы Польскихъ Гусаръ, онъ бросался на ихъ мечи, устилалъ свой путь мертвыми тѣлами и, невидимо хранимый десницею Всевышняго, оставался невредимъ. Отборная его дружина, почти вся составленная изъ Стрѣльцовъ Московскихъ, не уступала ему въ мужествѣ. Опрокинувъ еще нѣсколько пѣхотныхъ регементовъ, они врѣзались въ самую средину сторожевыхъ полковъ непріятельскихъ. Отъ орлинаго взора Князя Пожарскаго не укрылось замѣшательство, въ какое приведены были Поляки, отъ сего неожиданнаго нападенія; онъ двинулъ впередъ все войско—Поляки дрогнули, побѣжали; но, соединясь съ

сторожевыми полками своими, возобновили снова сраженіе на самомъ берегу Москвы рѣки. Межъ тѣмъ положеніе отряда Милославскаго, изъ коего не оставалось уже и третей доли, становилось часъ отъ часу опаснѣе: окруженный со всѣхъ сторонъ, стиснутый между многочисленныхъ полковъ непріятельскихъ, онъ продолжалъ биться съ ожесточеніемъ; нѣсколько разъ пробивался грудью впередъ, но наконецъ свѣжая, еще не бывшая въ дѣлѣ, непріятельская конница, врѣзалась въ сжатые ряды сей горсти безстрашныхъ воиновъ, разорвала ихъ—и каждый Стрѣлецъ долженъ былъ драться по-одиначкѣ съ непріятелемъ, въ десять разъ его сильнѣйшимъ. Сей неравный бой не могъ продолжаться долго. Въ ту самую минуту, какъ Милославской, подлѣ котораго бились съ отчаяніемъ Алексѣй и человѣкъ пять Стрѣльцовъ, упалъ безъ чувствъ отъ сильнаго сабельнаго удара, раздался

направо дикой крикъ Козаковъ, которые, подъ командою своихъ Атамановъ, подоспѣли наконецъ на помощь къ Пожарскому. Въ одно мгновеніе опрокинутые Поляки, разсыпались по полю, и Кирша, съ сотнею удалыхъ наѣздниковъ, гоня передъ собой бѣгущаго непріятеля, очутился подлѣ того мѣста, гдѣ, плавая въ крови своей и окруженный трупами враговъ, лежалъ безъ чувствъ Юрій Милославской. Запорожецъ соскочилъ съ коня, при помощи Алексѣя положилъ Юрія на лошадь, вывезъ изъ тѣсноты и, доѣхавъ до Арбатскихъ воротъ, внесъ въ одинъ мѣщанской домъ, который менѣе другихъ показался ему раззореннымъ. Оставивъ съ нимъ Алексѣя, Кирша возвратился на поле сраженія; но оно было уже совсѣмъ очищено отъ непріятеля. Пришедшіе на помощь Козаки Князя Трубецкаго рѣшили участь сего дня: ихъ неожиданное нападеніе разстроило Поляковъ, и Гетманъ Хоткѣвичь, отступя въ без-

порядкѣ за Москву рѣку, остановился у Поклонной Горы.

Не смотря на претерпѣнное неприятелемъ пораженіе, онъ успѣлъ ночью на 23-е число, при помощи измѣнника, Григорья Орлова, провести въ Кремль шесть сотъ человѣкъ Гайдуковъ. Усиленный симъ отрядомъ, крѣпостной гарнизонъ сдѣлалъ чѣмъ-свѣтъ вылазку и взялъ за Москвой рѣкой небольшой окопъ, близъ церкви св: Георгія. Желая воспользоваться сей удачею, Гетманъ Хоткѣвичъ, зайдя со стороны Донскаго монастыря, напалъ на конницу Князя Трубецкаго, которая, не выдержавъ перваго натиска, дала хребетъ и смѣшала въ бѣгствѣ своемъ конные полки Князя Пожарскаго. Пѣхотные дружины Нижегородскія остановили однакожъ стремленіе неприятеля; упорный бой продолжался до шестаго часа по полудни. Тщетно Пожарской требовалъ помощи отъ Князя Трубецкаго—онъ отступилъ въ

свои укрѣпленные шабары, близь Крымскаго Брода, не принималъ ни какого участія въ сраженіи, и Нижегородское ополченіе должно было выдерживать одно, весь натискъ многочисленнаго непріятеля. Наконецъ непреодолимое мужество сихъ вѣрныхъ сыновъ Россіи восторжествовало надъ множествомъ враговъ — Гетманъ принужденъ былъ отступить. Козаки Трубецкаго, увидя бѣгущаго непріятеля, присоединились было сначала къ ополченію Князя Пожарскаго; но въ то самое время, когда рѣшительная побѣда готова была уже увѣнчать усилія Русскаго войска, Козаки снова отступили, и осыпая ругательствами Нижегородцевъ, побѣжали назадъ въ свой укрѣпленной лагерь. Сіе предательство измѣнило совершенно видъ сраженія, Поляки ободрились, Русскіе дрогнули, и Князь Пожарской, гнавшій уже непріятеля, увидѣлъ съ ужасомъ, что войско его, утомленное безпрерывнымъ боемъ и

разстроенное измѣною Козаковъ, едва удерживало за собою поле сраженія. Предвѣстники побѣды, радостные крики, раздавались въ рядахъ вражескихъ; отчаяніе и робость изображались на усталыхъ лицахъ воиновъ Нижегородскихъ.... гибель войска Русскаго, а вмѣстѣ съ симъ и паденіе Россіи казались уже неизбѣжными. Въ сію рѣшительную минуту вдохновенный свыше, знаменитый Авраамій Палицынъ, прибѣжалъ въ станъ Козаковъ Князя Трубецкаго, началъ молить ихъ со слезами, подать помощь погибающимъ братьямъ: исполненныя пламенной любви къ отечеству слова его потрясли наконецъ закоснѣлыя въ буйствѣ и нечестіи сердца сихъ грубыхъ воиновъ. Обѣщая однимъ нетлѣнную награду на небесахъ, предлагая другимъ всю казну монастырскую, онъ заклиналъ всѣхъ, именемъ Божіимъ, не выдавать отечества и спѣшить на помощь къ Князю Пожарскому. Увлеченные сильнымъ чув-

ствомъ и неизъяснимымъ краснорѣчіемъ сего безсмертнаго старца, всѣ Козаки возстали, двинулись впередъ и, повторяя имя святаго Сергія, грудью ударили на Поляковъ. Въ то же время Гражданинъ Мининъ, съ тремя отборными Дворянскими дружинами, обойдя въ тылъ сильному непріятельскому отряду, расположенному за Москвой рѣкою, истребилъ его совершенно. Смятеніе и наконецъ бѣгство непріятеля сдѣлалось всеобщимъ—укрѣпленный лагерь, артиллерія, весь обозъ достались побѣдителямъ, и ГетманъХоткѣвичъ, потерявъ почти половину своего войска, на другой день по утру, то есть, 25 числа Августа, бѣжалъ со стыдомъ отъ Москвы.

Оставшіеся Поляки заперлись въ Кремль, и вскорѣ по взятіи нашими войсками Китай-Города, окруженные со всѣхъ сторонъ, должны бы были сдаться, еслибъ несогласія между главныхъ начальниковъ и явная нелю-

бовъ одного войска къ другому не мѣшали осаждающимъ дѣйствовать общими силами. Уже близко двухъ мѣсяцевъ продолжалась осада Кремля; наконецъ Поляки, изнуренные голодомъ и доведенные, по словамъ лѣтописцевъ, до ужасной необходимости пожирать другъ друга, рѣшились сдаться военноплѣнными.

Но намъ пора уже возвратиться къ герою нашей повѣсти. По взятіи Китай-Города и окружающихъ его предмѣстій, раненный Милославской переѣхалъ, по приглашенію Князя Пожарскаго, въ собственный домъ его, на Лубянку (*). Юрій начиналъ уже оправляться, но онъ чувствовалъ себя столь слабымъ, что не смѣлъ еще выходить изъ дому. Въ пылу сраженія и потомъ во время тяжкой болѣзни, онъ, казалось, забылъ о сво-

(*) Домъ Князя Пожарскаго находился противъ церкви Введенія Божіей Матери, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ домъ Г. Бородина.

емъ положеніи; но когда тѣлесная болѣзнь его миновалась, то сердечный недугъ съ новой силою овладѣлъ его душою. Иногда посѣщалъ его Князь Пожарской, изрѣдка Авраамій Палицынъ и Князь Черкасской; но безъотлучно находились при немъ добрый его служитель и вѣрный Кирша, которому удавалось иногда, веселыми своими разсказами, разсѣявать на нѣсколько минутъ мрачныя мысли и глубокое уныніе, овладѣвшія душею несчастнаго юноши.

Однимъ вечеромъ Кирша, взойдя посиѣшно въ комнату больнаго, закричалъ:—добрыя вѣсти, Юрій Дмитричь! добрыя вѣсти!—

—Какія вѣсти?—спросилъ Милославской.

—Завтра мы будемъ пѣть благодарственный молебенъ въ Успѣнскомъ Соборѣ.—

—По этому Поляки сдаются?—

—Видно что такъ. А надобно имъ

честь отдать—поспояли за себя! какъ бы имъ было что перекусить, не стали бы они просить милости; да голодомъ-то мы ихъ доѣхали!—

—И ты точно знаешь, что мы завтра входимъ въ Кремль?—

—Говорятъ, такъ. Поляки, какъ слышно, просятъ только о томъ, чтобъ имъ сдаться нашему Воеводѣ, Князю Пожарскому, а не другому кому. Видно и они ужъ знаютъ, каковы Козаки Трубецкаго! Посмотрѣлъ бы ты, Юрій Дмитричь, когда выпустили изъ Кремля на нашу сторону Боярскихъ женъ, которыя были въ полону у Поляковъ, какой бунтъ подняли эти разбойники! и какъ ты думаешь, за что?... За то, что имъ не дали грабить Русскихъ барынь—хороши защитники отечества! Но вотъ никакъ отецъ Авраамій идетъ тебя навѣстить.... такъ и есть! Онъ лучше тебѣ разскажетъ обо всемъ, Бояринъ.—

Авраамій Палицынъ взошелъ къ Юрію,

и, благословя его, спросилъ,—какъ онъ себя чувствуетъ?—

—Все также,—отвѣчалъ Милославской.

—Все также? сказалъ старецъ, покачавъ съ неудовольствіемъ головою. —Кажется, давно бы пора тебѣ оправиться. Жаль, Юрій Дмитричь! если ты еще такъ слабъ, что не можешь сидѣть на конѣ!—мы завтра входимъ въ Кремль.—

—Я ужъ слышалъ объ этомъ, отецъ Авраамій,—и рѣшился, во чтобъ ни стало, взойдти въ Кремль вмѣстѣ съ вами.—

—Но если твое здоровье требуетъ....

—Нѣтъ! эта радостная вѣсть оживила меня, и я начинаю чувствовать въ себѣ довольно силы....

—И такъ завтра, чѣмъ-свѣтъ....

—Ты увидишь меня на конѣ, передъ моимъ отрядомъ, отецъ Авраамій.—

— Прощай, Юрій Дмитричь! Я заѣхалъ только провѣдать тебя и не могу долго съ тобой оставаться. Завтрашней день мнѣ бы надобно ѣхать верстъ за пятьдесятъ, для исполненія одной священной обязанности; но такъ какъ мы входимъ въ Кремль, то мнѣ нельзя отлучиться изъ Москвы и я хочу послать сей часъ гонца для увѣдомленія, что обрядъ, при коемъ присутствіе мое необходимо, не можетъ быть совершенъ завтра. Послѣ - завтра я буду свободенъ и успѣю еще исполнить то, чего отъ меня требуютъ,—примолвилъ Авраамій, вздохнувъ отъ глубины души.—Прощай, сынъ мой! продолжалъ онъ;—да укрѣпитъ Господь твои силы, и да снидетъ на главу твою его животворящая благодать!—

ГЛАВА IX.

Наконецъ наступило 22-е число Октября 1612 года—день достопамятный и незабвенный въ лѣтописяхъ нашего отечества. Вмѣстѣ съ восходомъ солнечнымъ, Поляки вышли двумя толпами изъ Кремля. Сіи несчастные, изнуренные голодомъ, походили болѣе на мертвецовъ, чѣмъ на живыхъ людей. Одна половина гарнизона, находившаяся подъ командою Пана Будилы, вышла на сторону Князя Пожарскаго, и встрѣчена была— не ожесточеннымъ непріятелемъ; но человѣколюбивымъ войскомъ, которое поспѣшило накормить и успокоить, какъ братьевъ, тѣхъ самыхъ людей, коихъ наканунѣ называло сво-

ими врагами. Совсѣмъ другая участь постигла остальную часть гарнизона, вышедшую, подъ начальствомъ Пана Струса, на сторону Князя Трубецкаго: буйные Козаки, для которыхъ не было ни чего святаго, перерѣзали большую часть плѣнныхъ Поляковъ и ограбили остальныхъ. Сіе нарушеніе всѣхъ правъ народныхъ было, такъ сказать, предвѣстникомъ тѣхъ грабежей, убійствъ и пожаровъ, которыми, по окончаніи брани, ознаменовали слѣдъ свой неистовые Козаки, разсѣясь, какъ стая хищныхъ звѣрей, по всей Россіи.

По выходѣ непріятеля изъ Кремля, войско Князя Пожарскаго, предшествуемое Архимандритомъ Діонисіемъ, Авраміемъ Палицынымъ и многочисленнымъ духовенствомъ, вступило Спасскими Воротами во внутренность сего древняго жилища православныхъ Царей Русскихъ. Впереди всей рати Понизовской ѣхалъ верховный Вождь, Князь, Димитрій Михай-

ловичь, Пожарской; на величественномъ и вмѣстѣ кроткомъ челѣ сего знаменитаго мужа и въ его небесноголубыхъ очахъ, устремленныхъ на святые Соборные храмы, сіяла неизъяснимая радость; по правую его руку, на лихомъ Закубанскомъ конѣ, гарцовалъ удалой Князь, Димитрій Мамстрюковичь, Черкаской; съ лѣвой стороны ѣхали: Князь Димитрій Петровичь, Пожарской-Лапата, Бояринъ Мансуровъ, Образцевъ, Гражданинъ Мининъ, Милославской и прочіе начальники. Арсеній, Епископъ Галасунской, съ иконою Владимірской Божіей Матери, встрѣтилъ побѣдителя у самыхъ Спасскихъ Воротъ. Въ слѣдъ за войскомъ хлынули въ Кремль, безчисленныя толпы народа; раздался громкой благовѣстъ, Нижегородское ополченіе построилось вокругъ Царскихъ чертоговъ; духовенство, начальники, именитые Граждане взошли въ Успенской Соборъ и *Русское* »Тебя Бога хвалимъ!« оглася своды церков-

ные, раздались наконецъ въ стѣнахъ священнаго Кремля, столь долго служившаго вертепомъ разбойничьимъ, для враговъ иноплеменныхъ и для предателей собственной своей родины.

Выходя изъ Успенскаго Собора, Милославской повстрѣчался съ Мининымъ.—Ну, вотъ видишь, Бояринъ,— сказалъ знаменитой Гражданинъ Нижегородской,—я не пророкъ, а предсказаніе мое сбылось. Сердце въ насъ вѣщунъ, Юрій Дмитричь! Прощаясь съ тобою въ Нижнемъ, я головой бы моей поручился, что увижу тебя опять на полѣ ратномъ, противъ общаго врага нашего,—и не въ монашеской рясѣ, а съ мечемъ въ рукахъ. Когда ты прибылъ къ намъ въ станъ, то я напоминалъ тебѣ объ этомъ— да ты что-то мнѣ отвѣчалъ такъ чудно, Бояринъ, что я вовсе не понялъ твоихъ рѣчей —

— Чтожъ я отвѣчалъ тебѣ, Козма Миничь?—

— Какъ теперь помню, ты сказалъ

мнѣ, что мое пророчество сбылось только въ половину.—

— И говорилъ истинную правду.—

— Какъ такъ, Бояринъ? я что-то въ толкъ не беру! Ты, кажется, одинъ былъ не чернецомъ, а что твой мечь въ ножнахъ не оставался—такъ этому я самъ былъ свидѣтелемъ. Правда, ты и теперь съ виду походишь на затворника.... да будь повеселѣе, Бояринъ! кажется, есть чему порадоваться—злодѣевъ не стало; много пролито крови Христіанской, да и то слава Богу, что наконецъ правда взяла свое! Грустно только видѣть, какъ поруганы и осквернены храмы Господни; да это также дѣло поправное, а вотъ что худо, Юрій Дмитричь: съ одними супостатами мы справились — какъ-то справимся съ другими?—

— Съ другими?...

— Ну, да! Посмотри,—продолжалъ Мининъ указывая на безпорядочныя толпы Козаковъ Князя Трубецкаго,

которые не входили, а врывались, какъ неприятели, Троицкими и Боровицкими Воротами въ Кремль,—видишь ли, Юрій Дмитричь, какъ бѣснуются эти разбойники? Ну, походитъ ли эта сволочь на православное и Христолюбивое войско? Еслибъ они не боялись насъ, то давно бы бросились грабить терема Царскіе. Посмотри-ка! словно волки рыщутъ вокругъ Грановитой Палаты!—

Въ самомъ дѣлѣ, своевольные Козаки разсыпались по всему Кремлю, ломились толпами въ домы Боярскіе и, казалось, выжидали только удобной минуты, чтобъ ворваться въ Царскія палаты и разграбить казну, оставленную Поляками.

Между тѣмъ Юрій и Гражданинъ Мининъ, продолжая разговаривать другъ съ другомъ, подошли нечувствительно къ церкви святаго Спаса на Бору. Въ ту самую минуту, какъ Милославской поровнялся противъ церковныхъ дверей, густыя

тучи заслонили восходящее солнце; раздался дикой крикъ Козаковъ, которые, пользуясь теснотой и беспорядкомъ, ворвались наконецъ въ чертоги Царскіе, и въ то же самое время, многочисленныя толпы, покрытыхъ рубищемъ, Гражданъ Московскихъ, испуганныя буйствомъ сихъ грабителей, бѣжали укрыться по домамъ своимъ. Юрій невольно содрогнулся: въ его глазахъ, наяву повторялось то, что онъ видѣлъ нѣкогда во снѣ, будучи гостемъ въ дому Боярина, Кручины. Мининъ поспѣшилъ назадъ на Соборную площадь, приглашая Милославскаго идти съ нимъ вмѣстѣ; но онъ не слышалъ словъ его: какая-то непреодолимая сила влекла его ко храму Спаса на Бору. Въ растерзанной душѣ его стали пробуждаться одно за другимъ тысячи грустныхъ воспоминаній. Нѣсколько минутъ онъ колебался, наконецъ съ трепетомъ переступилъ церковный порогъ. Все было тихо внутри; дневной свѣтъ, проникая съ

трудомъ сквозь узкія, едва замѣтныя окна, боролся съ вѣчнымъ сумракомъ, который царствовалъ подъ низкими и тяжелыми сводами сего древняго храма, пережившаго многія столѣтія. Ни одна свѣча не горѣла передъ иконами, и только налѣво, за низкой аркою, отражался вдоль стѣны тусклый свѣтъ лампады, которая теплилась надъ гробомъ святителя, Стефана Пермскаго.—

Кто опишетъ горестныя чувства Милославскаго, когда онъ вступилъ во внутренность храма, гдѣ въ первый разъ прелестная и невинная Анастасія, какъ Ангелъ небесный, представилась его обвороженному взору! Ахъ! все прошедшее оживилось въ его воображеніи: онъ видѣлъ ее передъ собою, онъ слышалъ ея голосъ.... Несчастной юноша не устоялъ противъ сего жестокаго испытанія; онъ забылъ всю покорность къ волѣ Всевышняго, неизъяснимая тоска, безумное отчаяніе овладѣли

его душею.—Злополучный! вскричалъ онъ,—для чего ты спѣшилъ погубить самаго себя! Она твоя супруга—и ты не можешь, не долженъ называть ее своею!... О, Анастасья, Анастасья!...

—Что ты, Юрій Дмитричь?—сказалъ позади Милославскаго знакомый голосъ. Онъ обернулся и увидѣлъ подходящаго Авраамія.—Что съ тобою? продолжалъ Палицынъ. —Ахъ, сынъ мой! ты не для молитвы взошелъ въ сей храмъ: эти блуждающіе взоры, это отчаяніе на обезображенномъ челѣ твоемъ.... Нѣтъ, Юрій Дмитричь! не такъ молятся Христіане!—

—Отецъ мой! вскричалъ Юрій, —отецъ мой! спаси меня!... въ душѣ моей весь адъ... всѣ мученія погибающаго грѣшника!—

—Что ты говоришь, сынъ мой? Какое преступленіе тяготитъ твою совѣсть?...

— Одна ужасная тайна!...

—Тайна?.. Для чегожъ ты скрывалъ

се отъ меня? Развѣ я не пастырь, не заступникъ, не другъ твой?—

— Отецъ Авраамій! Я... женатъ.—

— Женатъ! вскричалъ Палицынъ. Онъ посмотрѣлъ молча на Юрія и повторилъ съ негодованіемъ:—женатъ!... Для чего же ты обманулъ меня, несчастной? И ты дерзнулъ въ храмѣ Божіемъ, предъ лицемъ Господа твоего, осквернить свои уста лукавствомъ и неправдою!... Ахъ, Юрій Дмитричь! что ты сдѣлалъ!—

— Нѣтъ, отецъ мой! я не обманулъ тебя; я не былъ женатъ, когда клялся посвятить себя безбрачной жизни; не помышлялъ нарушить сей обѣтъ, данный предъ гробомъ святаго угодника Божія—и могъ ли я думать, что на другой же день назову моей супругою дочь злѣйшаго врага моего, Боярина, Кручины-Шалонскаго?—

Удивленіе оковало уста Авраамія Палицына, но вдругъ на лицѣ его изобразилось живое сострадание; онъ

взялъ Милославскаго за руку и сказалъ тихимъ голосомъ: — Успокойся, Юрій Дмитричь! я вижу, ты не совсѣмъ еще выздоровѣлъ. —

— Ахъ, еслибъ это была правда, отецъ мой!... Еслибъ это былъ одинъ бредъ!... Такъ! я открою тебѣ мою душу — выслушай меня! —

Юрій разсказалъ все отцу Авраамію, и когда онъ кончилъ, то сей добродѣтельной старецъ, заключа его въ свои объятія, сказалъ сквозь слезы: — Нѣтъ, Юрій Дмитричь! ты не нарушилъ своего обѣта! ты не клятвопреступникъ, точно также, какъ не самоубійца тотъ, кто гибнетъ, спасая своего ближняго. —

— По' что же я...? —

— Супругъ Анастасіи. Ты обѣщался быть инокомъ, но обрядъ постриженія не былъ совершенъ надъ тобою; и какъ простой бѣлецъ, можешь, не оскорбляя церкви, возвратиться снова въ міръ. Ты не свободенъ болѣе располагать собою: вся жизнь

твоя принадлежитъ Анастасіи, сей несчастной сиротѣ, соединенной съ тобою неразрывными узами, освященными, однимъ изъ великихъ таинствъ нашей православной церкви.—

Не смѣя предаваться радости, не вѣря самому себѣ, Юрій сказалъ дрожащимъ голосомъ:—какъ, отецъ Авраамій?... Я могу еще надѣяться, что послѣ даннаго мною обѣта....

—Московскіе Святители разрѣшатъ тебя отъ онаго,—перервалъ Палицынъ.—Такъ, Юрій Дмитричь! я вижу ясно перстъ Божій, указующій тебѣ путь, по коему ты долженъ слѣдовать. Всевышній помогъ намъ очистить Москву; но, побѣдивъ внѣшнихъ враговъ, мы не спасли еще отъ гибели наше отечество. Честолюбивые Бояре, крамольники, буйные Козаки, всѣ,—соединенные теперь общимъ бѣдствіемъ, возстанутъ другъ противъ друга и, какъ стая голодныхъ псовъ, начнутъ терзать собственную свою родину. Никогда еще,

благочестивые и твердые въ любви своей къ отечеству Бояре не были столь нужны для сиротствующей земли Русской. Ты пойдешь по стопамъ покойнаго твоего родителя, Юрій Дмитричь! ты будешь твердѣйшимъ оплотомъ отечества, противъ ухищренія и злобы домашнихъ враговъ нашихъ; а что бы ты былъ, произнеся обѣтъ иночества? Отрекаясь міра, ты заключалъ еще въ душѣ своей любовь мірскую,—что стало бы съ тобою, еслибъ ты поколебался въ своей вѣрѣ? Еслибъ, искушаемый земными помыслами, ты предался отчаянію и твой преступный языкъ произнесъ бы хулу на самаго себя и сталъ бы проклинать.... О, Юрій Дмитричь! отъ одной сей мысли застываетъ кровь въ моихъ жилахъ!... Благодари Господа, что ты не произнесъ еще обѣта, коего разрѣшить не въ силахъ вся власть человѣческая! —

Съ безмолвнымъ восторгомъ слу-

нималъ Милославской утѣшительныя слова своего наставника.—Безумный! вскричалъ онъ наконецъ,—и я смѣлъ роптать на промыслъ Божій!... Я могу назвать Анастасію моей супругою! могу, не отягчая преступленіемъ моей совѣсти, прижать ее къ своему сердцу!...

— Да, Бояринъ! Пусть добродѣтельная супруга будетъ наградою за труды, понесенные тобою для отечества. Но гдѣ она теперь?...

— Въ Хотьковскомъ монастырѣ, въ которомъ Игуменья родная ея тетка. — [illegible]

— Въ Хотьковскомъ монастырѣ!... Племянница Игуменьи?... Ахъ, Юрій Дмитричь! для чего ты молчалъ? Еслибъ ты зналъ?.. Но пойдемъ поклониться гробу Преподобнаго Стефана Пермскаго. —

Юрій взошелъ въ сѣверной предѣлъ, а Палицынъ пріостановился, чтобъ взглянуть, какія должно было сдѣлать поправки въ главномъ иконо-

спасъ, съ коего были содраны всѣ серебряныя украшенія. Милославской подошелъ къ гробницѣ Святителя и шутъ только замѣтилъ, что онъ и прежде былъ не одинъ въ церкви. Какой-то нищей стоялъ передъ гробницею; длинные и густые волосы, опускаясь въ безпорядкѣ съ поникнувшаго чела его, покрывали почти совсѣмъ изможденное и блѣдное лице, на коемъ ясно изображались всѣ признаки потухающей жизни. Услышавъ близкой шумъ, онъ повернулся лицемъ къ Милославскому, ласково протянулъ къ нему изсохшую свою руку и произнесъ слабымъ голосомъ:—здравствуй, Дмитричь! Ужъ я ждалъ, ждалъ тебя! На-силу ты пришелъ! —

— Это ты, Митя! сказалъ Юрій.— Ахъ, Боже мой! что съ тобой сдѣлалось? Бѣдняжка! какъ ты похудѣлъ!—

— Домой сбираюсь, Дмитричь!... Да и пора, голубчикъ, видитъ Богъ, пора! помаялся, потаскался лѣтъ пять-

десять по чужой сторонѣ,—будетъ съ меня! —

— А гдѣ твоя родина?—спросилъ Юрій, не понимая истиннаго смысла словъ юродиваго.

— Гдѣ моя родина? чай, тамъ же, гдѣ и твоя. —

— Такъ по этому близко отсюда?—

— И близко и далеко,—какъ пойдешь, голубчикъ. —

— А! теперь я понимаю, сказалъ Милославскій;—ты говоришь не о земномъ своемъ отечествѣ и хочешь сказать, что смерть твоя близка? По чему ты это думаешь? —

— И радъ бы не думать, Дмитричь, да думается!... Вотъ Бояринъ Шалонской и гадать не гадалъ, а вдругъ отправился—и какъ же?... прямёхонько туда, куда дай Богъ попасть и мнѣ, и тебѣ, и всякому доброму человѣку. —

— Что ты говоришь, Миша? —

Кроткое, небесное веселіе изобра-

зилось на лицѣ юродиваго, глаза его наполнились слезами.—Да, Юрій Дмитричь! сказалъ онъ прерывающимся отъ сильнаго чувства голосомъ.—Тамъ! въ горнихъ селеніяхъ, не скорбятъ уже о заблудшемъ сынѣ: онъ возвратился въ домъ отца своего! —

— Такъ онъ покаялся передъ смертію?...

— И Господь отверзъ ему свои объятія. Я былъ свидѣтелемъ сего торжества милосердія и благости Божіей; я, презрѣнный, окаянный грѣшникъ, удостоился отнести дочери, не тщетное, но святое благословеніе умирающаго родителя. —

Митя замолчалъ, и сложа крестообразно руки, устремилъ къ небесамъ свой взоръ, исполненный любви, надежды и душевнаго умиленія. Помолчавъ нѣсколько времени, Юрій спросилъ робкимъ голосомъ:—ты видѣлъ ее? —

— Да, Дмитричь, видѣлъ. Я третьяго-дня былъ въ Хотьковѣ. —

— Ну что?... говори Митя! здорова ли она? — [illegible]

— Слава Богу! Она мнѣ все разсказала... Бѣдная, горемычная сиротинка! Постой-ка! у меня есть отъ нея къ тебѣ посылочка—на, возьми! —

— Что я вижу! мой обручальный перстень! —

— Да, Дмитричь! сего-дня утромъ она обручится съ женихомъ, который получше насъ съ тобою. —

— Милосердый Боже!—и такъ она....

— Успокойся, Юрій Дмитричь! сказалъ Палицынъ, который, подойдя къ Юрію, засталъ окончаніе сего разговора. — Анастасья не произнесетъ обѣта разстаться навсегда съ тобою. Я долженъ былъ сего-дня постричь ее, и завтра поѣду въ Хотьковскую обитель — но не для того, чтобъ разлучить тебя съ супругою; а чтобъ привезти ее сюда и соединить васъ на вѣки. —

Юрій почти безъ чувствъ упалъ на грудь отца Авраамія, а Митя, уни-

рая рукавомъ текущія изъ глазъ слезы, тихо склонился надъ гробомъ угодника Божія и черезъ нѣсколько минутъ, когда Милославской, уходя вмѣстѣ съ Палицынымъ изъ храма, подошелъ съ нимъ проститься, его уже не было — онъ возвратился въ свою родину.

Спустя недѣли три послѣ описаннаго нами приключенія, Кирша, прощаясь съ Алексѣемъ, которой, провожалъ его до городскихъ воротъ, сказалъ:—поклонись, братъ, еще разъ отъ меня твоему Боярину. Вѣкъ не забуду его благодѣяній! По милости его, я могу теперь завестись своимъ домикомъ и жить не хуже всякаго Атамана. —

— А на что тебѣ свой домъ? Вѣдь вы Запорожцы живете всѣ вмѣстѣ, какъ старцы въ общинѣ? —

— Да кто тебѣ сказалъ, что я поѣду жить въ Запорожскую Сѣчь? Нѣтъ, любезной! какъ я посмотрѣлъ на твоего Боярина и его супругу,

такъ у меня прошла охота оставаться вѣкъ холостымъ Запорожскимъ Козакомъ. Я ѣду въ Батуринъ, заведусь также женою, и дай Богъ, чтобъ я хоть въ половину былъ такъ счастливъ, какъ твой Бояринъ! Нечего сказать: помаялся онъ, сердечной! да и наградилъ же его Господь за потерпѣнье! Прощай, Алексѣй! авось Богъ приведетъ намъ еще когда нибудь увидѣться! —

Мы полагаемъ достаточнымъ упомянуть только слегка о послѣдствіяхъ народной войны 1612 года; ибо увѣрены, что большой части нашихъ читателей извѣстны всѣ историческія подробности сей любопытной эпохи *возрожденія* Россіи. Вскорѣ по взятіи Кремля, Король Польской пытался снова завладѣть Москвою; но осада и отчаянная защита Волоко-Ламска доказали ему, что онъ вторично не успѣетъ обольстить Русскихъ. Простоявъ безъ всякой пользы подъ симъ небольшимъ

городкомъ, онъ рѣшился не ходить далѣе и побѣжалъ со всѣмъ своимъ войскомъ назадъ въ Польшу. По совершенномъ освобожденіи отъ внѣшнихъ враговъ, Россія долго еще бѣдствовала отъ внутреннихъ мятежей и безпокойствъ; наконецъ Господь умилосердился надъ несчастнымъ отечествомъ нашимъ: всѣ несогласія прекратились, общій гласъ народа наименовалъ Царемъ Русскимъ, сына добродѣтельнаго Филарета, Михаила Ѳеодоровича Романова, и въ 1613 году, 11 числа Іюля, сей юный Царь, Дѣдъ Великаго Петра, возложилъ на главу свою вѣнецъ Мономаховъ. Утвердивъ Князя Пожарскаго въ званіи Думнаго Боярина, онъ осыпалъ милостями и наградами всѣхъ, бравшихъ участіе въ великомъ дѣлѣ освобожденія Россіи. Старинные наши знакомцы: Замятня - Опалевъ и Лесута - Храпуновъ явились также ко Двору: первый хотѣлъ было объявить свои права на засѣданіе въ Царской Думѣ;

но узнавъ, что простой мясникъ, Козма Сухорукой, наименованъ такимъ же, какъ онъ, Думнымъ Дворяниномъ, ускакалъ назадъ въ свои отчины, повторяя съ важностію любимое свое изрѣченіе: »блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ.« Лесуна-Храпуновъ, какъ человѣкъ придворный, снесъ терпѣливо сію обиду, нанесенную родовымъ Дворянамъ; но когда, не смотря на всѣ его просьбы, ему, по званію Стряпчаго съ ключемъ, не дозволили нести Царской шапокъ и руковицы, при обрядѣ коронованія: то онъ, забывъ все благоразуміе и осторожность, приличныя старому царедворцу, убѣжалъ изъ Царскихъ палатъ, заперся одинъ въ своей комнатѣ и, наговоря шопотомъ много обидныхъ рѣчей на счетъ новаго правительства, уѣхалъ на другой день во свояси, разсказывать сосѣдямъ о блаженной памяти, Царѣ, Феодорѣ Іоанновичѣ, и о томъ, какъ онъ изволилъ жаловать своего

Царскою милостію ближняго своего Стряпчаго съ ключемъ, Лесупу-Храпунова. —

Наступилъ тридцатый годъ царствованія Михаила Феодоровича, Романова. Подъ кроткимъ и мудрымъ его правленіемъ, Россія отдохнула отъ тропескихъ бѣдствій, и гордящіеся своимъ просвѣщеніемъ, народы западной Европы, начинали уже съ примѣтнымъ безпокойствомъ посматривать на сего сѣвернаго исполина, которому не доставало только Великаго Петра, чтобъ удивить вселенную своимъ могуществомъ и славою.

Въ одно весеннее утро, наканунѣ Троицына дня, по Ростовской дорогѣ тянулись многочисленныя толпы богомольцевъ. Граждане Московскіе, жители Низовыхъ провинцій и даже обитатели благословенной Украйны—всѣ спѣшили на храмовой праздникъ знаменитой Троицкой Лавры. Внутри ограды монастырской,

посреди толпящагося народа, мелькали высокія шапки Бояръ Русскихъ; именитые Гости Московскіе, съ женами и дѣтьми своими, переходили изъ храма въ храмъ, служили молебны, сыпали золотомъ и многоцѣнными вкладами, умножали богатую казну монастырскую. Среди множества сихъ усердныхъ богомольцевъ, отличались отъ всѣхъ, не столько одеждою своей, сколь бодрымъ и воинственнымъ видомъ, Украинскіе Козаки, присланные съ богатыми дарами отъ Гетмана Малороссійскаго. Ихъ Старшина, человѣкъ средняго роста, но, по видимому, еще въ полной силѣ, обращалъ на себя болѣе другихъ общее вниманіе. Онъ осматривалъ съ большимъ любопытствомъ всѣ ближайшія окружности монастыря и показывалъ толпѣ, которая всюду за нимъ слѣдовала, тѣ мѣста, на коихъ стояли нѣкогда войска Пановъ Сапѣги и Лисовскаго. «Здѣсь, говорилъ онъ — «дѣлали Поляки подкопъ; вотъ тамъ,

въ этомъ оврагѣ, Лисовскій со всѣмъ было попался въ руки къ удалымъ служителямъ монастырскимъ. А здѣсь, противъ этой башни, молодецъ Селява, обрекшій себя неминуемой смерти, перекрошилъ одинъ около десятка супостатовъ и умеръ, выкупая своею кровію погибшую душу роднаго брата, который передался Полякамъ.»

Въ числѣ любопытныхъ, которые окружали Старшину, одинъ молодой Бояринъ, видный и прекрасный собою, казалось, внимательнѣе всѣхъ слушалъ разсказы стараго воина. Онъ осыпалъ его вопросами и когда Старшина, увлеченный воспоминаніями прошедшихъ своихъ подвиговъ, отъ осады Троицкаго монастыря перешелъ къ знаменитой побѣдѣ Князя Пожарскаго, одержанной подъ Москвою, надъ войскомъ Гетмана Хоткѣвича: то вниманіе молодаго Боярина удвоилось, лице его пылало, а въ голубыхъ, кипящихъ мужествомъ и

исполненныхъ жизни, глазахъ его изображались досада и нетерпѣнiе безстрашнаго воина, когда онъ слушаетъ разсказъ о знаменитомъ боѣ, въ которомъ, къ несчастiю, не могъ участвовать.

Служитель молодаго Боярина, сѣдой какъ лунь старикъ не спускалъ также глазъ съ разсказщика, который, обойдя кругомъ монастыря, взошелъ наконецъ въ ограду и сталъ разсматривать надгробные камни.

— Надъ кѣмъ поставленъ этотъ деревянной голубецъ?—спросилъ онъ у одного проходящаго старца.

— Тутъ похороненъ Борисъ Годуновъ,—отвѣчалъ хладнокровно инокъ.

— Годуновъ!... повторилъ Старшина, покачавъ головою.—Думалъ ли онъ, когда подъ Серпуховымъ осматривалъ свое безчисленное войско, что надъ нимъ поставятъ эту убогую, деревянную часовню!...Облокотясь на одинъ высокой надгробной камень, Козацкой Старшина продолжалъ смотрѣть за-

думчиво на сей краснорѣчивый памятникъ ничтожества величія земнаго, не замѣчая, что сѣдой служитель молодаго Боярина стоялъ по прежнему подлѣ него и, казалось, пожиралъ его глазами... Такъ! вскричалъ наконецъ сей неотвязной старикъ,— это онъ!... Кирша!—

Старшина вздрогнулъ, и взглянувъ быстро на служителя, спросилъ,—почему онъ его знаетъ?—

—Ты ужъ не въ первый разъ не узнаешь меня, отвѣчалъ старикъ;—и то сказать, вѣкъ прожить, не поле перейдти! Когда ты знавалъ меня, я былъ еще дѣтина молодой; а теперь на-силу ноги волочу, и не годы, пріятель, а горе сокрушило меня грѣшнаго.

—Да кто же ты?—

—Алексѣй Бурнашъ.

—Какъ? служитель Боярина Милославскаго?—

—Что братъ? не вѣрится?—

—Нѣтъ, нѣтъ! Я начинаю узнавать

тебя. Здравствуй, приятель! продолжалъ Кирша, обнимая съ радостію Алексѣя.

Межъ тѣмъ одинъ пожилой Купецъ и съ нимъ молодой человѣкъ, повидимому, сынъ его, подошли къ надгробному камню, возлѣ котораго стоялъ Кирша, и сталъ разбирать надпись.

— Ну что, старый товарищъ, спросилъ Кирша, — какъ поживаешь? Да скажи, пожалуй-ста, кто этотъ молодой Бояринъ, вотъ тотъ, съ которымъ ты ходилъ и который меня такъ обо всемъ разспрашивалъ? —

— Владиміръ Юрьичь, Милославской. —

— Сынъ Юрія Дмитрича? —

— Да! сынъ его. —

— Ну, молодецъ! Вотъ таковъ-то былъ смолоду его батюшка—кровь съ молокомъ! А что онъ подѣлываетъ? гдѣ онъ? здоровъ ли? Чай, устарѣлъ также, какъ ты? —

Алексѣй взглянулъ печально на Киршу и не отвѣчалъ ни слова.

— Посмотри-ка, Ванюша! сказалъ пожилой Купецъ своему сыну,—оба въ одинъ день—видно любили другъ друга!—

— Да чтожъ ты молчишь? вскричалъ Запорожецъ,—иль не слышалъ? Я спрашиваю тебя, гдѣ теперь Юрій Дмитричь? —

Въ эту самую минуту молодой Купецъ наклонился и прочелъ тихимъ голосомъ: «лѣта 7130-го, Октября въ десятый день, преставился »рабъ Божій, Бояринъ, Юрій Мило»славскій и супруга его, Анастасія....

КОНЕЦЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЗАМѢЧАНІЯ.

ЧАСТЬ I.

(1) Вотъ что говоритъ очевидецъ, Полякъ Москевичь: »Моей ротѣ досталось на часть два города, Суздаль и Кострома, въ 70-ти миляхъ отъ Столицы. Мы тотчасъ разослали товарищей съ лагерною челядью, для собранія живности; но наши такъ были неумѣренны, что, не довольствуясь хорошимъ обхожденіемъ Русскихъ, брали безъ разбора все, что имъ нравилось, такъ что иногда у самаго знатнаго Боярина отнимали насильно жену, или дочь ...«

(2) *Гостиную Сотню* составляли богатѣйшіе Купцы. Въ Новѣ-Городѣ они назывались имениными людьми. Ихъ можно сравнить съ нынѣшними Купцами первой Гильдіи.

(3) Пока не изобличили, лучше повиниться самому въ семъ анахронизмѣ. Московскіе жители цѣловали крестъ Царевичу Владиславу въ 1610-мъ году; слѣдовательно въ 1611 мъ году знали уже о семъ, не только близъ Нижняго Нова-Города, но и въ самыхъ отдаленныхъ провинціяхъ царства Русскаго.

(4) Большая часть Запорожскихъ Козаковъ, получившихъ сіе названіе отъ Днѣпровскихъ *порогосовъ*, за которыми они поселились, была составлена изъ холостыхъ людей всѣхъ состояній.—Женатые Козаки имѣли въ разныхъ мѣстахъ и въ довольномъ разстояніи отъ главнаго ихъ мѣстопребыванія, извѣстнаго подъ именемъ *Сѣчи*, особые дома, называемые *Зимовками*, въ которыхъ жили ихъ жены съ семействами; а въ самой Сѣчи не дозволялось жить ни одной женщинѣ.

(5) Золотая монета иностранной чеканки, почти вдвое больше червонца. Сочинитель розысканія о древности Русскихъ монетъ полагаетъ, что *кораблениками* назывались у насъ бывшіе въ обращеніи Англійскіе *нобели*.

(6) За самое величайшее преступленіе почиталось у Запорожскихъ Козаковъ умышленное убійство своего товарища. Убійцу закапывали живаго съ убитымъ. Рѣдко случалось, чтобъ сей законъ не исполнялся; одна отличная храбрость и любовь всѣхъ Козаковъ могла иногда спасти отъ сей казни преступника. Воровъ наказывали также весьма строго; разумѣется, что воромъ считался только тотъ, кто укралъ что нибудь у своего товарища, Запорожскаго Козака. Виновнаго привязывали на площади къ столбу, и въ теченіи трехъ дней, а иногда и долѣе, онъ долженъ былъ сносить побои и ругательства всѣхъ

проходящихъ. Уличеннаго вторично въ семъ преступленіи привязывали на нѣсколько времени къ столбу, а потомъ вѣшали.

(7) *Стряпчіе* служили при дворѣ; они смотрѣли за Царскою *Стряпнею.* Подъ именемъ *стряпни* разумѣли тогда мѣлкія принадлежности къ Царскому одѣянію, какъ-то: шапку, рукавицы, платокъ, посохъ и проч. Стряпчіе съ ключемъ, хотя исправляли при Царѣ ту же должность, но званіемъ своимъ равнялись съ Думными Дворянами и стояли выше Комнатныхъ Стольниковъ.

Степень *Дѣтей Боярскихъ*, по мнѣнію Миллера, была первою степенью Дворянъ Россійскихъ, въ чины еще не опредѣленныхъ. Имъ раздавались помѣстья и вмѣнялось въ обязанность въ военное время быть готовыми на службу Царскую, съ извѣстнымъ числомъ, на свое собственное иждивеніе вооруженныхъ всадниковъ. Они составляли въ 8-й, то есть, въ послѣдней степени Дворянъ тогдашняго времени.

Жильцы считались въ 7 степени старинныхъ Русскихъ чиновъ. По первоначальному своему назначенію они должны были составлять охранное войско Московское; но въ послѣдствіи употреблялись и въ дальные походы; главною же ихъ обязанностію было развозить царскія грамоты. Ихъ жаловали также помѣстьями, а за отличіе опредѣляли иногда Воеводами въ небольшіе города.

IV.

Думные Дворяне были членами Царской Думы, въ которой они засѣдали, вмѣстѣ съ Думными Боярами и Окольничими.

ЧАСТЬ II.

(1) Въ старину всѣ Русскіе безъ исключенія спали послѣ обѣда. Московскіе жители, порицая Лже-Димитрія, говорили между прочимъ, что онъ, какъ еретикъ, не ходитъ въ баню и не отдыхаетъ послѣ обѣда.

(2) Земледѣльцевъ и всѣхъ вообще занимавшихся черной работою называли въ старину *Смердами*. *Бобыль*, по толкованію Татищева, есть слово Татарское, означающее то же самое, что слово нищій. Бобылями называли крестьянъ, не имѣвшихъ своей пашни; но многіе изъ нихъ подъ симъ названіемъ производили немаловажную торговлю. Прежде они не платили никакихъ податей и составляли самый низшій классъ народа Русскаго.

(3) »Мятежники, Мордва, Черемисы и Лжедимитріевы шайки, Ляхи-Россіяне, съ Воеводою, Княземъ Вяземскимъ, осаждали Нижній Новъ Городъ: вѣрные жители обрекли себя на смерть,

»простились съ женами и дѣтьми, и единодушною »вылазкою разбили осаждающихъ на голову; »взяли Вяземскаго и немедленно повѣсили, какъ »измѣнника.

Карамзинъ, Исторія Государства Россійскаго, Том. 12 й.

ЧАСТЬ III.

(1) Олеарій говоритъ въ своемъ путешествіи въ Россію, при Царѣ Михаилѣ Феодоровичѣ, что Бояршни Русскія ѣздили верхами и въ телѣгахъ, покрытыхъ алымъ сукномъ. И хотя Успенской, въ своемъ опытѣ повѣствованія о древностяхъ Русскихъ, полагаетъ, что *колымаги* (экипажъ, похожій на нынѣшнія кареты, но только безъ ресоръ) употреблялись при одномъ Дворѣ; но вѣроятно ли, чтобъ Русскія Боярыни пускались въ дальнія дороги верхомъ, или въ открытой телегѣ? И почему не предполагать, что крытыя телеги съ гардинками, о коихъ въ другомъ мѣстѣ упоминаетъ Олеарій, не были ихъ дорожнымъ экипажемъ, и не назывались также колымагами, отъ которыхъ онѣ отличались одною только простотою отдѣлки?

(2) Священникъ села Кудинова, отецъ Еремѣй, лице не вымышленное, хотя о немъ и не упоминается въ лѣтописяхъ времени между-царствія. Онъ точно былъ начальникомъ Русскихъ *Гварилласовъ* и замѣчателенъ потому уже, что священствовалъ 97 лѣтъ сряду. Бывъ рукоположенъ во Іерея въ 1600 году, въ царствованіе Бориса Феодоровича Годунова, сдалъ свой приходъ сыну своему Никитѣ Еремѣеву, въ 1697 году въ царствованіе Императора Петра I-го.

(3) Хотя Голохвастовъ былъ въ послѣдствіи подозрѣваемъ въ измѣнѣ и единомысліи съ уличеннымъ предателемъ, Казначеемъ монастырскимъ, Іосифомъ Дѣвочькинымъ; но изъ лѣтописи Авраамія Палицына видно, что онъ до конца осады оставался Воеводою и раздѣлялъ по прежнему съ Княземъ Долгорукимъ начальство надъ войскомъ Лавры: слѣдовательно можно полагать, что подозрѣніе сіе оказалось неосновательнымъ.

(4) По словамъ Олеарія, Халдейцами назывались люди изъ самаго низкаго состоянія, кои, получивъ дозволеніе отъ Патріарха, наряжаться во время Святокъ, бѣгали по улицамъ замаскированные и съ факелами въ рукахъ, дѣлали различныя буйства и безпорядки, останавливали проходящихъ и жгли бороды у тѣхъ, кои не хотѣли откупаться деньгами. Эти плеры были у всѣхъ въ величайшемъ презрѣніи, и Олеарій увѣряетъ, что будто бы ихъ всякой разъ, по окон-

чайи Святокъ, какъ вновь поступающихъ въ число православныхъ, крестили въ Іорданѣ. Къ сему должно присовокупить, что и въ наше время въ нѣкоторыхъ провинціяхъ крестьяне считаютъ должнымъ, окунывать во Іорданѣ тѣхъ, кои о Святкахъ наряжались.

(5) Вотъ что говоритъ Лѣтопись о Козакахъ, бывшихъ въ войскѣ Князя Трубецкаго:... »Многое раззорѣніе Христіаномъ творяху, и грабежи и убійства вездѣ содѣваху, и кто можетъ изрѣщи злое то насиліе ихъ, и сія бѣда послѣдняя бысть горше первыя (то есть нашествіе Поляковъ), а смирити и уняти ихъ не возможно, собрася бо Козаковъ сихъ множество, и бысть мятежъ сей и насиліе по всей земли.«

ПОГРѢШНОСТИ.

Въ I-мъ Томѣ:

Напечатано:			Читай:
Стран.	*Строк.*		
180.	18.	Весславѣ	Весславичѣ
189.	17.	спозаранкамъ	спозаранковъ

Во-II-мъ Томѣ:

Напечатано:			Читай:
Стран.	*Строк.*		
103.	12.	въ Соловии	въ Соловки

